

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Журнал основан в 2004 году

Том 19, № 1

ВЕСНА
2022

Выпуск 48

Учредитель:
ФГБУН «Институт восточных
рукописей РАН»
Журнал зарегистрирован в ФС
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ
№ ФС77-78987 от 14 августа
2020 г.
Подписной индекс
АО «Почта России» ПП114
Периодичность издания
4 раза в год
ISSN 1811-8062
Языки издания:
русский, английский
12+

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)
Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР РАН)
Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)
к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Изд-во «Наука»)
акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)
д.филол.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)
д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)
проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библио-
тека)
О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)
акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)
к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)
акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)
д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.С. Мясников** (ИДВ РАН; ИВР РАН)
проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Пед. ун-т; Сычуаньский
пед. ун-т)
к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)
проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский
ун-т)
акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)
проф. **Таката Токио** (Япония, Ун-т Киото; Китай, Фудань-
ский ун-т)
член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)
д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)
к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

Санкт-Петербург
ИВР РАН
2022

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

К.М. БОГДАНОВ. Тангутская рукопись «Изначальный [шаманский] обряд» из коллекции ИВР РАН. Перевод с тангутского и исследование **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

С.Л. БУРМИСТРОВ. Проблема онтологической самостоятельности в философии буддизма махаяны **19**

А.В. ЗОРИН, В.П. ИВАНОВ. Мультиязычный перевод молитвы «Отче наш» в документальном наследии Д.Г. Мессершмидта **33**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

В.П. ЗАЙЦЕВ, О.М. ЧУНАКОВА. Согдийские рукописные фрагменты из коллекции С.Ф. Ольденбурга (Сериндийский фонд ИВР РАН). Часть 2 **52**

Борджигийн ОЮНБИЛИГ. История тибетских событий 1705 года. Часть 2. Перевод с китайского И.Р. ГАРРИ **71**

С.А. ПОЛХОВ. Изображение мятежа Араки Мурасигэ в «Записях о князе Нобунага» О:та Гю:ити **86**

М.М. ЮНУСОВ. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. VII. Бартеlemi-ориенталист: между наукой и «высшим светом». Часть II **108**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т.В. ЕРМАКОВА. Обзор заседаний конференций «Актуальные проблемы буддологических исследований–10, 11» (Санкт-Петербург, 15 марта, 21 июня 2021 г.) **129**

Т.А. ПАН, Е.В. ТАНОНОВА. Ежегодная научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения» (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2021 г.) **136**

РЕЦЕНЗИИ

Тибетология в Санкт-Петербурге. Выпуск 2 / Отв. ред. А.В. Зорин. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. — 356 с. + 16 ил. (*Н.В. ЦЫРЕМПИЛОВ*) **146**

На четвертой стороне обложки:

К статье А.В. Зорина, В.П. Иванова.

«Мультиязычный перевод молитвы „Отче наш“ в документальном наследии Д.Г. Мессершмидта».

Индийский фонд ИВР РАН, шифр VII, 81 (Ind. 159).

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Founded in 2004
Issued quarterly

Volume 19, No. 1

spring
2022

Issue 48

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Secretary **Elena V. Tanonova**, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Alikber K. Alikberov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Vladimir M. Alpatov, Member of RAS (Phil.), Institute of Linguistics, RAS, Moscow

Svetlana M. Anikeeva, Ph. D. Sci. (Phil.), Nauka Publishers, Moscow

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Hist.), Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology, SB RAS, Ulan-Ude

Sergey L. Burmistrov, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Anatoly P. Derevyanko, Member of RAS (Hist.), Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS, Novosibirsk

Serge A. Frantsouzoff, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Dmitrii V. Frolov, Corresponding Member of RAS, Moscow State University

Youli A. Ioannesyanyan, Ph. D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Aliy I. Kolesnikov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Nikolay N. Kradin, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnology, FEB RAS, Vladivostok

Alexander B. Kudelin, Member of RAS, Institute of World Literature, RAS, Moscow

Alexander N. Meshcheryakov, Dr. Sci. (Hist.), Higher School of Economics, Moscow

Vladimir S. Myasnikov, Member of RAS (Hist.), Institute of Far East, RAS, Moscow

Nie Hongyin, Prof., Beijing Normal University, Sichuan Normal University, China

Stanislav M. Prozorov, Ph. D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Nicholas Sims-Williams, Dr. Sci. (Phil.), University of London

Andrey V. Smirnov, Member of RAS (Philosophy), Institute of Philosophy, RAS, Moscow

Takata Tokio, Dr. Sci. (Phil.), Kyoto University, Japan, Fudan University, China

Irina V. Tunkina, Corresponding Member of RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Ramil M. Valeev, Dr. Sci. (Hist.), Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Olga V. Vasilyeva, National Library of Russia, St. Petersburg

Hartmut Walravens, Prof., Berlin State Library, Germany

Nataliya S. Yakhontova, Ph. D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

Kirill M. BOGDANOV. The Tangut Manuscript *The First [Shamanistic] Ritual* from the IOM, RAS Collection. Textual Research and Translation **5**

RESEARCH WORKS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

Sergey L. BURMISTROV. The Problem of Ontological Independence in Mahāyāna Buddhist Philosophy **19**

Alexander V. ZORIN, Vladimir P. IVANOV. A Multani Translation of the Lord's Prayer Preserved in the Archival Legacy of D.G. Messerschmidt **33**

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

TEXTOLOGY, CODICOLOGY, PALEOGRAPHY, ARCHEOGRAPHY

Viacheslav P. ZAYTSEV, Olga M. CHUNAKOVA. Sogdian Manuscript Fragments from the Collection of S.F. Oldenburg (The Serindia Collection of the IOM, RAS). Part 2 **52**

Borjigidai OYUNBILIG. Historical Events of 1705 in Tibet. Translated by Irina R. GARRI. Part 2 **71**

Svyatoslav A. POLKHOV. The Description of Araki Murashige's Uprising in the *Shinchō-kō ki* by Ōta Gyūichi **86**

Marat M. YUNUSOV. From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 7. Barthélemy the Orientalist: Between Scholarship and High Society. Part II **108**

ACADEMIC LIFE

Tatiana V. ERMAKOVA. The "Current Topics of the Buddhist Studies–10, 11" Conference (St. Petersburg, March 15, June 21, 2021) **129**

Tatiana A. PANG, Elena V. TANONOVA. The Annual "Written Heritage of the Orient as the Basis for Classical Tradition in Oriental Studies" Session at the IOM, RAS (St. Petersburg, December 10–12, 2021) **136**

REVIEWS

Tibetan Studies in St. Petersburg. Collected papers. Issue 2. Ed. by A.V. Zorin. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2021. 356 pp. + 16 figs. (*Nikolay V. TSYREMPILOV*) **146**

Back cover:

To the article by A.V. Zorin, V.P. Ivanov. "A Multani Translation of the Lord's Prayer Preserved in the Archival Legacy of D.G. Messerschmidt". Indian collection of the IOM RAS, call number VII, 81 (Ind. 159)

Тангутская рукопись «Изначальный [шаманский] обряд» из коллекции ИВР РАН

Перевод с тангутского и исследование

К.М. БОГДАНОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO100085

Статья поступила в редакцию 23.06.2021.

Аннотация: Рукопись Танг 1621 пока единственный известный нам письменный источник, который прямо свидетельствует о существовании шаманской традиции у тангутов. В тексте описан включающий камлание шаманский ритуал, целью которого было избавление рода, клана от бедствий, ставших следствием нарушения ритуала жертвоприношения астральным божествам. Этот ритуал, возвращающий защиту небесных сил данному сообществу, исполняется впервые и как бы создает соответствующую ритуальную практику, а потому является крайне важным для жизни родов, кланов и в дальнейшем государства, которое будет ими создано. Судя по всему, это оригинальный тангутский текст, существовавший в устной традиции и затем зафиксированный письменно. Стихотворный язык, состоящий из архаизмов, метафор, символов, отсутствие комментариев, а также структура предложений, по большей части не совпадающая с известными правилами тангутской грамматики, делают перевод и исследование памятника крайне затруднительными, и настоящую работу можно рассматривать как промежуточный этап. Основная проблема, которая возникла при исследовании, заключается в определении, что такое тангутский шаманизм и насколько он соответствует существующим определениям данной религиозной системы верований.

Ключевые слова: Тангутский фонд ИВР РАН, тангутские религиозные верования, шаманизм, «религия без названия».

Для цитирования: *Богданов К.М.* Тангутская рукопись «Изначальный [шаманский] обряд» из коллекции ИВР РАН / Перевод с тангутского и исследование // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 5–18. DOI: 10.55512/WMO100085.

Об авторе: БОГДАНОВ Кирилл Михайлович, научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (khmae@list.ru). ORCID 0000-0001-9769-5918.

© Богданов К.М., 2022

Рукопись Танг 1621, содержащая тангутский текст под названием, которое буквально можно перевести как «основа или исток обряда *камлания*», представлена в Тангутском фонде (ТФ) ИВР РАН книгой, содержащей 13 листов, сброшюрованной

в виде тетради, размером 19,6×13,5 см. На первом и втором листе — Предисловие 序言 序言 序言 и начало сочинения, предваряющие его название. Структура текста следующая: на каждом листе семь стихотворных строк из двух гатх по семь слогов каждая. В тексте присутствуют два почерка: часть (л. 1–8) написана одним достаточно отчетливым почерком, а с л. 8 по л. 12 характер почерка меняется на курсив, который местами переходит в подобие скорописи. Тем не менее складывается впечатление, что рукопись написана одним переписчиком. Вероятно, изначально существовавший в устной традиции текст был зафиксирован письменно достаточно поздно, не исключено также, что текст был скопирован с другого источника. Возможно, что описанный здесь древний обряд сохранился и был частью локального религиозного культа уже во время существования Си Ся, т.е. в X–XIII вв. Ни одно из предположений не может быть доказано или опровергнуто наверняка. Очевидно следующее: исходя из внешнего вида книги, типа бумаги, сравнивая ее с другими книгами из Хара-Хото, можно отнести ее создание к XII–XIII вв. С большой долей уверенности можно также предполагать, что перед нами оригинальный тангутский текст, т.е. он не является переводом, хотя при этом вовсе не исключены какие-либо влияния или заимствования в плане содержания¹. Предлагаемый перевод названия является вариантом его интерпретации в соответствии с лексическими значениями, указанными в словарях, и в целом вполне соответствует основному содержанию памятника. Существительное 基 переводится как «основа, исток, происхождение, корень» (Кычанов 2006: 258). Соответственно, здесь подразумевается первичность явления или действия, положившего начало какой-либо традиции, в данном случае ритуальной практики. Существительное 礼 переводится в словаре Кычанова как «камлание, ритуал» (Кычанов 2006: 543), в словаре Ли Фаньвэня (Li Fanwen 2008: 853) — просто как «ритуал». Учитывая, что нам известен еще один знак с этим значением — 𪛗 (Кычанов 2006: 427), который более точно передает именно значение «камлание»², а также то, что обряд «камлания» в данной рукописи описан в рамках более широкого — мифологического и ритуального содержания, предлагаемый перевод названия «Изначальный [шаманский] обряд», несмотря на некоторую фонетическую тяжеловесность, на мой взгляд, является более точным в смысловом отношении. К тому же описываемый здесь ритуал обладает всеми типологическими чертами шаманского обряда, и потому данная интерпретация названия вполне оправданна.

Основной смысл, выраженный в заглавии, делает текст особенно ценным для изучения религиозных верований тангутов или их предков до возникновения и распространения буддизма. Учитывая единую этническую общность тангутов и тибето-бирманских этносов (лоло, мосо, ицзу), проживающих в пограничных областях на юго-западе Китая, а также тот факт, что как раз у этих народов практиковался именно шаманизм, мы вправе допустить существование шаманизма наряду с другими религиозными культурами и у тангутов³.

¹ Подтверждением тангутской идентичности текста является его язык — синтаксис и лексика, которая содержит тангутские имена: например, встречающееся здесь имя Тхие Мэй, упомянутое в другом оригинальном тангутском сочинении — «Море значений, установленных святыми» (Кычанов 1997: 126), косвенно подтверждает предположение о том, что это оригинальный тангутский текст.

² Помимо значения «камлание» есть также конкретное значение «превращение».

³ Приведу цитату из работы известного исследователя шаманизма В.Н. Богораз (1865–1936) «Стадии развития шаманства»: «По преданиям уйгуров, шаманство основано женщиной. Главное высшее шаманское божество сначала появилось среди тангутов...» (Богораз 2018: 214). Цитата из главы «Ша-

Тем не менее правомерно ли категорично применять к добуддийским верованиям тангутов понятие «шаманизм» и, соответственно, соотносить их ритуальную практику с шаманизмом? Таким образом, основной вопрос, который возникает при исследовании текста, заключается в том, какие верования существовали у предков тангутов: религиозный культ, в котором центральной фигурой и посредником взаимодействия людей с миром духов выступал шаман, или это была организованная форма религии с определенной структурой и жреческой иерархией — «религия без названия», как ее впервые охарактеризовал Рольф Штейн (Stein 1962: 158–166). Возможно также, что один культ предшествовал другому, являлся его частью или они существовали параллельно в одну историческую эпоху.

Известно, что в период существования Си Ся (982–1226) у тангутов наряду с буддийскими, конфуцианскими и даосскими священниками также официально существовали различного рода предсказатели, гадалки, астрологи, в том числе шаманы. В тангутской табели о рангах перечислены титулы гадалек или предсказателей, а также титулы шаманов (Кычанов 2008: 163)⁴. Вместе с тем в законе нет указаний на какие-либо правовые акты, регулирующие их деятельность, потому, как считает Е.И. Кычанов, «здесь господствовал обычай, и деятельность жрецов (шаманов) не регламентировалась строго государством» (Кычанов 1988: 421). В качестве сравнения следует упомянуть сложную структуру шаманской службы, существовавшую в Китае, а также маньчжурский шаманизм, который, судя по имеющимся в нашем распоряжении письменным данным, к XVIII–XIX вв. был уже организованной формой народной религии и регламентировался государством наряду с другими официальными культурами (Пан 2000: 105)⁵.

Возвращаясь к тангутам, зададимся вопросом: в какой степени шаманы, упоминаемые в тангутском законодательстве, соотносились с местным древним шаманизмом или они являлись жрецами иной религиозной традиции, например той же самой «религии без названия», которую предположительно исповедовали этнические предки тангутов?⁶ Правомерно ли к таким организованным и регулируемым государством системам, зафиксированным законодательно, при всей схожести ритуальных практик, применять термин «шаманизм»?⁷ На основе исследования данного памятника можно с уверенностью сказать, что он отображает именно шаманские верования, общие, согласно

манство в Средней Азии» (источники данной информации не указаны), видимо, взята из уйгурских материалов С.Е. Малова, так как именно на его исследования В.Н. Богораз ссылается в данной главе.

⁴ У каждого шамана был свой титул с закрепленными ритуальными функциями: «Совершающий обряды», «Порождающий успех», «Обеспечивающий защиту», «Очищающий», «Усыпляющий» (Кычанов 2008: 43). Перевод титулов шаманов цитируется по электронной версии текста монографии («„Новые законы“» тангутского государства» (Кычанов 2013). Эти данные содержатся в главе «Административные органы Си Ся. Чины и ранги», которая по неизвестной причине не была опубликована в печатном издании, но упоминаемые титулы шаманов перечислены в тексте «Табель о рангах» (ТФ ИВР РАН, Танг 45). Здесь же отметим, что градация шаманов в зависимости от исполняемых обрядов существовала в том числе у народа Сибо (Pang 1994: 61–66).

⁵ При общей типологической схожести с аналогичными источниками тангутский шаманский текст, несомненно, отличается от них своей «древностью»: зафиксированный письменно в XI–XIII вв., он отражает историко-культурный пласт, относящийся, возможно, к VI–VIII вв.

⁶ Здесь также уместно сослаться на систему религиозных верований батаков Суматры, в которых существовали параллельно шаманы и жрецы, и их ритуальные функции были разделены (Ревуненкова 1973: 117–131).

⁷ Именно из-за этой терминологической неопределенности Е.И. Кычанов задается вопросом в комментарии к тексту «Новых законов»: «Что кроется за наименованиями... астрологов и шаманов?» (Кычанов 2013: 44).

своим характеристикам, с шаманизмом народов Центральной Азии и Сибири. Как эта система вписывается в формализованную, регламентированную государством систему, ответить трудно. Можно добавить, что, учитывая исторические и этнические аспекты, отраженные в тексте и его смысловой специфике, логично предположить, что в нем могут содержаться — вне зависимости от времени его фиксации — элементы самых разнообразных культурно-временных периодов (мифы, мифические герои, обычаи).

Структурно рукопись состоит из двух частей — основной и, условно говоря, дополнительной. Основная часть характеризуется относительно законченным сюжетом, относительной последовательностью излагаемых событий, в которых участвуют одни и те же персонажи. Дополнительная часть может являться комментарием, помогающим понять суть событий, о которых рассказано в первой. Основная часть предваряется Предисловием, содержащим своего рода синопсис, раскрывающий главный смысл повествования. Согласно этому краткому содержанию, можно предположить, что перед нами не только ритуал, но миф-ритуал и преимущественно космогонический миф. В Предисловии сначала упоминается бедствие в виде засухи, посланной на землю. Причина бедствия — неправильное исполнение обряда жертвоприношения астральным духам, обеспечивающим защиту мира живых от демонических сил. Так становится известно, что часть сложного, многосоставного ритуала была утеряна и в результате нарушена ритуальная целостность⁸. Именно поэтому духи покинули людей, лишив их своего покровительства⁹. Глава рода, клана, чтобы избежать гибели всего живого, поручает Первому шаману выполнить ритуал, в ходе которого следует совершить магическое путешествие и восстановить связь между верхним (сфера духов) и средним (сфера живых существ) мирами¹⁰. Таким образом, Предисловие помогает объяснить название текста и понять его ритуальное значение. В дальнейшем события, излагаемые в основной части, в ряде смысловых моментов и деталях противоречат Предисловию. Повествование непоследовательно, содержит ссылки на мифические события, предания, смысл которых неясен. Судя по ним, можно предположить, что главное бедствие, возникшее из-за прекращения обряда, — это то, что смерть была послана в мир живых. Вследствие утраты некоего равновесия между мирами, границы которых нарушаются вопреки космологическим законам, были открыты «врата»

⁸ Вероятно, в данном тексте описан добуддийский астральный обряд, который мог стать впоследствии частью важного государственного ритуала. Возможно, что именно подобный ритуал был исполнен Юаньхао (1032–1048), когда он принял решение провозгласить себя Сыном Неба, императором Великого Ся (Кычанов 1968: 133–134). Следует также отметить, что упоминание ключевого государственного ритуала встречается в ряде текстов из собрания Тангутского фонда.

⁹ «Тангуты плохо обращались с божеством и даже прогнали его от себя... Небесное божество удалилось в Зурские горы... отправилось на поиски (жилья человека. — К.Б.) ... спустилось в местечко по имени Колодезь Паи» (Богораз 2018: 214). Правомерен вопрос: действительно ли о тангутах, как их называли тибетцы, здесь идет речь? Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с распространенной в свое время ошибкой европейской и российской историографии, когда тангутов отождествляли с тибетцами или родственными тибетскими племенами. Вместе с тем это странно, так как пу-танца в отождествлении этноса исчезла после открытия Хара-Хото и благодаря интенсивным исследованиям найденных там материалов. Следовательно, в период написания Богоразом данной работы (1934–1936) этническая идентичность тангутов уже была установлена. К тому же уйгуры — соседи тангутов с древних времен, и в уйгурских источниках, на которые ссылался Малов и затем Богораз, не может быть допущена ошибка в названиях этноса. Остается также неясным местонахождение Зурских гор и указанного места Колодезь Паи.

¹⁰ Мотив разрыва связи между небом и землей вследствие нарушения ритуала упомянут во многих мифах, в том числе китайских (Бодде 1977).

подземного мира, мира мертвых. В строках Предисловия содержится также указание на то, что хаос возник из-за нарушения некоего главного, основного ритуала. Можно предположить, что после проведения успешного камлания мир живых существ был спасен и была восстановлена целостность ритуала принесения жертвы астральным божествам — залог их покровительства и защиты, однако в самом тексте это четко не констатируется. Заключительные строки повествуют о путешествии шамана по приказу верховного небесного божества в подземный мир с целью закрыть проход в него и избавить мир живых от смерти.

Еще раз подчеркнем, что в тангутском памятнике отражен весь характерный для шаманской мифологии комплекс представлений о взаимодействии мира людей с миром духов, посредником этого взаимодействия является шаман. В данном тексте это «шаман-кукушка», т.е., видимо, шаман, превращающийся в состоянии транса в кукушку для выполнения своей магической роли. Также упоминаются и другие птицы: сова, сорока, ястреб — указание на духов-помощников шамана. Упоминаемый в тексте «бубен-жеребенок», на котором шаман совершает путешествие по мирам и по которому наносятся удары колотушками, — важнейшая часть шаманского камлания. В ходе этого камлания призываются духи, призванные помочь шаману в его магическом путешествии. Исходя из перечисленного ряда действий и атрибутов, можно предположить, что структуру текста составляют главные элементы шаманского посвящения, сущностью которого, как правило, является восхождение на небо по ступеням Мирового Древа, путешествие к Центру мира. Прямым указанием на мотив инициации может являться антропоморфный женский персонаж «Белая Лестница», ведущая на небо или на священную вершину. По этой лестнице должен подняться шаман, преодолевая противодействия демонических сил. Возможно, к тому же семантическому ряду следует отнести «Мост Благовоний», на котором происходит игра в кости за обретение земель. Шаманская космология и аспекты шаманской инициации явственно присутствуют в тексте, где упоминается лестница на небо, гора, символическое обозначение той же «лестницы» или «мирового древа», связующего три сферы, образующие вселенную: верхний, средний и нижний миры. Следует также отметить, что здесь описаны два обряда шаманской инициации: шаман поднимается на небо и спускается в нижний, подземный мир.

Вторая часть памятника (л. 8–12), перевод которой не включен в данную публикацию, непосредственно не связана с основной, но явно имеет косвенное отношение к ней, возможно, выполняя своего рода роль комментария, который должен разъяснить некоторые скрытые аспекты повествования. Можно предполагать, что она, также как и Предисловие, была добавлена позднее. Эта часть состоит из набора изречений, в которых прослеживаются следы древних местных мифов, календарных обрядов, а также, возможно, упоминание реальных исторических событий. Отсутствие единой сюжетной линии, обилие имен мифических антропоморфных и зооморфных персонажей, метафоричный язык делают перевод этой части крайне затруднительным.

Следует сказать, что весь текст «Изначального... обряда» весьма сложен для перевода, и это в первую очередь обусловлено особенностью, которую Бодде применительно к китайским мифологическим текстам охарактеризовал как фрагментарность (Бодде 1977: 372–373)¹¹. Другой аспект, составляющий обычную трудность для пере-

¹¹ «Случайные упоминания и разжигающие аппетит фрагменты, разбросанные... по текстам разного времени и разной идеологической ориентации» (Бодде 1977: 372–373).

вода подобных текстов, — это язык памятника. Метафоричность и символизм, скрывающие смысл, понятный только автору, принадлежащему к данной традиции, а также полное отсутствие служебных грамматических элементов, которые позволяют установить правильные синтаксические связи во фразе, неизвестная лексика или неизвестное значение известных нам слов — всё это в совокупности делает крайне трудным понимание всего семантического поля, связанного с сюжетными линиями, персонажами. Добавим, что некоторые знаки не сохранились — дополнительная трудность для перевода, особенно в тех случаях, когда это относится к конечным знакам в строке, которые по правилам выполняют функцию сказуемого в высказывании и потому содержат значительную смысловую нагрузку всей фразы. Отдельную проблему представляют встречающиеся в тексте имена собственные. Возможно, это имена мифических и культурных героев, предков, тотемных божеств, которые прежде не встречались в известных нам тангутских текстах, или же они переданы разными фонетическими знаками. Предварительный перевод текста основан на понимании общего смысла, в настоящий момент данная интерпретация — единственный способ дать представление о памятнике. Вместе с тем крайне интересно наблюдать, как меняется доступность текста для понимания буквально в пределах нескольких строк: от изложения лишенных какой-либо последовательности и смысла событий до событий вполне понятных и объяснимых.

Несмотря на все указанные проблемы и связанные с ними неточности и ошибки, настоящее исследование все-таки заполняет определенный пробел в существующих представлениях о достаточно древнем периоде истории тангутов. Помимо уже названных выше значимых аспектов содержания следует указать на еще один наиболее существенный: в оригинальном тангутском тексте письменно зафиксирована — в виде возможных влияний и заимствований различных мифологических мотивов — культурная и религиозная общность тибето-бирманских народов. Для того чтобы убедиться в этом несомненном сходстве мотивов и сюжетов, достаточно ознакомиться с содержанием мифов некоторых тибето-бирманских народов, приведенных в известной работе Элиаде (Элиаде 2014: 286–288). Публикуемый тангутский текст содержит сведения, которые документально отражают достаточно древний культурный пласт, возможно относящийся к начальному периоду формирования цянов, этнической основы тибето-бирманских народов. Введение этих данных в научный оборот и их дальнейшее изучение в уже известном контексте, надеюсь, помогут дополнить имеющуюся историческую характеристику данного периода истории Центральной Азии.

Изначальный [шаманский] обряд
Тангутский фонд. ИВР РАН. Шифр Танг 1621

[Л. 1]

Предисловие
к Изначальному [шаманскому] обряду

1. Небо послало засуху на землю, свет сменился ночью, тьма возникла. [Тогда] правитель шамана направил
2. прекратить [это]. Ритуал был исполнен шаманом. Бедствия исчезли. В древности
3. говорили: «Чтобы достичь чистой середины, нужно уничтожить скверну и научиться различать добро и зло.

4. Небу и Земле приносят жертвы, духи планет защищают род, злых духов уничтожают, тело истины¹² защищают.
5. Однажды дух, повелитель ветра, в просвет облаков сильный ветер послал — изгнал демонов.
6. Духам планет за это деяние стали приносить жертвы — так благодаря древнему обряду демоны были изгнаны, добродетель возвышена.

[Л. 2]

1. Смысл в различии ритуальных действий не установить и не постичь. Духи со временем воспротивились и ушли.
2. Не объединишь в целое, когда левой стороны нет.
Обо всей мудрости, собранной в этой книге, невозможно спросить.
3. Поняли, что обряд, у которого утрачена часть, — это как птица без крыла.
Из одной части как должно [обряд] снова не восстановится.

Изначальный [шаманский] обряд

1. Небесная Голова¹³ появилась. Демон Ка¹⁴ дверь удерживает.
Ка вошел, Зал¹⁵ осмотрел. Демон Мэ вправо отступил¹⁶.
2. Белая Лестница с Востока в храм вошла.
Демон Мэ, чтобы подсматривать, спрятался, соль бросил¹⁷.
3. Белой Лестницы — нет. Демон Мэ ушел.
Небесная Голова появилась в дверях. Тень демона¹⁸

[Л. 3]

1. Демон Мэ ушел, стрелу извлек. Демон Ка сам дерево посадил,
в дом позвал, спросил. Демон Ка сам¹⁹.
2. Темный крокодил храм осквернил. Шаман-сова.
в четырех сторонах [света] [самый] искусный среди шаманов, увеличился, пред

¹² Вероятно, разночтение из-за возможного ошибочного написания первого знака. В пользу данного предположения говорит то, что это словосочетание ранее не встречалось в текстах, поэтому не уверен, что его можно толковать в аспекте буддийского мировоззрения.

¹³ Знак предполагает разночтение, и его перевод представляет некоторую проблему. Дело в том, что в тангутском языке существует практически идентичный по написанию иероглиф 𑖇, который означает «бык». Здесь же важно отметить, что в «Море значений, установленных святыми» (Кычанов 1997: 102) в разделе «Понятия, связанные с небом...» упоминается «бык», символизирующий широту небесной сферы. Логичнее было бы предположить, что здесь также упоминается некое зооморфное божество и знак мог просто быть написан неправильно. Вместе с тем тангуты очень серьезно относились к правильности написания текста и тщательно редактировали книги. Трудно предположить, что знак был написан неправильно несколько раз.

¹⁴ Собственные имена и названия передаются в соответствии с фонетической реконструкцией М.В. Софронова.

¹⁵ Возможно, дом, дворец, храм. Согласно Бодде, Ось мира может быть символически представлена городом-крепостью или дворцом (Бодде 1977: 388).

¹⁶ В качестве антагонистов, носителей зла в тексте названы предположительно два духа, обозначенных разными знаками 𑖇 и 𑖈 (Кычанов 2006: 168, 416). Трудно определить, это один демон, обозначенный разными знаками, или две разных сущности.

¹⁷ Знак поврежден.

¹⁸ Знак поврежден.

¹⁹ Знак поврежден.

[божеством] неба предстал²⁰.

3. Белая Лестница демона Пэ решила соблазнить. Демон отвечал благосклонно. Небесная Голова спросила [об этом], Белая Лестница солгала.
4. Шамана-сову просила спрятать [ее]. В середине зимнего месяца Белая Лестница демона Гуй²¹ родила, затем воспитывала.
5. Железный²² волк и дикий волк демона Гуй прятали. По холодному белому [снегу] ступали — кровь живых существ [текла].
6. По следам кровавым красным ступали. — Так и было. Шаман-сова снова уменьшился, [божеству] неба [о том, что происходит в] мире, рассказал.
7. Небесная Голова демона Гуй возненавидела, шамана призвала. Шаман демона связал, поднял, на вершину [горы] насадил.

[Л. 4]

1. Небесный шаман доволен. Всё на земле расположено [как должно быть]. Земля помогает, небо покровительствует — белая корова совокупляется²³
2. Облачный шаман²⁴ за землей надзирать послал, весть доложил. Небесная Голова подумала [над его словами] и меч дала.
3. Небесный шаман меч взял. [Когда божество] неба появилось, небесным мечом вершину горы ударил²⁵.
4. Вершина горы умерла, перевоплотилась — из нее 18 божеств и духов возникли, [среди них] властитель земли по имени Яньло²⁶.
5. Небесная Голова показала — смотрит, что в нижнем мире [происходит]²⁷: Хозяин Неба, Хозяин Земли на Мосту Благовоний играют в кости.
6. В белый бубен конь-дух сильно бьет колотушкой — кровь в сосудах кипит, спинной хребет □²⁸.
7. Шаман в руке [держит] длинную голень, коня защищает. Шаман-меч [меч] держит, своего коня сторожит.

[Л. 5]

1. Облачный шаман затем бросил кости, меч взял. Хозяин Неба, Хозяин Земли свои владения вернули.
2. Лекарства от старости надежного не существует, равного Трем.

²⁰ Вероятно, под небом подразумевается все-таки верховное божество.

²¹ Следует отметить, что один из видов злых духов — 羆 в китайской демонологии также звучит как «гуй».

²² Первое значение этого знака — «золото».

²³ Здесь описан космогонический акт, который отличается от упоминаемого в известных нам тангутских мифах (Кычанов 2008: 551).

²⁴ Возможно, «облачный» и «небесный» — разные названия одного шамана.

²⁵ Сходный мотив встречается в космогоническом ведическом мифе: «Начало вселенной — воды. В этих водах возникла первозданная гора. Индра направил свои удары против этой горы, обители Вритры, убил его и таким образом продолжил космогонический процесс» (Дандекар 2002: 138).

²⁶ Видимо, Яньло-ван — властитель мертвых, здесь явное заимствование из китайской мифологии. Добавим также, что, за исключением нескольких имен зооморфных или антропоморфных персонажей или метафорических имен божеств или духов, пантеон тангутской мифологии нам совершенно неизвестен.

²⁷ Видимо, в среднем мире, мире людей.

²⁸ Знак поврежден.

Мост Благовоний²⁹ обрушился, на небо был перенесен.

3. Смерти камлание, обряд очищения, совокупления камлание — [вог] Три.
Духи обязаны это благословение на землю доставить.
4. Государь, властитель мира, меч похитил. Затем шаман обряд исполнил — миры на [бубне]-коне объездил верхом. В древние времена
5. Яньло смерть [в мир] послал, Мбэ Ндиэй³⁰ был отправлен кости добыть: «Трем вещам верь», — [ему сказал].
6. Теща, ребенок девять злых духов затем сопровождали³¹, 28 дней демон Мбэ ночью [являлся].
7. Тхие Мэю³² снилось: в древние времена злой замысел был, [потому] в 12-й, зимний месяц девять злых духов, [которые появляются на рассвете], опасаться.

[Л. 6]

1. Овца мыши приказала: «Дверь держи!».
Мбэ Ндиэй [смерть] в дом позвал. Смерть проклятие произнесла.
2. Тхие Мэй сына демона уничтожил, Смерти на съедение отдал.
Демона голову ночью сжег — Мбэ один остался.
3. Тхие Мэй в бубен-коне с силой бил колотушкой, похитив [его прежде].
Смерть в Доме находилась, мышь испражнениями преградила [ей путь].
4. Паук поднимался, паутину-преграду лапами [плел].
Тхие Мэй [на] небо отправился [узнать, кто] дверь держит.
5. Яньло доложил: «Красная мышь дверь подпирает».
6. Мбэ Ндиэй наказан был, тащил на спине [черного барана]. Черный баран спрыгнул.
На предел жизни указывает смерть, на греховность женщины — ее намерения.
7. Жена Тхие Мэя превратилась в сороку —
в наказание за то, что тело осквернила, в канге³³ была бита палками.

[Л. 7]

1. Сорока — осколок челюсти, а демон — язык потерял.
Сорока зло поедает, [потому] тысячу лет живет.
2. По приказу Яньло Мбэ Ндиэй снова был послан.
В один день Тхие Мэй перед [божеством] неба предстал.
3. Бубен-коне с колотушкой [ему] был предложен — [он] не взял.
Небесная Голова велела: «Держи!»
4. [Божество] неба четыре стороны [света] от смерти защищать [его] послало.
В начале пути [еще] нет хозяина — хозяин появляется [уже] в пути.
5. Поэтому в древней «Книге камланий» предков сказано:
«Умеющий говорить, солгав, убьет».
6. Умеющий ходить — проложит путь, чтобы закрыть дверь в мир мертвых».

²⁹ В тексте «Большой оды» (Кычанов 1997: 220) есть строка: «Потомки через облачный мост переходят...».

³⁰ Вероятно, персонаж тангутских мифов, функция его не ясна; имя Мбэ, в различном написании, есть имя зооморфного предка тангутов.

³¹ В тексте так, по смыслу представляется более вероятным, что девять духов сопровождали ребенка... Число «девять» часто упоминается в космогонических мифах тибето-бирманских народов (Кычанов 1997: 52–53).

³² Имя Тхие Мэй 𑖑𑖔𑖕 встречается в оригинальном тангутском сочинении «Море значений, установленных святыми» (Кычанов 1997: 126). Возможно, еще один мифический первопредок или «культурный герой».

³³ Канга — орудие наказания, колодка из двух деревянных досок, надеваемых на шею.

Ил. 1

Ил. 2

Ил. 5

Литература

- Бодде 1977 — *Бодде Д.* Мифы древнего Китая // Мифология древнего мира. М.: Наука, 1977.
- Богораз 2018 — *Богораз В.Г.* Из архива. Избранные труды В.Г. Богораз по шаманству (1934–1936). СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2018.
- Дандекар 2002 — *Дандекар Р.* От Вед к индуизму. М.: Вост. лит., 2002.
- Кычанов 1968 — *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, 1968.
- Кычанов 1988 — *Кычанов Е.И.* Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). Кн. 1. М.: Наука, 1988 (Памятники письменности Востока. LXXI, 1, 2, 3, 4).
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е.И.* Море значений, установленных святыми. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997 (Памятники культуры Востока. IV).
- Кычанов 2006 — *Кычанов Е.И.* Словарь тангутского (Си Ся) языка. Филологические науки. Киото: Университет Киото, 2006.
- Кычанов 2008 — *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Кычанов 2013 — *Кычанов Е.И.* «Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.). М.: Наука, 2013 (Памятники письменности Востока. CXL).
- Пан 2000 — *Пан Т.А.* «Устав шаманской службы маньчжур» в переводе А.В. Гребенщикова из Архива востоковедов // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России: Доклады научной конференции. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 102–106.
- Ревуненкова 1973 — *Ревуненкова Е.В.* Шаман и жрец у батаков Суматры. М.: Наука, 1973 (Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии).

Элиаде 2014 — *Элиаде М.* Шаманизм. Архаические техники экстаза. М.: Академический проект, 2014.

Li Fanwen 2008 — *Li Fanwen.* A Xixia — Chinese Dictionary. Peking: Publishing House of the Chinese Social Sciences, 2008.

Pang 1994 — *Pang, Tatjana.* A “Classification” of the Xibe Shamans // *Shaman*. Vol. 2. No. 1. Budapest: Molnar & Kelemen Oriental Publishers, 1994. P. 61–67.

Stein 1962 — *Stein, Rolf.* La Civilisation Tibétaine. Paris: Dunot, 1962.

References

Bodde, Derk. “Mify drevnego Kitaia” [Chinese Myths]. In: *Mifologiya drevnego mira* [Mythology of the Ancient World]. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian).

Bogoraz, Vladimir.G. *Iz arkhiva. Izbrannye trudy V.G. Bogoraza po shamanizmu (1934–1936)* [Archive. Selected Works of V.G. Bogoraz on Shamanism]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2018 (in Russian).

Dandekar, Ramachandra. *Ot Ved k Induizmu* [From Vedas to Hinduism]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002 (in Russian).

Eliade, Mircea. *Shamanism. Arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2014 (in Russian).

Kychanov, Evgeny I. *Ocherk istorii tangutskogo gosudarstva* [An Essay of the History of the Tangut State]. Moscow: Nauka, 1968 (in Russian).

Kychanov, Evgeny I. *Izmenennyi i zanovo utverzhdenyi kodeks deviza tsarstvovaniia Nebesnoie protsvetanie (1149–1169)* [The Revised and Newly Endorsed Code for the “Celestial Prosperity” Era Name, (1149–1169)]. Moscow: Nauka, 1988 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, LXXI. 1, 2, 3, 4) (in Russian).

Kychanov, Evgeny I. *More znachenii, ustanovlennykh sviatymi* [The Sea of Meanings Established by the Saints]. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 1997 (in Russian).

Kychanov, Evgeny I. *Slovar' Tangutskogo (Si Sia) iazyka* [Tangut-Russian-English-Chinese Dictionary]. Kyoto: Kyoto University, 2006 (in Russian).

Kychanov, Evgeny I. *Istoriia tangutskogo gosudarstva* [The History of the Tangut State]. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, 2008 (in Russian).

Kychanov, Evgeny I. “Novye zakony” tangutskogo gosudarstva (pervaia chetvert' XIII v.) [The “New Laws” of the Tangut State (the first quarter of the 13th century)]. Moscow: Nauka, 2013 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, CXL) (in Russian).

Li Fanwen. *A Xixia — Chinese Dictionary*. Peking: Publishing House of the Chinese Social Sciences, 2008 (in English).

Pang, Tatjana. “A ‘Classification’ of the Xibe Shamans”. *Shaman*, vol. 2, no. 1. Budapest: Molnar & Kelemen Oriental Publishers, 1994, pp. 61–67 (in English).

Pang, Tatiana. “‘Ustav shamanskoi sluzhby manchzhur’ v perevode A.V. Grebenshchikova iz Arkhiva vostokovedov” [The “Shamanistic Ritual Manual of the Manchus” in A.V. Grevenshchikov’s Translation]. In: *Materialy o mongol’skikh i tiurkskikh narodakh v akademicheskikh sobraniiah Rossi: Doklady nauchnoi konferentsii* [Archival Materials about the Mongolian and Turkic Peoples in the Academic Collections of Russia: Reports of the Scientific Conference]. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2000, pp. 102–106 (in Russian).

Revunenkov, Elena V. *Shaman i zhrets u batakov Sumatry* [The Shaman and the Priest in the Religious System of Sumatra’s Bataks]. Moscow: Nauka, 1973 (Mifologia i verovaniia narodov Vostochnoi i Iuzhnoi Azii [Mythology and Beliefs of the Peoples of East and South Asia]) (in Russian).

Stein, Rolf. *La Civilisation Tibétaine*. Paris: Dunot, 1962 (in French).

The Tangut Manuscript *The First [Shamanistic] Ritual* from IOM, RAS Collection. Textual Research and Translation

Kirill M. BOGDANOV

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 23.06.2021.

Abstract: The Tangut manuscript “Танр 1621” is recorded evidence of the Tangut shamanistic tradition that existed in the Xixia state, but had originated from the religious beliefs of the Tanguts’ ancestors. This text was discovered among unidentified Tangut texts in the process of cataloguing work. Prior to this discovery, we came across some indirect references to Tangut shamanism in various sources such as historical documents (The Tangut Codex), ritual or religious text fragments. Most likely, the text in question is an original Tangut text that had originally existed in verbal tradition and was later recorded. Structurally, it consists of 14-syllable verses, including archaisms, unclear metaphors and symbolism. It is a complete manuscript with a title, a short preface, and a logical ending. The title’s translation can be only interpreted tentatively, as it literally means “The Origin of [Religious] Ecstasy (Russian *kamlaniye*)”. However, I guess that to translate the Tangut word 𑖇𑖆 as “[religious] ecstasy” would not be entirely correct in this case, because we find in this text a description of a shamanistic ritual that includes *kamlaniye* only as its part. The main goal of the rite described here is to defend the world of living beings from the disasters that astral spirits visit on some tribes or ethnic groups for being neglectful of the rules of sacrificial rites or for damaging sacred items. Therefore, this ritual, when it was performed for the first time, was aimed at procuring Heaven’s support for people. One can assume that, once performed, this rite had laid the foundation for a ritual tradition that preserved the wealth and stability of the community that observed it, and later it became the most basic, principal ritual of the state. I can also assume that it was this archetypal rite that emperor Yuanhao performed as he proclaimed himself emperor of the Xixia State. I should add that the above-mentioned linguistic traits pose a serious challenge to the textual research into this source—first of all, to its proper translation. That is why this study is only a preliminary one. The main goal of interpreting this text is to determine the place of the Tangut shamanistic tradition within the context of the long-time scholarly definition of such religious beliefs.

Key words: Tangut collection, IOM, RAS, Tangut religious beliefs, shamanism, “religion without a name”.

For citation: Bogdanov, Kirill M. “The Tangut Manuscript *The First [Shamanistic] Ritual* from IOM, RAS Collection. Textual Research and Translation”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48) pp. 5–18 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO100085.

About the author: Kirill M. BOGDANOV, Researcher, the Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (khmac@list.ru). ORCID 0000-0001-9769-5918.

Проблема онтологической самостоятельности в философии буддизма махаяны

С.Л. БУРМИСТРОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO100087

Статья поступила в редакцию 27.09.2021.

Аннотация: Понятие самобытия или онтологической самостоятельности (svabhāva) — одно из фундаментальных в буддийской философии, по смыслу сходное с понятием субстанции в новейшей европейской философской мысли. В хинаянских школах самосущими считаются дхармы (элементарные психофизические состояния), а мудрость состоит в постижении реальности как потока постоянно сменяющих друг друга мгновенно-существующих (kṣāṇika) дхарм. Основанная Нагарджуной (II–III вв.) школа мадхьямака — исторически первая махаянская школа — опирается на постулат пустоты (śūnyatā) всех дхарм, т.е. отсутствия у понятия дхармы референта на уровне абсолютной истины. Понимание просветления как познания истинной реальности исходит, согласно мадхьямаке, из допущения различия субъекта и объекта. Однако само это допущение имеет смысл только на уровне относительной истины, на уровне же истины абсолютной оно пусто. Метод, который используют Нагарджуна и его комментатор Чандракирти (VII в.) для доказательства пустоты понятий и концептуальных конструкций, представляет собой сведение их к абсурду, демонстрацию их неустранимой внутренней противоречивости. Таково же и понятие онтологической самостоятельности: если всё связано законом взаимозависимого возникновения, — значит, всё существует лишь благодаря другому, т.е. не является самосущим. Но если нет ничего самосущего, то теряет смысл и противоположное понятие — несамосущего (niḥsvabhāva), так как, согласно буддийской логике, постулирование любого *A* означает вместе с тем и постулирование не-*A*. В другой махаянской школе — йогачаре было сформулировано учение о трех природах (trisvabhāva) — воображаемой, зависимой и абсолютной, однако самосущая — лишь последняя из них, тождественная истинной реальности (tathatā). Сознание-сокровищница — фундаментальное сознание, с опорой на которое возникают все другие уровни и формы индивидуального сознания, — полно реальных и потенциальных аффектов и кармически обусловленных мыслительных и поведенческих диспозиций. Все они должны быть устранены из сознания-сокровищницы — лишь это и будет окончательным просветлением. В момент просветления различие между истинной реальностью и сознанием-сокровищницей исчезает, ибо это различие, как и любое другое, представляет собой концептуальную конструкцию, порожденную непросветленным сознанием, а значит, онтологически несамостоятельно.

Ключевые слова: религиозно-философские системы древней и средневековой Индии, махаяна, мадхьямака, йогачара, онтология, понятие субстанции, Нагарджуна, Асанга, санскрит.

Для цитирования: Бурмистров С.Л. Проблема онтологической самостоятельности в философии буддизма махаяны // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 19–32. DOI: 10.55512/WMO100087.

Об авторе: БУРМИСТРОВ Сергей Леонидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

Глава 13 фундаментального произведения буддийского мыслителя Нагарджуны (II–III вв.) — «Коренных строф о срединном пути» («Mūla-madhyamaka-kārikā», далее — ММК) — посвящена анализу понятий самосущего (svabhāva) и обусловленного (saṃskāra), связанных с фундаментальным вопросом, вокруг которого строится учение махаянской школы мадхьямака: что, собственно, поистине существует? Для махаянских мыслителей истинная реальность (tathatā) скрыта от погруженного в сансару сознания, так что любые рассуждения о ней из уст человека, не достигшего просветления, будут ложными и уведут того, кто некритически их воспримет, с пути к нирване. Все умопостроения, претендующие не на анализ явлений эмпирически воспринимаемого мира, а на постижение истинной реальности, если их принимать на веру, описываются в махаянской философии термином jñeya-āvaraṇa, «эпистемологическое препятствие», суть которого в установке на познание вещей такими, каковы они на самом деле (Рудой 1994: 55). Она опирается на неявное, не всегда в достаточной мере осознаваемое допущение, что различие субъекта и объекта фундаментально и не есть только ментальный конструкт, а принадлежит самой реальности. Но одно из основных положений идеологии махаяны гласит, что истинная реальность недвойственна. Различия привносятся непросветленным сознанием, разграничивающим изначально единый универсум на отдельные регионы, выделяемые не по свойствам самого универсума или его элементов, а определяемые господствующими в сознании аффектами. На этих различиях строятся и понятия, которые поэтому представляют собой только ментальные конструкты, не описывающие реальность.

Развенчанию всех понятий и концепций как пустых посвятил свой главный труд Нагарджуна. Любые концепции именно *пусты*, а не *ложны*, так как ложное описание какого-либо предмета говорит все же о реальном предмете, но приписывает ему свойства, коих он на самом деле не имеет; пустое же описание — это описание того, что вовсе не существует. В главе 12 ММК основатель мадхьямаки рассматривает понятие страдания, показывая, что оно внутренне противоречиво, т.е. пусто не только фактически (нет никаких реалий, которые могли бы подпадать под это понятие), но и логически (оно включает в себя взаимоисключающие признаки), а далее, в следующей главе, анализирует понятие онтологической самостоятельности (самобытия, svabhāva), показывая его внутреннюю противоречивость.

Глава 13 ММК в используемом нами издании названа «Saṃskāra-parīkṣā» — «Исследование обусловленного» (Nāgārjuna 1960: 104). Так же она называется и в английском переводе ММК, выполненном К. Инадой с санскрита, хотя переводчик отмечает, что в тибетском переводе на месте saṃskāra стоит *de nyid* «сущность», санскр. tattva, что, полагает он, более точно соответствует содержанию главы (Nāgārjuna 1993: 91). В.П. Андросов в своем переводе ММК учитывает это, понимая название главы как «Tattva-parīkṣā» и переводя ее как «Исследование высшей реальности» (Андросов 2006: 312). Чандракирти, комментатор ММК, указывает, что обычный человек (prthagjana), т.е. тот, кто еще не ступил на путь к просветлению, ищет в этом мире чего-то «самосущего» — онтологически самостоятельного, реально существующего, на что можно было бы опереться в своем мировоззрении (Nāgārjuna 1960: 104). Таковы, например, атман в адвайта-веданте или первомаатерия и душа в санкхье (Чаттерджи, Датта 1994: 249, 254, 368). Но логика буддийской мысли — и хинаянской, и махаянской — состоит в полном исключении какой бы то ни было первопричины: всё определяется законом зависимого возникновения, в котором нет первого элемента, — эту

цепочку из 12 звеньев можно начать с любого из них. Дхармы в хинаянской традиции понимаются как истинная реальность, но ни одна из них не является причиной других, и то, что все они лишены самобытия, говорит о том, что самобытие понимается в буддийской философской мысли в контексте учения о причинности: *svabhāva* — причина всего, не являющаяся при этом следствием чего-либо (как первоматерия в санкхье). В учении хинаянской школы сарвастивада понятие самобытия связывается с понятием собственного признака (*svalakṣaṇa*). Каждая дхарма в этой концепции определяется как имеющая собственный признак, характеризующий ее и только ее и не изменяющийся со временем. Например, дхарма *gīra* (материя) характеризуется возможностью изменения, способностью создавать препятствия движению и видимости, она всегда сохраняет эти признаки и не может превратиться в другую дхарму (Asanga 1950: 2–3). Это и составляет ее самобытие или онтологическую самостоятельность (Dhammajoti 2009: 19). В более поздней махаянской школе йогачара мы встречаем учение о трех природах (*trisvabhāva*) — абсолютной (*pariṇiṣpanna*), зависимой (*paratantra*) и сконструированной (*parikalpita*), из которых первая — это истинная реальность, вторая — дхармы (Васубандху определяет их как то, *что* является — *yat khyāti*), третья — воспринимаемый непросветленным сознанием мир со всем его разнообразием и изменчивостью (согласно Васубандху, это то, *как* является зависимая природа — *yathā khyāti*) (Vasubandhu 2004: 219).

Сам Нагарджуна начинает главу 13 с разъяснений о ложных дхармах — *moṣadharmā*, букв. «воровская дхарма». В.П. Андросов переводит *moṣa* как «вредный», указывая на буквальное значение слова — «ворованный, грабительский» (Андросов 2006: 313, 473): эти дхармы обманчивы (*mṛṣā*), ибо обусловлены (*saṃskṛta*) (Nāgārjuna 1960: 104). Вообще в индийской философии обусловленность связывается с не вечностью и неистинностью, и этот постулат не подвергают сомнению ни Нагарджуна, ни Чандракирти: всё, что детерминировано чем-то другим, неистинно, лишено самобытия, а значит, и все обусловленные дхармы (*saṃskṛta-dharma*) не есть истинная реальность. В самом начале главы есть примечательный момент: Чандракирти говорит о таких дхармах, что «их суть — уничтожение (*pralopa-dharmaka*)», но издатель в примечании к тексту отмечает, что в другой рукописи на этом месте стоит *pralāpa-dharmaka* — «[они] имеют чисто словесную природу» (*pralāpa* — «рассуждение, разговор, болтовня, бред») (Nāgārjuna 1960: 104). Это само по себе показательно, ибо обусловленные дхармы, если принять второй вариант чтения комментария, интерпретируются как элементы только языка описания, но не как нечто реальное. Этот тезис соответствует общему контексту учения мадхьямаки с ее пониманием пустоты не только *Я*, но и дхарм (Рудой 1994: 56). Поэтому, говорит далее Чандракирти, всё обусловленное не является онтологически самостоятельным.

Здесь сразу возникает вопрос: как примирить эту точку зрения с одним из принципиальных положений буддийской догматики, провозглашающим существование трех необусловленных дхарм — пространства (*ākāśa*) и двух видов прекращения? В «Энциклопедии Абхидхармы» и комментарии к ней эти три дхармы описываются следующим образом. Пространство понимается как просто отсутствие противодействия движению материи. Первый вид прекращения — прекращение посредством знания (*pratisaṃkyānirodha*) — это «разобшение с дхармами, подверженными притоку аффектов... Постигание истины страдания и других Благородных истин есть знание, отличительная черта [чистой] мудрости, а достигаемое с его помощью прекращение [потока дхарм] называется „прекращение, вызываемое знанием“» (Васубандху 1998:

195). Прекращение без посредства знания (*apratisaṃkyānirodha*) — это абсолютное препятствие для возникновения подверженных притоку аффективности дхарм, состоящее в неполноте условий для этого. Например, если чувства и разум полностью сосредоточены на каком-то одном объекте, все другие предметы уже не могут стать объектами восприятия и сознания и по отношению к ним не возникает таких дхарм (Там же: 196). В других школах перечень необусловленных дхарм еще шире: в него входят, помимо названных трех, еще «неподвижное» (*aśala*), прекращение восприятий и мышления (*saṃjñā-vedanā-nirodha*) и истинная реальность (*tathatā*) (Розенберг 1991: 229). Однако сам Чандракирти развеивает все сомнения относительно этого вопроса, указывая, что «нирвана — одна» (*nirvāṇamekam*; *Nāgārjuna* 1960: 104), т.е. нет никаких двух (или более) состояний, характеризующихся полным успокоением дхарм и прекращением их возникновения и уничтожения.

Оппонент может высказать такое возражение на эту точку зрения: если все дхармы пусты, тогда пусты и сами слова, провозглашающие пустоту всего обусловленного. «Если ложная дхарма — обман, то что тогда вводится в заблуждение?» (*tanmṛṣā moṣadharmā yadyadi kiṃ tatra muṣyate*) (*Nāgārjuna* 1960: 104). Если не существует никакого сущего, то не может быть и не-сущего. Логика воображаемого оппонента здесь отличается от той, которая характерна для западной мысли: если для нас отрицание *A* тождественно утверждению не-*A*, то в «Прасаннападе», наоборот, утверждение *A* есть тем самым утверждение всего того, что не есть *A* (или есть не-*A*). Из этого видно принципиальное различие в понимании операции отрицания между современной и буддийской логикой. В логике, как она понимается в современности, постулируется существование универсума («все сущее»), на котором определяются те или иные множества, выделяемые по определенным признакам, и если, например, мы утверждаем, что некоторый *x* принадлежит множеству *A*, то тем самым мы говорим, что *x* не принадлежит ни одной другой области универсума, кроме *A*. Обратное, если *x* не принадлежит *A*, то он может входить в любую область универсума, лежащую за пределами *A*. Отрицание можно понять из определения характеристической функции в теории множеств: если дано некоторое непустое множество, то для любого его подмножества эта функция равна 1 для элемента *x*, если он принадлежит *A*, и 0, если не принадлежит (при условии, что речь идет о четких множествах, хотя для множеств нечетких значения характеристической функции могут пробегать все числа от 0 до 1) (Шуман 2004: 128–129). В буддийской же логике отрицание — не функция от отношения элемента к множеству, а операция над универсумом, в ходе которой в нем проводится граница, а следовательно, появляются элементы универсума по одну ее сторону и одновременно (и благодаря этому) по другую. Суть этой логики становится более ясной, если мы обратимся к «Законам формы» Дж. Спенсера Брауна. Алгебра логики у него понимается как основанная на идее различия, которое только и делает возможным указание на что-то или именование чего-то — ибо всякое именование есть проведение различия между тем, что именуется, и всем остальным универсумом. Различение (*distinction*) есть у него проведение границы в универсуме, причем такой, что если даны две точки по разные стороны ее, то невозможно провести линию, связывающую их и не пересекающую при этом границу. Только после проведения такой границы в универсуме его отграниченная часть может быть указана, именована, относительно нее становятся возможны какие-то утверждения. При этом пересечения границы с одной стороны на другую и обратно не равны — это разные операции. Области, отграниченной таким образом, можно поставить в соответствие

какой-либо знак, значением которого и будет все содержание области (Spencer Brown 1972: 1–3). Такой знак, естественно, будет совершенно произволен, равно как произвольной будет и отграниченная область, так что сам акт отграничения и его конкретные особенности зависят от субъекта, проводящего границу. Универсум, лежащий вне этой (замкнутой, как видим) границы, понимается как немаркированный (Там же: 5). В переводе на язык современной логики это то самое не-А, что лежит за пределами данного множества. Применительно к логике махаяны это означает, что все различия в пределах универсума, которые мы можем проводить, зависят, как только что сказано, от проводящего их субъекта, но только они и становятся опорой для знаков — немаркированное пространство, на котором нет различий, невозможно обозначить никак.

В соответствии с постулатами буддизма махаяны установление чего-то как ложного есть одновременно и установление чего-то другого как истинного: утверждая истинность или ложность чего-то (равно как и другие подобные оппозиции типа «благое–неблагое», «нирвана–сансара» и т.п.), мы проводим в изначально недифференцированном универсуме границу, отделяя одну его область от всех других. Благодаря этому становится возможным различать области и именовать их. Но если в учении хинаяны различия понимались как реальные, присущие дхармам самим по себе, то новация махаяны состояла в том, что все эти различия были признаны лишь плодом ментального конструирования. В комментарии к «Энциклопедии Абхидхармы» указывается, что «по определению дхарма есть носитель собственной сущности» (*nirvacanaṃ tu svalakṣaṇādhāraṇāddharmāḥ*, букв. «определение [таково, что] дхарма [называется так,] потому что [она есть] носитель собственного признака») (Васубандху 1998: 193; Vasubandhu 1967: 2). Как раз *отсутствии* дифференциации дхарм, согласно учению кашмирских вайбхашиков, представленному в этом трактате, — или, точнее говоря, *неспособность* человека увидеть различия дхарм — и понимается как неведение, препятствующее просветлению. Поток дхарм (*saṃtāna*) должен быть постигнут как смена *различных* элементарных психофизических состояний, что и будет их «различающим постижением» (*pravisaṃ*) (Рудой 1998: 72). Трактат гласит, что «помимо различия дхарм нет [другого] радикального средства для устранения аффектов, а именно из-за аффектов живые существа странствуют в этом океане бытия» (Васубандху 1998: 194). Кроме того, сами дхармы разделяются на группы (*skandha*), элементы познавательного акта (*dhātu*) и источники сознания (*āyatana*), также они разделяются на дхармы с притоком аффектов и без такового, на обусловленные и необусловленные, и разобщение с первыми и будет прекращением страдания (Там же: 194–195). Хотя дхармы не имеют «атмана», т.е. несубстанциальны, и невечны, т.е. существуют лишь мгновение (*kṣaṇa*), это все же не отменяет наличия у них собственного признака, по которому они различаются и группируются в те или иные множества. Поэтому и сказано в комментарии к «Энциклопедии Абхидхармы», что «мудрость означает постижение (различение) дхарм» (Там же: 193). Аналогично и в исторически более поздней традиции — йогачаре мудрость (*praññā*) интерпретируется как различение объектов, основанное на медитативной практике и освобождающее от аффектов (Maitreyanātha, Āryāsaṅga 2004: 203).

Однако в махаяне различение дхарм хотя и не отрицается, но понимается как предварительный этап на пути к полному познанию реальности как она есть — *tathatā*. В отличие от хинаяны, где различия между дхармами имеют онтологический характер, в махаянских школах они понимаются как эпистемологические:

различие привносится в изначально недифференцированную реальность самим познающим субъектом и более того — само отграничение субъекта от мира объектов есть результат такого же привнесения, порожденный изначально присутствующими непросветленному сознанию аффектами. Поэтому и разделение всего сущего на самосущее и несамосущее — такая же произвольная и опирающаяся на непросветленное сознание дифференциация, что и любые другие. Поэтому в ответ на возражение оппонента: «Что могло бы изменяться, если бы не было ничего самосущего?» — Нагарджуна отвечает: «Что могло бы изменяться, если бы было самосущее?» (Nāgārjuna 1960: 105).

В своих рассуждениях и Нагарджуна, и его воображаемый оппонент опираются на представление о мгновенности всего сущего — одно из базовых для всего буддийского учения. Элементарные состояния (dharma) сменяют друг друга, и эта смена не прекратится до тех пор, пока человек не обретет нирвану, но в рамках одного момента (kṣaṇa) никакого изменения быть не может. Акад. Ф.И. Щербатской не случайно сравнил буддийское учение о непостоянстве дхарм с принципом работы кинематографа: сама данная конкретная дхарма не меняется, не превращается из одной в другую — с точки зрения буддийского учения это невозможно по сути, — но только исчезает, уступая место другой дхарме, столь же неизменной в себе и столь же мгновенной, примерно так же, как киноплёнка состоит из множества отдельных кадров, которые только при быстрой смене создают иллюзию движения предметов, запечатленных на них. Но кадры все принадлежат одной и той же плёнке, дхармы же не связаны водородом никакой пронизывающей их субстанцией, так что мгновение становится синонимом дхармы (Щербатской 1988: 141–142). Если имеет место изменение, говорит воображаемый оппонент, то сам факт изменения указывает на наличие *чего-то*, что меняется, а отсюда мы должны допустить, что изменяющаяся реальность онтологически самостоятельна (svabhāva), т.е. существует сама по себе, не зависит в своем бытии ни от чего другого и изменяется по своим собственным причинам. Если бы ничего самосущего, онтологически самостоятельного не было, то невозможно было бы говорить, например, что X изменяется: в этом случае X как нечто несамостоятельное был бы аспектом (модусом, акциденцией) какой-то другой реальности — Y . Но если мы утверждаем, что ничего самосущего нет, то и Y тогда — только модус или аспект чего-то другого. В результате мы сразу же оказываемся в «дурной бесконечности» и, чтобы выйти из нее, должны допустить существование чего-то самосущего — в рамках буддийского учения это будут дхармы. Из сказанного очевидно, что под воображаемым оппонентом Нагарджуны скрывается последователь хинаянской школы сарваствивада, признававшей субстанциальность всех дхарм.

Но, говорит в ответ Нагарджуна, если некоторое X — самосущее, то как оно может исчезнуть (Nāgārjuna 1960: 105)? Если оно онтологически самостоятельно (говоря грубо — является причиной самого себя), то исчезнуть оно не может, ибо исчезновение для него возможно, только если оно перестанет быть причиной самого себя, т.е. перестанет быть X и станет, например, X' , не тождественным X , что для действительно самосущей реальности невозможно. Иными словами, если X — поистине самосущее, то оно неизменно. Здесь Нагарджуна повторяет мысль, высказанную в самом начале ММК (Там же: 4 ff), где речь идет о внутренней противоречивости понятия причины. То, что мы воспринимаем как изменение, разъясняет его мысль Чандракирти, есть на самом деле привнесение в чувственную сферу субъекта свойств, присутствующих совершенно другой реальности. Вода (как стихия, mahābhūta) по сути своей холод-

на — таков натурфилософский постулат, разделявшийся всеми школами индийской мысли, — и если она закипает в чайнике, стоящем на огне, то это не потому, что вода *по сути своей* перестала быть холодной, а потому, что в нее было привнесено свойство другого первоэлемента — огня. Сущности ни огня, ни воды от этого не меняются. Аналогично и изменение человека — превращение его из молодого в старика — тоже лишь иллюзорно, истинно только на уровне относительной истины, тогда как в действительности юность и старость остаются сами по себе неизменными свойствами. Точно так же, продолжает Нагарджуна, невозможно изменение, например, молока в простоквашу: когда имеет место одно, отсутствует другое. Согласно логике его рассуждений, нет ничего такого, что меняло бы свои *внешне данные субъекту* свойства, оставаясь субстанциально одним и тем же; нет никакой субстанции, которая оставалась бы самотождественной, меняя только акциденции. При изменении реалія не меняется, но исчезает, уступая место другой реаліи: молоко исчезает, уступая место простокваше; молодость исчезает, уступая место старости и т.д. Поэтому, резюмирует Чандракирти все предшествующие рассуждения, невозможно признать онтологическую самостоятельность каких бы то ни было реаліей, так как инаковость невозможно ни наблюдать, ни признать логически непротиворечивым понятием (Nāgārjuna 1960: 106). В самом деле, если инаковость имеет место, то существуют реальные различия — упрощенно говоря, находящиеся на стороне объектов, а не субъекта только и субъектом познаваемые, но не конструируемые. Тогда это и различие, в частности, между самосущим и несамосущим — тем, что существует благодаря себе, и тем, что существует благодаря чему-то иному (в конечном счете — благодаря какому-то самосущему). Но изменяться, возникать и исчезать может в этом случае лишь несамосущее, так как то, что является причиной самого себя, исчезнуть или измениться не может по определению. Если мы признаем существование самосущих реаліей, мы поэтому должны признать их вечными, что входит в противоречие с базовым положением всего буддийского учения — *anityatva*, тезисом о непостоянстве всех дхарм, которые, едва возникнув, тут же уступают место другим дхармам. Если мы допустим существование чего-то онтологически самостоятельного, то вынуждены будем вообще оставить учение Будды и присоединиться к какой-то из ортодоксальных школ, полагающих, что самосущими являются атман, тождественный Брахману (адвайта-веданта) или единоприродный ему (вишиштадвайта-веданта), душа и перво-материя (санкхья и йога) и др. Но так как все дхармы мгновенны, то они не могут считаться субстанциальными, а их различия — присущими им самим, а не сконструированными непросветленным сознанием.

Это касается и различия пустого и непустого. Если бы это различие было реальным, то наряду с пустым должно было существовать что-то самосущее, но так как не существует непустых дхарм, то не может быть и их противоположности — чего-то пустого. Ограничение *śūnya* и *aśūnya* понимается в ММК как ментальный конструкт, как различие, проведенное непросветленным сознанием и имеющее поэтому основание свое только в нем, а не в реальности самой по себе. Учение о пустоте, о которой говорится в последней карике главы — ММК 13.8, понимается как учение, полагающее различие пустого и непустого свойством самой реальности, а не только чем-то номинальным. Но такое учение, говорит Нагарджуна, вводит в заблуждение тех, кто принимает его за истину, так как внушает им, что существуют какие-то субстанциальные различия, тогда как на самом деле все они, включая и различие между нирваной и сансарой, проведены самим же сансарическим сознанием и являются

порождением аффектов (Nāgārjuna 1960: 108). Принятие учения о пустоте всерьез и есть эпистемологическое препятствие: оно дает человеку ложную картину мира, а на этой почве легко возрастают и аффективные препятствия, так как человек эмоционально привязывается к псевдореалиям, к тому, что порождено непросветленным сознанием (своим собственным или чужим), а это ведет только к поддержанию аффектов в сознании и делает невозможным достижение нирваны.

Как видим, представление мадхьямиков об онтологической самостоятельности вполне ясно: самостоятельным могло бы быть то, что не зависело бы ни от чего иного, субстанциальным в терминологии новоевропейской философии (субстанция у Декарта — это «вещь, которая сама по себе способна к бытию» (Декарт 1994: 37). Но так как не существует ничего такого, что было бы способно к бытию само по себе, — всё включено в цепь закона взаимозависимого возникновения и потому зависит от другого, — то и нет ничего онтологически самостоятельного. Всё пусто, согласно учению мадхьямаки, в том числе и в этом смысле. Пустота у мадхьямиков — это не только отсутствие безусловного референта у знаков человеческого языка (а значит, и у любых понятий и концептуальных структур), но еще и взаимозависимость всего сущего. Предложенный акад. Ф.И. Щербатским перевод *śūnyatā* как «относительность» (Щербатской 1988: 164) указывает именно на это.

Несколько иначе понимают термин *svabhāva* йогачарины. Выше мы упомянули выработанную в школе йогачара концепцию трех природ (*trisvabhāva*) — сконструированной (*parikalpita*), зависимой (*paratantra*) и абсолютной (*pariniṣpanna*). Однако все три называются в «Рассуждении о трех природах» Васубандху именно *самосуцими*, хотя поистине самосуцей — не зависящей ни от чего другого — является только последняя. В этом трактате термином *svabhāva* обозначается, очевидно, не самосущее, а некая фундаментальная категория, несводимая ни к чему другому *как понятие*. Разумеется, сконструированная и зависимая природы детерминированы присущей непросветленному сознанию двойственностью субъекта и объекта (и для простого человека, и для того, кто только ступил на путь к нирване, просветление — *объект* его стремлений, сам же человек мыслит себя субъектом, отличным от объекта, и именно это отличие и служит причиной возникновения стремления к нирване — *bodhicitta*). Абсолютная же реальность недвойственна (Vasubandhu 2004: 220), т.е. в ней отсутствуют все различия, включая различие между субъектом и объектом. Сконструированная природа, как говорит сам Васубандху, состоит в самой языковой практике (*vyavahāṅmāka*), и здесь философ указывает на один важный для всего буддийского учения момент: мышление наше имеет языковой характер, мы, пока еще не обрели просветление, можем мыслить лишь посредством языковых конструкций, а язык сам предполагает разграничение оппозиций. Это видно даже на уровне фонетики, когда фонемы противопоставляются друг другу по разным качествам — долготе или краткости, глухости или звонкости, наличию или отсутствию придыхания и т.д.; это же видно и на более сложных уровнях языка, когда в предложении различаются подлежащее и сказуемое, имена прилагательные и существительные, виды и времена глагола и пр. Но сам язык есть для буддистов лишь система конвенциональных знаков, которые никак с внеязыковой реальностью органически не связаны — они полностью зависят от человека и общества, а значит, порождены непросветленным сознанием. Границы между разными «регионами» реальности проводятся посредством языковых конструкций (например, в русском языке или в санскрите различаются глаголы: слова, обозначающие действие, и существительные — слова, обозначающие

предметы, тогда как в сингальском, хотя по происхождению своему это такой же индоевропейский язык, как и названные два, граница между этими категориями в значительной мере стерта). Поэтому ни одна языковая конструкция не может считаться даже самым приблизительным описанием реальности или хотя бы ее части. Истинная реальность неопишуема именно потому, что недвойственна, а недвойственность никакими способами невозможно выразить в языке.

Эту мысль — вполне соответствующую по духу учению мадхьямаки — йогачарины дополняют, однако, собственными взглядами на проблему самосущего, которые нашли свое отражение в учении о сознании-сокровищнице. Оно — основа остальных сознаний, коих, согласно учению йогачары, насчитывается семь: пять чувственных сознаний, умозрительное сознание (объектом его являются дхармы) и загрязненное умозрительное сознание (*kliṣṭa-manovijñāna*), образующее ядро психики — образ и понятие «я». Это последнее сознание ответственно за возникновение иллюзии индивидуальной личности, отличной от всех остальных личностей и сохраняющей свою самотождественность, несмотря на все происходящие в ней и с ней изменения, и за аффективно заинтересованное отношение к внешнему миру, порождающее представления о «я», «моем» и т.п. (Торчинов 2002: 161). В сознании-сокровищнице с безначальных времен хранятся «семена» (*bīja*) будущих аффектов (проще говоря, потенциальные аффекты), которые при благоприятных условиях «прорастают» в аффекты реальные — они и помрачают сансарическое сознание, мешая ему видеть истинную реальность. Отношения сознания-сокровищницы и остальных семи сознаний (они в йогачаре часто обозначаются собирательным термином *pravṛtti-vijñāna* — «разворачивающееся сознание», т.е. сознание, формирующее образ внешнего по отношению к нему мира) описываются в «Ланкаватара-сутре» — одном из самых ранних текстов, в которых представлены основные понятия йогачары, — на примере глины вообще и отдельных частиц глины: они не тождественны друг другу, но и не различны (*Saddharmalankavatara-sūtram* 1963: 18). Аналогично и сознание-сокровищница не тождественно реальным (*kleśa*) и потенциальным (*bīja*) аффектам, но и не отличается от них (*Asaṅga* 2003: 20). Если бы «разворачивающееся сознание» и сознание-сокровищница не имели между собой совсем ничего общего, то второе не могло бы служить опорой первого, но в сутре постулируются именно такие отношения между ними; если же они были бы тождественными друг другу, то прекращение деятельности первого — просветление, достижение нирваны — означало бы и прекращение деятельности второго, но это невозможно, так как сознание-сокровищница в принципе неуничтожимо. Целью адепта является не уничтожение этого сознания, а его очищение от всех реальных и потенциальных аффектов, что и будет просветлением. Из этого видно, что при достижении просветления прекращается только порождающая деятельность сознания-сокровищницы, но не само его существование (*Saddharmalankavatara-sūtram* 1963: 18). Как видим, отношения этих реалий друг к другу невозможно вполне точно описать ни на одном человеческом языке, так как любой язык оперирует бинарными оппозициями, в данном случае — «тождественно» vs. «различно», так что в этом смысле йогачарины опираются в своем мировоззрении на достижения исторически более ранней школы — мадхьямаки.

Что, однако, из этих реалий действительно является самосущим — в том смысле слова, из которого исходил Нагарджуна в ММК? Очевидно, «разворачивающееся сознание» онтологически самостоятельным быть не может: оно возникает в сознании-сокровищнице подобно волнам на поверхности океана, тревожимой ветром

(Saddharmalankavatasutram 1963: 20), т.е. зависит от сознания-сокровищницы и от аффектов. Тем более не могут быть самосушими аффекты: их бытие определяется законом взаимозависимого возникновения, они зависят друг от друга. Несомненно, онтологически самостоятельна истинная реальность (*tathatā*) — просто по определению: если бы она не была такой, она не была бы истинной реальностью. Что можно сказать о сознании-сокровищнице? Состояние просветления понимается как свобода этого фундаментального сознания от всех аффектов, которые тогда уже не будут тревожить его и истинная реальность откроется ему во всей полноте. Оно не угасает в момент просветления (ибо *что* в таком случае стало бы просветленным?), но обретает полную и окончательную ясность и свободу от помрачающих его аффектов. Однако здесь следует учесть, что само различие между субъектом и объектом есть ментальный конструкт, порождаемый непросветленным сознанием, так что невозможно говорить об истинной реальности как об *объекте* постижения сознания-сокровищницы, а о сознании-сокровищнице — как о *субъекте*, постигающем истинную реальность. В момент просветления это различие исчезает.

Только что мы сказали, что в соответствии с учением йогачары истинная реальность несомненно самостоятельна; выше мы сказали также, что, согласно учению мадхьямаки, не существует ничего самостоятельного, ибо все зависит от чего-то другого. Но все это истинно только с точки зрения относительной истины. Уже в ранней мадхьямаке было разработано учение о двух истинах — относительной (*saṃvṛtti-satya*) и абсолютной (*paramārtha-satya*). Первая может быть выражена в словах или иных знаках и сообщена другому человеку — и именно поэтому она не является истиной в полном смысле слова; не случайно мадхьямики связывали ее с аффективным заблуждением (*moḥa*) и установкой на поиск чего-то неизменного в реальности (*viraṅyāsa*). Вторая же открывается только сознанию, достигшему окончательного и совершенного просветления (*anuttara-samyak-sambodhi*), принципиально невербализуема и представляет собой сугубо индивидуальное знание, которое можно обрести только самостоятельно и невозможно передать другому (Рудой 1994: 58–59). Таким образом, на уровне относительной истины в философии мадхьямаки не существует ничего онтологически самостоятельного: все реалии относительны, все зависят друг от друга, а кроме того, все слова и понятийные конструкции, которыми мы пытаемся рассказать о них, порождены нашим неведением, обусловлены аффектами и потому могут иметь смысл, только если говорить с их помощью об обыденных вещах, для познания же истинно сущего они непригодны. Для йогачаринов несомненно самостоятельна истинная реальность, но отношения ее и сознания-сокровищницы для сансарического сознания непостижимы. На уровне же абсолютной истины сама проблема онтологической самостоятельности ложна, ибо поставлена с опорой на оппозицию самосущего и несамосущего, тогда как в реальности никаких оппозиций, никаких различий не существует (строго говоря, даже последние слова с точки зрения абсолютной истины ложны, так как об истинной реальности вообще ничего нельзя сказать — ее можно только постичь или, точнее, освободиться от различия между нею и сознанием, что и будет окончательным просветлением).

Литература

- Андросов 2006 — *Андросов В.П.* Учение Нагарджуны о Срединности. М.: Вост. лит., 2006.
- Васубандху 1998 — *Васубандху.* Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 1: Раздел I: Учение о классах элементов; Раздел II: Учение о факторах доминирования в психике / Изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: Ладомир, 1998.
- Декарт 1994 — *Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом / Пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн // *Декарт Р.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994.
- Розенберг 1991 — *Розенберг О.О.* Труды по буддизму. М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
- Рудой 1994 — *Рудой В.И.* Четыре системы буддийской классической религиозно-философской мысли // *Буддийский взгляд на мир* / Под ред. Е.П. Островской и В.И. Рудого. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 47–68.
- Рудой 1998 — *Рудой В.И.* Введение в буддийскую философию // *Васубандху.* Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 1: Раздел I: Учение о классах элементов; Раздел II: Учение о факторах доминирования в психике / Изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: Ладомир, 1998. С. 11–113.
- Торчинов 2002 — *Торчинов Е.А.* Философия буддизма махаяны. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
- Чаттерджи, Датта 1994 — *Чаттерджи С., Датта Д.* Индийская философия. М.: Селена, 1994.
- Шуман 2004 — *Шуман А.Н.* Современная логика: теория и практика. М.: Экономпресс, 2004.
- Щербатской 1988 — Щербатской Ф.И.* Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма» / Пер. с англ. Б.В. Семичова // *Щербатской Ф.И.* Избранные труды по буддизму / Сост. А.Н. Зелинский и Б.В. Семичов. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 112–198.
- Asanga 1950 — *Asanga.* Abhidharma samuccaya / Critically edited and studied by Pralhad Pradhan. Santiniketan: Visva-Bharati, 1950.
- Asanga 2003 — *Asanga.* The Summary of the Great Vehicle / Transl. by J.P. Keenan. Berkeley: Numata Center for Buddhist Translation and Research, 2003.
- Dhammajoti 2009 — *Dhammajoti K.L.* Sarvāstivāda Abhidharma. Hong Kong: Centre of Buddhist Studies, The University of Hong Kong, 2009.
- Maitreyanātha, Āryāsaṅga 2004 — *Maitreyanātha, Āryāsaṅga.* The Universal Vehicle Discourse Literature (*Mahāyānasūtrālaṃkāra*) / Transl. by L. Jamspal et al. New York: Columbia University's Center for Buddhist Studies, Tibet House US, 2004.
- Nāgārjuna 1960 — *Nāgārjuna.* Madhyamakaśāstra with the Commentary “Prasannapādā” by Candrakīrti / Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga: The Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Research in Sanskrit Learning, 1960.
- Nāgārjuna 1993 — *Nāgārjuna.* A Translation of His *Mūlamadhyamakakārika* with an Introductory Essay / Transl. by K.K. Inada. Delhi: Sri Satguru Publications, 1993.
- Saddharmalankavatasutram 1963 — *Saddharmalankavatasutram* / Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga: The Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Research in Sanskrit Learning, 1963.
- Spencer Brown 1972 — *Spencer Brown G.* Laws of Form. New York: The Julian Press, 1972.
- Vasubandhu 1967 — *Vasubandhu.* Abhidharmakośabhāṣya / Ed. by P. Pradhan. Patna: K.P. Jayaswal Research Institute, 1967.
- Vasubandhu 2004 — *Vasubandhu.* Trisvabhāvakārikā // *Tola F., Dragonetti C.* Being as Consciousness: Yogācāra Philosophy of Buddhism. Delhi: Motilal Banarsidass, 2004. P. 219–221.

References

- Androsov, Valery P. *Uchenie Nāgārjuna o Sredinnosti* [Nāgārjuna's Teaching on the Middle Way]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006 (in Russian).
- Asanga. *Abhidharma samuccaya*. Critically edited and studied by Pralhad Pradhan. Santiniketan: Visva-Bharati, 1950 (in Sanskrit).
- Asanga. *The Summary of the Great Vehicle*. Transl. by J.P. Keenan. Berkeley: Numata Center for Buddhist Translation and Research, 2003 (in English).
- Chatterji, Satischandra & Datta, Dhirendramohan. *Indiiskaia filosofia* [Indian Philosophy]. Moscow: Selsena, 1994 (in Russian).
- Descartes, Rene. "Razmyshleniia o pervoi filosofii, v koikh dokazyvaetsia sushchestvovanie boga i razlichie mezhdru chelovecheskoi dushoi i telom" [Meditationes de Prima Philosophia, in Qua Dei Existentia et Animæ Immortalitas Demonstratur]. Transl. by S.Y. Sheinman-Topstein. In: Descartes R. *Sochineniia v 2-h tomakh* [Works in 2 vols]. Moscow: Mysl', 1994, pp. 3–72 (in Russian).
- Dhammajoti K.L. *Sarvāstivāda Abhidharma*. Hong Kong: Centre of Buddhist Studies, The University of Hong Kong, 2009 (in English).
- Maitreyanātha, Āryāsaṅga. *The Universal Vehicle Discourse Literature (Mahāyānasūtrālamkāra)*. Transl. by L. Jamsal et al. New York: Columbia University's Center for Buddhist Studies, Tibet House US, 2004 (in English).
- Nāgārjuna. *Madhyamakāśāstra with the Commentary "Prasannapadā" by Candrakīrti*. Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga: The Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Research in Sanskrit Learning, 1960 (in Sanskrit).
- Nāgārjuna. *A Translation of His Mūlamadhyamakārika with an Introductory Essay*. Transl. by K.K. Inada. Delhi: Sri Satguru Publications, 1993 (in English).
- Rozenberg, Otton O. *Trudy po buddizmu* [Essays on Buddhism]. Moscow: Nauka, GRVL, 1991 (in Russian).
- Rudoi, Valery I. "Chetyre sistemy buddiiskoi klassicheskoi religiozno-filosofskoi mysli" [The Four Systems of Buddhist Classical Religious and Philosophical Thought]. In: *Buddiiskii vzgliad na mir* [Buddhist Worldview]. Ed. by E.P. Ostrovskaiia and V.I. Rudoi. St. Petersburg: Andreev i synov'ya, 1994, pp. 47–88 (in Russian).
- Rudoi, Valery I. "Vvedenie v buddiiskuiu filosofiiu" [Introduction to Buddhist Philosophy]. In: Vasubandhu. *Entsiklopediia Abhidharmy (Abhidharmakośa)*. T. 1: *Razdel I: Uchenie o klassakh elementov; Razdel II: Uchenie o faktorakh dominirovaniia v psikhike* [The Encyclopedia of Abhidharma (Abhidharmakośa). Vol. 1. Pt. I: The Theory of the Classes of Elements; Pt. II: The Theory of the Factors of Domination in the Mind]. Ed. and transl. by E.P. Ostrovskaiia, V.I. Rudoi. Moscow: Ladomir, 1998, pp. 11–113 (in Russian).
- Shuman, Andrey. *Sovremennaia logika: teoriia i praktika* [Contemporary Logic: Theory and Practice]. Moscow: Ekonompress, 2004 (in Russian).
- Stcherbatsky, Theodor. "Tsentral'naia kontseptsiiia buddizma i znachenie termina 'dharma'" [The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word "Dharma"]. Transl. by B.V. Semichov. In: Stcherbatsky Th. *Izbrannye trudy po buddizmu* [Selected Works on Buddhism]. Ed. by A.N. Zelinsky and B.V. Semichov. Moscow: Nauka, GRVL, 1988, pp. 112–198 (in Russian).
- Torchinov, Evgeny A. *Filosofia buddizma Mahāyāny* [The Philosophy of Mahāyāna Buddhism]. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2002 (in Russian).
- Saddharmalankavatasūtram*. Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga: The Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Research in Sanskrit Learning, 1963 (in Sanskrit).
- Spencer Brown G. *Laws of Form*. New York: The Julian Press, 1972 (in English).

- Vasubandhu. *Abhidharmakośabhāṣya*. Ed. by P. Pradhan. Patna: K.P. Jayaswal Research Institute, 1967 (in Sanskrit).
- Vasubandhu. *Entsiklopediia Abhidharmy (Abhidharmakośa)*. T. I: *Razdel I: Uchenie o klassakh elementov*; *Razdel II: Uchenie o faktorakh dominirovaniia v psikhike* [The Encyclopedia of Abhidharma (Abhidharmakośa). Vol. 1. Pt. I: The Theory of the Classes of Elements; Pt. II: The Theory of the Factors of Domination in the Mind]. Ed. by and transl. E.P. Ostrovskaiia, V.I. Rudoi. Moscow: Ladomir, 1998 (in Russian).
- Vasubandhu. “Trisvabhāvakārikā”. In: Tola F., Dragonetti C. *Being as Consciousness: Yogācāra Philosophy of Buddhism*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2004, pp. 219–221 (in Sanskrit).

The Problem of Ontological Independence in Mahāyāna Buddhist Philosophy

Sergey L. BURMISTROV

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 27.09.2021.

Abstract: The concept of self-existence or ontological independence (*svabhāva*) is one of the fundamental concepts in Buddhist philosophy. Its sense is similar to the concept of substance in early modern Western philosophy. In Hīnayāna schools, dharmas (elementary psycho-physiological states) are considered to be self-existent, and wisdom is the comprehension of any existence as the flow of momentary (*kṣāṇika*) dharmas. The teaching of Madhyamaka, the first Mahāyāna school founded by Nāgārjuna (2nd–3rd centuries A.D.), is based on the postulate of emptiness (*śūnyatā*) of all dharmas, which means that a dharma has no referent on the level of the absolute truth. According to Madhyamaka, the interpretation of enlightenment as the knowledge of the true reality proceeds from the assumption of reality of the difference between the subject and the object. But this assumption itself has a meaning only on the level of relative truth and is empty on the level of the absolute truth. The method used by Nāgārjuna and his commentator Candrakīrti (7th c.) for the demonstration of emptiness of all concepts and conceptual constructions is their reduction to absurdity and proof of their essential contradictoriness. The concept of ontological independence is the same: if everything is bound by the law of dependent origination, then everything exists only by something other and cannot be self-existent. But if there is nothing self-existent, then the opposite concept—other-dependent (*niḥsvabhāva*) also loses its sense, for, according to the Buddhist doctrine, the postulation of an *A* in the same time means the postulation of a not-*A*. Yogācāra, the other Mahāyāna school, formulated the conception of three natures (*trisvabhāva*): constructed, dependent and absolute. But the really self-existent among them is only the last one, identical with the true reality (*tathatā*). The store-consciousness, or the fundamental consciousness and the basis of all other forms and levels of individual consciousness, is full of real and potential afflictions and intellectual and behavioral dispositions. They all must be removed from the store consciousness, and only this will be the final liberation. In the moment of enlightenment, the difference between the true reality and the store consciousness disappears, for this difference, like any other, is a conceptual construction generated by unenlightened consciousness and therefore ontologically dependent.

Key words: religious and philosophical systems of ancient and medieval India, Mahāyāna, Madhyamaka, Yogācāra, ontology, the concept of substance, Nāgārjuna, Asanga, Sanskrit.

For citation: Burmistrov, Sergey L. “The Problem of Ontological Independence in Mahāyāna Buddhist Philosophy”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48), pp. 19–32 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO100087.

About the author: Sergey L. BURMISTROV, Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Section of South Asian Studies of the Department of Central and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

Мультианский перевод молитвы «Отче наш» в документальном наследии Д.Г. Мессершмидта

А.В. ЗОРИН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

В.П. ИВАНОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO87476

Статья поступила в редакцию 15.11.2021.

Аннотация: В статье публикуется документ 1730-х годов из Индийского фонда ИВР РАН, содержащий текст молитвы «Отче наш» в переводе на мультани (сараики). Документ адресован Анне Иоанновне, что позволяет датировать его временем правления этой императрицы. Авторам статьи удалось установить, что документ был составлен выдающимся исследователем Сибири Д.Г. Мессершмидтом, а перевод молитвы на мультани был выполнен для него астраханским индийцем Сунгарой (Петром Ивановым в крещении). В личном фонде Мессершмидта, хранящемся в СПбФ АРАН, обнаружилась серия рабочих документов, свидетельствующих о его работе над этой грамотой. Можно предположить, что Мессершмидт и Сунгара с ее помощью попытались обратить на себя внимание императрицы и заручиться высочайшей поддержкой (каждый со своей целью).

Ключевые слова: Индийский фонд ИВР РАН, Д.Г. Мессершмидт, СПбФ АРАН, мультани (сараики), «Отче наш», индийцы в России, Анна Иоанновна.

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 20-011-42006 «Научное изучение Сибири в Петровскую эпоху: архивное наследие Д.Г. Мессершмидта». Благодарим В.П. Зайцева за помощь в транскрибировании надписей на кириллице XVIII в.

Для цитирования: *Зорин А.В., Иванов В.П.* Мультианский перевод молитвы «Отче наш» в документальном наследии Д.Г. Мессершмидта // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 33–51. DOI: 10.55512/WMO87476.

Об авторах: ЗОРИН Александр Валерьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (kawi@yandex.ru). ORCID 0000-0002-7180-1804.

ИВАНОВ Владимир Павлович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (lokeshvara@inbox.ru). ORCID 0000-0002-6293-2837.

Наша статья посвящена неизвестному эпизоду из жизни и научной деятельности Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735), имевшему место незадолго до его преждевременной кончины. Этот эпизод, который мы можем восстановить лишь фрагментарно по архивным и косвенным данным, позволяет узнать нечто новое о последних годах жизни выдающегося исследователя Сибири, о которых до сих пор известно очень немного. Кроме того, он в определенной степени подводит итог индологическим штудиям Мессершмидта, начатым еще в 1724 г. в Иркутске.

Напомним, что немецкий ученый прибыл в Россию из Данцига в 1716 г. по приглашению Петра I и через несколько лет отправился в свою знаменитую многолетнюю экспедицию по Сибири, завершившуюся в 1727 г. Среди многочисленных объектов его интереса были и восточные языки, в том числе индийские. Последние он изучал в ходе общения с индийцами, которых встретил в Сибири: один из них, названный при крещении Василием, был родом из Мультана, другой — купец по имени Парасотамагире (Вигасин 2008: 28)¹ — приехал из Дели, поселился в Иркутске и принял православие. Парасотамагире знал несколько индийских языков и систем письма. Неудивительно поэтому, что именно Парасотамагире стал основным наставником для Мессершмидта, с которым он начал изучение индийских письменностей и разговорного языка (скорее всего, мультани), а также санскрита. К данному периоду относится часть черновых записей Мессершмидта, посвященных индийскому алфавиту, словникам и т.п., хранящихся в его фонде в СПбФ АРАН². Впоследствии фрагменты индийских словников использовались им для планировавшейся монографии “Sibiria Perlustrata” («Обзор Сибири»), которая не была окончена и оставалась не изданной почти триста лет. Лишь в 2020 г. СПбФ АРАН осуществил факсимильную публикацию этого уникального памятника науки (Messerschmidt 2020).

Отметим, что рабочие записи Мессершмидта ставят под сомнение тезис, согласно которому приоритет в деле изучения новоиндийских языков принадлежит акад. Т.З. Байеру (1694–1738). Эту точку зрения высказал в своей известной статье «Из истории изучения живых индийских языков в России в XIX в.» В.М. Бескровный, который утверждал, что «Байер был первым в России востоковедом, начавшим заниматься живыми индийскими языками» (Бескровный 1957: 37). Также он привел суждение Джорджа Грирсона из его знаменитой работы “Linguistic Survey of India”, в которой Байер назван первым из европейцев, кто осуществил сбор слов на языке лахнда (ленди, т.е. на сарайки-мултани) (Там же: 37, примеч. 2; см. также: Grierson

¹ Приводящееся в монографии А.А. Вигасина имя «Парасотамагире», скорее всего, соответствует санскритскому «Пурушоттама-гири». В черновых записях Мессершмидта встречается также написание имени индийца как «Парасотамагира». В них же он характеризуется как “Dili Indus, Brahman et Bania” — «индус из Дели, брахман и купец».

² Папка с черновыми востоковедными материалами Мессершмидта хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39). Судя по старым шифрам, эта папка была скомпонована уже в XVIII в., затем хранилась в архиве Азиатского Музея (№ 68), а в 1936 г. была передана в архив Академии наук. Материалы по индологии представляют собой таблицы систем письма, различные лингвистические наброски, фрагменты текстов, черновые словники, упражнения в письме, один лист оригинальной индийской рукописи плохой сохранности, а равно и документы, относящиеся к переводу молитвы “Pater Noster” на мултани, о которой подробно будет рассказано далее.

1919: 244). Между тем материалы Мессершмидта показывают, что он начал заниматься теми же самыми вопросами ранее Байера. Уже в работе “Sibiria Perlustrata” отражена некоторая лексика, полученная им от «сибирских индийцев»: язык при этом обозначен как *Indis cis Gangem* (букв. «Индия до Ганга»)³.

Трудно судить, продолжал ли Мессершмидт заниматься индийскими материалами после возвращения из Сибири — в Петербурге, а также в родном Данциге, куда он ненадолго переезжал из столицы России. Мы можем утверждать, однако, что в 1733–1734 гг. он активизировал свои занятия в этом направлении, причем они приобрели отчетливо практический характер. Основным его информатором в это время становится индеец, выходец из астраханской индийской колонии. Именно ему принадлежит хранящийся среди документов Мессершмидта перевод текста христианской молитвы “Pater Noster” («Отче наш») на индийский диалект, идентифицируемый как мультани. Мультани (ныне сараики), входящий в группу ленди — западнопанджабских диалектов⁴, был распространен в торговом центре Мультане (ныне Пакистан), откуда по большей части были родом проживавшие в России астраханские индийцы.

Как известно, индийская колония в Астрахани существовала, по крайней мере, с начала XVII в.⁵ В общих чертах история появления индийцев в Петербурге в первой трети XVIII в. такова. В Астрахани в 1719 г. умирает, не оставив наследников, богатый торговец Ругнат (т.е. Рагхунатха), на его сбережения претендует приказчик — некий Наратон (Нароттама). Астраханская губернская канцелярия опечатаывает «пожитки Рагунатовы» и не спешит кому-либо их отдавать — индийцы, разумеется, недовольны. Дело доходит до самого Петра I: по его распоряжению всё имущество купца препоручается индийской астраханской общине и ее старейшине Амбураму Мулину для принятия решения о наследовании. Последний, в свою очередь, также не спешит расставаться с имуществом Рагхунатхи, которое исчисляется почти 31 000 рублей (деньги по тем временам огромные). Потенциальный наследник Наратон/Нароттама решается действовать иным образом: как писали тогда в бумагах, из «идолослужения» он в 1726 г. крестится в веру православную греческого исповедания и уже под именем новокрещеного Федора Федоровича Индеса снова возобновляет тяжбу о наследстве. Очевидно, именно через факт крещения дело о наследовании выходит из юрисдикции индийской общины и вновь долгое время (около десяти лет) рассматривается властями (подробнее об этом см.: Вигасин 2008: 67–68).

На завершающем этапе тяжбы в Петербург приезжает сам Федор Федорович Индес (Наратон), но не один, а со своим крестным братом — неким Петром Ивановым,

³ Согласно европейским представлениям тех лет, вся территория от Пакистана до Камбоджи называлась Индией, но она делилась на два региона: *Indis cis Gangem* и *Indis extra Gangem* (букв. «Индия за Гангом»).

⁴ Относятся к южной группе западнопанджабских диалектов, которые существенно отличаются от восточнопанджабских, т.е., собственно, самого панджаби (Смирнов 1970: 11).

⁵ О жизни индийских купцов в России XVII–XVIII вв., об их астраханской общине писали ученые XVIII в.: в частности, Иоган (Готлиб) Георги («Описание всех обитающих в государстве Российском народов») и Петр Симон Паллас. Из поздней научной литературы по этому вопросу заслуживают особого внимания сборники архивных документов «Русско-индийские отношения в XVII в.» (Сидоров 1958) и «Русско-индийские отношения в XVIII в.» (Овчинников, Сидоров 1965), а также труды А.А. Вигасина.

сыном Сунгура. Этот последний индиец, упоминаемый в разных канцелярских бумагах под именем Сунгара (Сухара), жил в Петербурге примерно полгода: в период с октября 1733 г. и в течение первых месяцев 1734 г., — в доме князя А.М. Черкасского⁶ (Вигасин 2008: 70). Прежде всего он становится ценным источником информации об Индии и индийских языках для немецких ученых Г.Я. Кера (1692–1740), Байера и, как теперь становится понятно, Мессершмидта.

Индиец этот был, видимо, личностью примечательной. Он водил дружбу с поэтом В.К. Тредиаковским (Вигасин 2008: 66), был замечен князем Черкасским и, возможно, другими влиятельными людьми. В челобитной на имя императрицы Елизаветы Петровны, составленной в середине XVIII в., он именуется уже «дворянином, новокрещеным из индейцев» Петром Ивановым сыном Сунгуры (Овчинников, Сидоров 1965: 281–282). Не исключено, что его выдвижению поспособствовал документ, являющийся объектом настоящего исследования.

Документ хранится в Индийском фонде ИВР РАН под шифром VII,81 (Ind. 159). Краткое его описание дано в каталоге (Посова, Чижикова 1999: 135), в качестве заголовка использована формулировка: «„Отче наш“ в переводе на мультами. С посвящением имп. Анне Иоанновне». В статье В.С. Воробьева-Десятовского, помещенной в качестве предисловия к каталогу, об этой единице хранения сказано следующее: «Одним из первых поступлений индийских рукописных материалов (30-е годы XVIII в.) была таблица, содержащая текст на диалекте мультами (ныне — мультами. — *Примеч. сост.*) западноиндийского языка лахнда (ныне — ленди. — *Примеч. сост.*), написанный алфавитом ланджа слитными монограммами, а также и отдельными слоговыми знаками (№ 697). Таблица интересна как палеографический памятник и была использована Я.И. Шмидтом при выяснении происхождения тибетского алфавита» (Там же: 7–8).

С конца XVIII в. в течение нескольких десятилетий данная рукопись находилась в составе тибето-монгольско-калмыцкой коллекции Библиотеки Академии наук, о чем свидетельствует перечень, составленный И. Буссе в 1798 г. Под номером 30 следует запись: *Eine zerrißene Rolle, enthaltend das Vater unser in indischem Character mit griechischer und Rußischer Übersetzung* [«Порванный свиток, содержащий „Отче наш“ в записи индийскими буквами вместе с греческим и русским переводами)]. В 1828 г. предмет был отражен в черновом инвентаре, составленном Я.И. Шмидтом, приступившим к работе хранителя указанной коллекции Азиатского Музея (осн. 1818). Ему посвящен номер 179: *Ein angeblich-Multanisches Vater unser, mit Landscha-Schrift. (Manuscr.)* [«Предположительно „Отче наш“ на мультамском, шрифтом ланджа. (Рук.)»]⁷. Затем документ был передан в Индийский фонд Азиатского Музея. Судя по записи Буссе, он был не в лучшем состоянии. Впоследствии (скорее всего, в советское время) лист был наклеен на бумажную подложку. В наши дни реставрацией документа занимается Л.И. Крякина, ведущий художник-реставратор ИВР РАН. Публикуемая нами цифровая копия документа сделана по итогам выполненной ею предварительной обработки рассматриваемого листа (Ил. 1).

⁶ Вероятно, имеется в виду дом № 23 по Университетской наб. По любопытному стечению обстоятельств несколько лет спустя князь Черкасский выстроил себе дом на Дворцовой наб. на том месте, где в XIX в. появится Ново-Михайловский дворец, в котором ныне находится ИВР РАН.

⁷ Спискам Буссе и Шмидта посвящена публикация (Walravens, Zorin 2016).

Ил. 1. VII,81 (Ind. 159). «Отче наш» в переводе на мультани. С посвящением императрице Анне Иоанновне

Текст имеется только на лицевой стороне листа и состоит из следующих компонентов. Вверху по центру написано длинное («барочное») наименование-посвящение: *Serenissimæ ac Potentissimæ / Imperatrici & Magnæ Dominae / Annæ Joanninæ / Russiarum / &c. &c. &c. / Monarchæ / P.F.S.A. / Dominae nostræ Clementissimæ / Sacram /*

Orationem Dominicam / Idiomate Multano-Indico, / Caractere / Monumentario Simplici et Ligato, Biblio-graphico, et Vulgi Cursivo [Сиятельнейшей и могущественнейшей / Императрице и великой государыне / Анне Иоанновне, / Российской / и прочая, и прочая, и прочая / Всемиловивейшей государыне нашей — / Священная / Молитва Господня / на языке индо-мольтанском⁸, / шрифтами / монументальным (простым и составным), книжным и (обыденным) скорописным)]. По бокам от титула, не заходя ниже его, расположены: слева — греческий вариант «Отче наш» с заголовком: *Textus Authenticus Græcus* [«Исходный греческий текст»]; справа — церковнославянский перевод с заголовком: *Versio Slavo-Russica* [«Версия Славяно-русская»]. Над греческим текстом поставлена черная печать Библиотеки Императорской академии наук.

Под титулом, греческим и церковнославянским текстами помещен мультанский перевод «Отче наш» в двух вариантах письма ранджана (по-тибетски ланьца): в виде монограмм-кутакишар (с их помощью в северном буддизме принято записывать священные буддийские формулы — мантры и дхарани) и в виде обычных знаков слогового письма — акшар. Между тем в заголовке заявлено использование еще двух видов письма: книжного и скорописи. Под ними, вероятно, имеются в виду два варианта письма нагари. Это явствует из черновика заголовка будущего документа, в котором Мессершмидт следующим образом идентифицирует индийские виды письма: *Caractere Monumentario / Ligato [—] Gangdha / Soluto [—] Landsha / Nagrij⁹ [—] Typographico / Lichtij [—] MSto / Takrij [—] Vulgi Cursivo* (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 167)¹⁰. Более близкий к финальному черновик заголовка содержит такую формулировку: *Versio Moltano Indica. / Caractere / Monumentario / Gangdha seu Ligato / Landsha seu Soluto. / quant Calligraphice licuit*, — и ниже немного измененный вариант: *Versio Moltano-Indica / Caractere Monumentario Gangetico / Gangdha si seve Ligato. / Landsha si ve Soluto* (Там же: л. 59).

В другой черновой записи приводятся некоторые альтернативные обозначения первых трех видов письма, отбракованные Мессершмидтом:

1–2) Monumentali simplici et ligato Sacro; Monumentario Unciali/Ligato et simplici, Sacro; Monumentario, simplici, et ligato;

3) Librorum quadratum, Brahmanu Bibliographico quadrato, Academico seu Bibliographico, Brahmanum Bibliographico (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 140)¹¹.

Приведем теперь транслитерацию акшар ранджаны мультанского перевода «Отче наш» параллельно с греческим оригиналом¹² и церковнославянским переводом, согласно тексту рукописи:

(стк 1) Petā asāda, jeharā heī asāmāna te / ПАТЕР ΗΜΩΝ, Ο ΕΝ ΤΟΙΣ ΟΥΡΑΝΟΙΣ / **ЪѢче нашь ѣже еси на небесѣхъ**

ate śrī hove nāu tedā, / 1) Ἀγιασθήτω τὸ ὄνομά σου; / 1.) **Дá святѣтъся Ѣмя твоѣ.**

ate avene pātesai tedi / 2) Ἐλθετω ἡ βασιλεία σου; / 2.) **Дá прѣидетъ Царьствѣе твоѣ.**

(стк 2) ate hove asatearo tedā jive asāmāna te, tive dhārtī te / 3) Γενηθήτω Τὸ θέλημα σου, ὡς ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ τῆς γῆς.; / 3.) **Дá воудетъ воля твоѣ Ѣкв на небеси ѣ на Земли.**

⁸ Мы используем формулировку, встречающуюся в документах.

⁹ Сочетанием –ij- в рукописях Мессершмидта передается долгий гласный –ī-.

¹⁰ Завершают список два тибетских вида письма, см. далее.

¹¹ Отметим, что часть этих черновых записей разграфлена и помечена цифрами, что указывает на разработку Мессершмидтом макета рукописи.

¹² В документе представлен вариант Вселенского Патриархата Константинополя.

ṣoraki asadi deharīdhi de (стк 3) asaku amu¹³ | / 4) Τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον; / 4.) Хлѣбъ нашъ насѹщный дѣждь намъ Днѣсь;

ate bhaṣake pāra asade jive asā bhaṣakesu unā haku je asade (стк 4) ghuṇāghāne hove-
ne | / 5) Καὶ ἄφες ἡμῖν τὰ ὀφελήματα ἡμῶν, ὡς καὶ ἡμεῖς ἀφίεμεν τοῖς ὀφειλέταις ἡμῶν. /
5.) Ἰ ὠστὰβῖ námъ Дѡлгῖ námша, ἰḱкоже ἦ мѡ ὠстὰвлѣемъ Дѡлжнῖкῶмъ námшῖмъ;

ate nāghenavaṃṃa asaku hārkate duhu | / 6) Καὶ μὴ εἰσενέγκῃς ἡμᾶς εἰς πειρασμόν. /
6.) Ἰ не введῖ námъ вѡ Ἰскḽшῖнῖе;

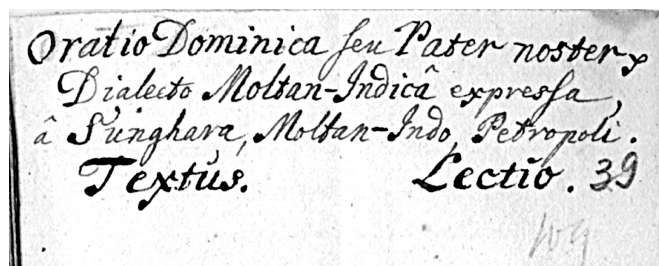
ho rāsegheno asaku (стк 5) sāhatana kaṃṃu | / 7) Ἀλλὰ ρῦσαι ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ. /
7.) Нѡ ἰзвѣви námъ ѡ лḽкḽвагḽw.

tehī oparam te teḍī he pātesāi balo ate usatate adhe sugā te | / Ὅτι σοῦ ἐστὶν ἡ βασιλεία,
καὶ ἡ δύναμις, καὶ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας, / Ἰḱkw твоѡ ἕсть Цḽрḽствῖе, ἦ Сῖла, ἦ Слḽва
вѡ вḱкῖ вḱкῶвḽ

āmainaḥ sācu he | / Амῖн. / Ἰмῖнь.

Представленный документ не подписан, но можно не сомневаться, что он появился в промежутке между 28 января (7 февраля) 1730 и 17(28) октября 1740 г., когда Россией правила императрица Анна Иоанновна (1693–1740). Имеющиеся в архиве Мессершмидта многочисленные черновые материалы, относящиеся к мультанскому переводу «Отче наш», однозначно свидетельствуют, что составителем документа был именно этот немецкий ученый, а его соавтором — индеец Сунгара, он же Петр Иванов. Об этом прямо сказано на последнем листе черновой заготовки Мессершмидта для небольшого пособия по индийскому (мультанскому?) наречию.

Пособие должно было состоять из 20 л., на обеих сторонах листов написаны заголовки, но ни один из них не раскрыт: можно осторожно предположить, что продолжить работу помешала неожиданная кончина Мессершмидта. Интересующий нас заголовок гласит: «Молитва Господня, или “Pater Noster”, в переложении на мольтан-индийский диалект, [выполненном] Сунгхарой, мольтан-индийцем, в Петербурге» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 39. Ил. 2)¹⁴. Таким образом, Мессершмидт имел в своем распоряжении перевод Сунгары. Следовательно, работа над документом велась в конце 1733 или в начале 1734 г., когда последний находился в Санкт-Петербурге. Конечно, финальный текст, хранящийся в ИВР РАН, мог появиться и несколько позже (но не позднее 25 марта 1735 г. — даты смерти немецкого ученого).

Ил. 2. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 39.

Заголовок, атрибутирующий мультанский перевод «Отче наш» Сунг(х)аре

¹³ Вероятно, описка. Согласно материалам черновики Мессершмидта, должно быть — -du- (см. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 109) или же -hu-/-huo- (Там же: л. 110 об.).

¹⁴ Имя Sunghara встречается еще на одном листе: оно написано аккуратным почерком сбоку от небольшого индийского словника (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 111).

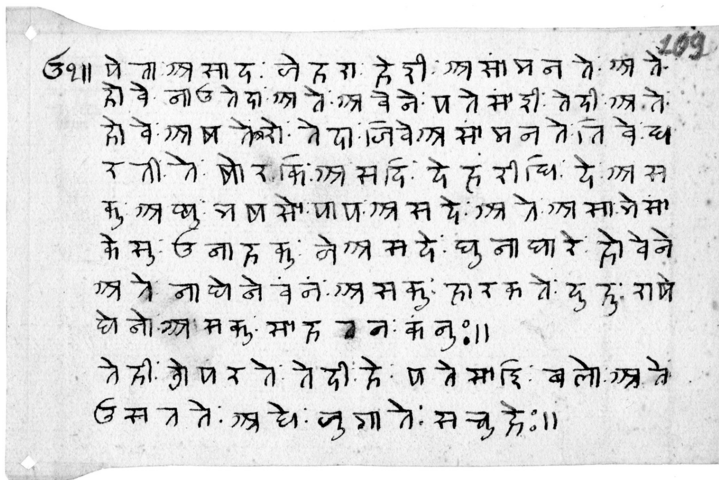

Приведем транслитерацию обеих фонетических записей параллельно с латинским оригиналом, текст разбит для удобства на те же компоненты, что и в случае с мультанским, греческим и церковнославянским вариантами:

Pater Noster, qui es in caelis, / pa ter no ster kwi 'es 'in tsa'e lis||
 sanctificetur nomen tuum. / sam n+kti+phi tse tur no men tu 'um|
 Adveniat regnum tuum. / ad we nyi 'at re gnum tu 'um|
 Fiat voluntas tua, sicut in caelo et in terra. / phi 'at wo lun tas tu 'a si kut 'in tse lo sik¹⁵
 'et 'in te+rra'||
 Panem nostrum quotidianum da nobis hodie, / pa nem no strum kwo ti di 'a num da' no
 bis ho de(!di) 'e
 et dimitte nobis debita nostra sicut et nos dimittimus debitoribus nostris. / 'et re(!di) mi
 the' no bis de bi ta' no stra' si+kut 'et nos re(!di) mi-t ti mus de bi to ri bus no stris
 Et ne nos inducas in tentationem, sed libera nos ab omni malo¹⁶. / 'et ne nos 'in du kas
 'in ten ta tsi 'o+nem sed li be ra' nos 'ab 'om ni ma lo||
 Quia tuum est regnum et potentia et Gloria in saecula saeculorum. / kwi 'a tu 'um 'est re
 gnum 'et po ten tsi 'a 'et glo ri 'a 'in se ku la' se ku lo rum
 Amen. / v men

Ситуация могла измениться именно в результате знакомства Мессершмидта с Сунгарой, который сумел выполнить для него перевод молитвы на индийский (а именно мультанский) язык. По всей видимости, среди документов Мессершмидта сохранился автограф этого перевода: текст написан достаточно бегло письмом деванагари, едва ли его мог написать кто-то иной, кроме Сунгары (СПБФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 109. Ил. 4)¹⁷.

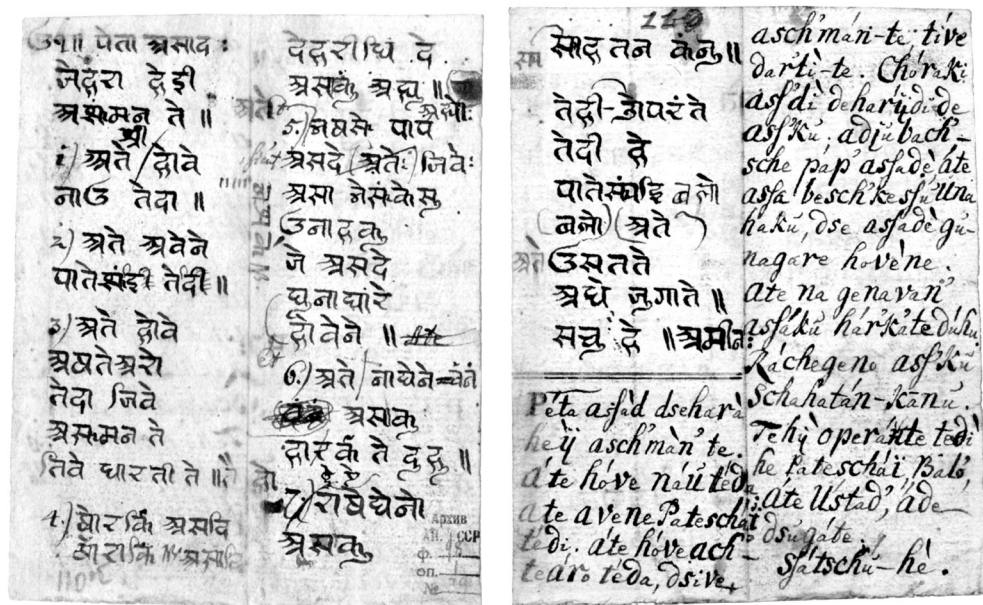

Ил. 4. СПБФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 109. Перевод «Отче наш» на мультанский (предположительно, автограф Сунгары)

¹⁵ Лишний слог *sik* (видимо, случайный повтор).

¹⁶ Стандартный вариант молитвы в этом месте немного отличается: *sed libera nos a malo*.

¹⁷ Запись молитвы письмом ранджана в адресе Анне Иоанновне содержит незначительные разночтения с этим текстом. В частности, фраза ...ate śīḥ hove nāu tedā, содержащаяся в первом, трансформировалась в последнем в вариант ...ate hove nāu tedā. Также в молитве, записанной ранджаной, добавлено традиционное христианское «Аминь!» (āmainaḥ).

Ил. 5. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 110 об., 110.

Копия мультанского перевода с латинской транскрипцией (автограф Д.Г. Мессершмидта)

К этому документу примыкает лист, написанный рукой Мессершмидта, который содержит: 1) копию текста индийской графикой (занимает целиком лицевую сторону и небольшую часть оборотной стороны листа¹⁸); здесь Мессершмидтом проставлена нумерация тех же семи компонентов молитвы, что и в греческой и церковнославянской версиях, хотя индийский текст в финальном варианте документа этой нумерации не имеет; 2) его латинскую транскрипцию (занимает остальную часть оборотной стороны листа) (Ил. 5).

Последний документ интересен тем, что представляет собой попытку создания Мессершмидтом фонетической транскрипции (с указанием ударения/тона) гласных в словах молитвы (очевидно, озвученной ему информантом-индийцем Сунгарой). С помощью нее мы ныне имеем возможность составить некоторое представление об особенностях звучания астраханского мультани первой половины XVIII в. Приводим его построчно, по возможности воспроизводя в печати особенности рукописных графем транскрипции Мессершмидта:

Péta assád dseharà¹⁹
 heij asch'màn'te.
 Áte hóve nàu téda²⁰.

¹⁸ В архивной пагинации стороны «поменялись» местами: лицевой здесь соответствует маркировка «110 об.».

¹⁹ Сочетание -ds- (также, очевидно, -ðs-) в транскрипции Мессершмидта передает звук -j-.

²⁰ В своей транскрипции, возможно, Мессершмидт различает церебральное ð и дентальное d, обозначая первое написанием латинской буквы -d- с отрезком вверх — -ð-. Это подтверждается, например, сопоставлением формы téda у Мессершмидта и притяжательной формой местоимения 2 л.

Ate avene Pateschài²¹
 tédi. Áte hóve ach-
 teáro téda, ðsive
 asch'mán-te, tíve
 ðar'ti-te. Chóraki
 ass'di deharj̄ðiðe
 ass'ku. aḏjú bach'-
 sche páp' assaðè áte
 assa besch'kessu'Una
 haku, ðse assaðè gu-
 nagáre hovène.
 Ate na genavan'
 assáku hár'ka'te ðúhu.
 Ráche geno ass'ku
 Schahatán-kānu.
 Tehij`operánte teði
 he Pateschái, Balo,
 Áte Ústað', áðe ðsugáte
 Ssátschu-hé.

О дальнейшей трансформации замысла немецкого ученого, вероятно, свидетельствует еще один лист из документов Мессершмидта (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 79 об.). Здесь содержится перечень языков и соответствующих им восточных письменностей, дающий нам представление о его лингвистической подготовке. Этот список включает в себя: 1) Ebraica (иврит); 2) <Græka>²² Indica (возможно, хиндустани); 3) <Ruthen> Brahm[anica] (язык брахманов — вероятно, санскрит); 4) Mol-tanica Takrij (мульти = ленди); 5) Tangutica Sob (тибетский: уставное письмо); 6) [Tangutica] Scher (тибетский: полууставное письмо); 7) Malabarica seu 8) Tamulica (малабарский или тамильский); 9) Græca (греческий); 10) Ruthen[ica] (русский); 11) Latin[ica] (латинский); 12) German[ica] (немецкий). На этом же листе с двух сторон даны варианты слов «да будет воля твоя» на указанных видах письма, а также на монгольском, который Мессершмидт также изучал в Сибири. В случае с тибетским письмом (в двух вариантах) мы имеем точную фонетическую кальку мультианских слов *ate hove aḡtearo tedā* (Ил. 6).

Итак, вероятно, Мессершмидт рассматривал идею представить текст «Отче наш» в большом количестве вариантов, однако затем он решил сократить привлекаемый материал, причем тибетское письмо было отвергнуто им последним. Это следует из упоминавшегося выше небольшого наброска к заголовку финального документа — представленный там список шрифтов завершают тибетские устав и полуустав²³

ед. ч. tāḏḏā («твой») в современном ленди (см.: Смирнов 1970: 93). Знаком -ḏ-, однако, у него в иных случаях также может обозначаться и дентальный -d-, и придыхательный -dh- — ḏarti=dharti).

²¹ Сочетание -sch- в транскрипции соответствует звуку -ś- записей молитвы в документах Мессершмидта на деванагари и ранджане.

²² Угловые скобки означают зачеркивание в рукописи.

²³ *Phodjiti Sop... Typographico / Tangutico / Scher MStorum / Tangutico*. Здесь с небольшими искажениями записано чтение тибетских слов: *bod yig gi* 'тибетский письменный язык' (в Gen.), *gzab* 'уставное письмо' (=dbu can) и *bshar* 'полууставное письмо' (=dbu med).

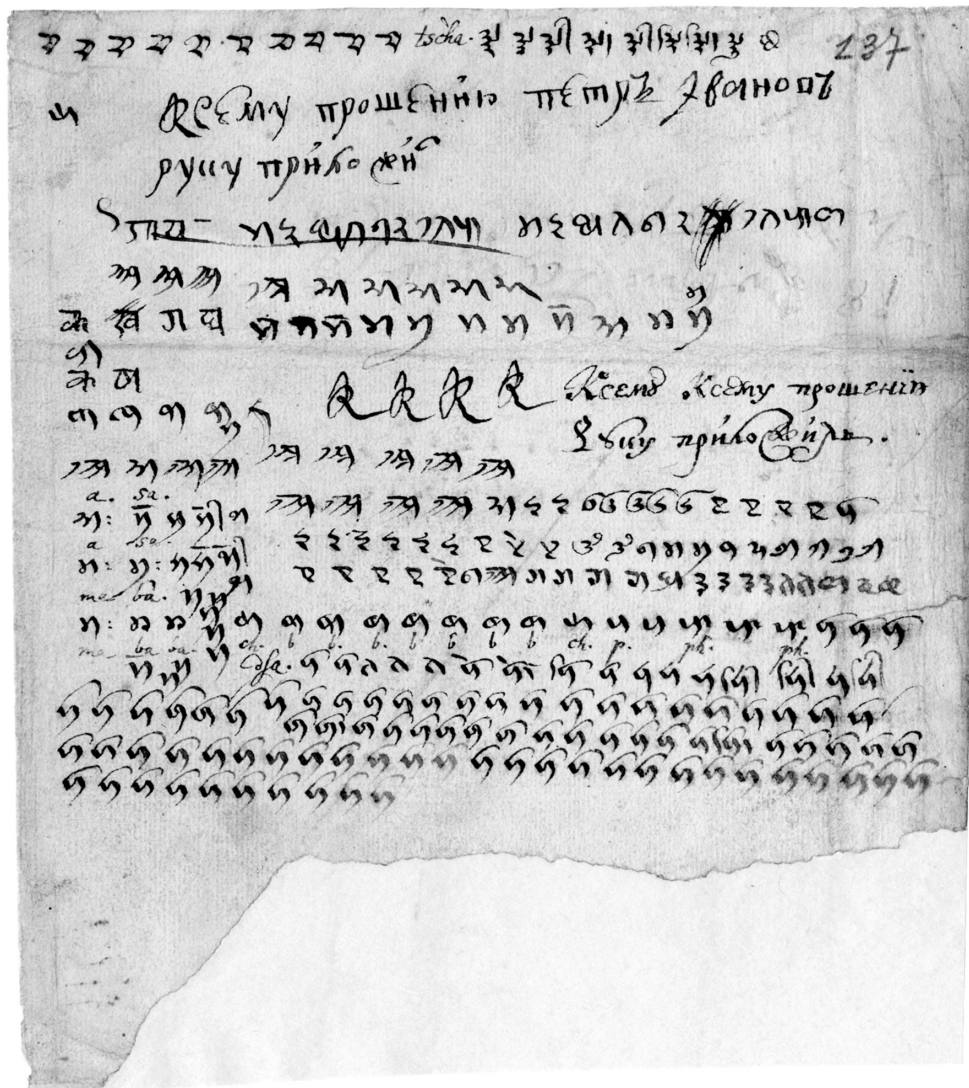

Ил. 6. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 79, 79 об. Черновой список языков, на которых предполагалось представить текст «Отче наш», и запись первой строки его перевода на мультани в фонетической транскрипции разными видами письменности (автограф Д.Г. Мессершмидта)

(СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 167). Отказ от тибетского письма может быть связан с тем, что в его распоряжении не было перевода молитвы на тибетский язык, а фонетическую кальку с мультани или латинского текста он предпочел не приводить.

Эти материалы, а также многочисленные «пробы пера» в написании компонентов молитвы письмом ранджана, особенно в виде *кутакашар*, свидетельствуют, что подготовка к составлению рукописи велась Мессершмидтом весьма основательно. Какова же была цель этого рукописного подношения? В бумагах Мессершмидта находится лист с упражнениями в написании индийских, тибетских букв и двумя надписями на кириллице (тоже, видимо, ученическими): «К сему прошению Петръ Ивановъ руку приложил[ъ]» (К сему прошенію Петръ Ивановъ руку приложі^л) и «К сему прошенію Руку приложилъ (sic)» (К сему прошенію Рѹку приложі^л)» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 137. Ил. 7). Мы полагаем, что Петр Иванов — это не кто иной, как индеец Сунгара. Можно предположить, что речь здесь идет о прошении, которое планировали подавать индийцы на имя Анны Иоанновны по поводу пересмотра дела о наследстве, и совпадающий с ним по времени своего составления адрес Анне Иоанновне с молитвой «Отче наш» вполне мог быть связан с челобитной индийцев.

Этот адрес готовился и, возможно, был окончен в ключевой момент для принятия решения о наследстве Рагхунатхи. В 1733 г. Наратону Сенатом было отказано в получении денег по той причине, что индийская община вынесла соответствующий вердикт: со времен указа Петра I государство старалось не вмешиваться в ее дела. Однако в 1734 г. появляется прошение на имя императрицы Анны Иоанновны, не соизволит ли она «Ругнатовы пожитки» (т.е. наследство Рагхунатхи) передать все же челобитчику Федору Федорову, т.е. нашему Наратону, причем в тексте прошения

Ил. 7. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 137. Черновые записи Д.Г. Мессершмидта с упоминанием прошения Петра Иванова (Сунгары?)

подчеркивался факт принятия последним «православных веры греческого исповедания». И неожиданно ходатайство, несмотря на обстоятельное сенатское расследование вопроса, было удовлетворено, и наследство в результате Наратоном было получено (правда, с отложением исполнения на год, на случай если все же объявятся какие-то прямые наследники из Индии) (Вигасин 2008: 68).

Нам представляется весьма вероятным, что появление данного адреса Анне Иоанновне в 30-е годы XVIII в. с молитвой «Отче наш» на греческом, церковно-славянском языках и мультанском наречии могло быть элементом некой юридической «игры», которую вели петербургские индийцы с участием Мессершмидта (возможно,

что и при участии Кера и Байера²⁴) с целью добиться успеха в деле о наследстве. Адрес вполне мог служить цели наглядно продемонстрировать набожной (по отзывам современников) царице серьезность обращения индийцев в православие и этим гарантировать благоволение императрицы к их прошению. В то же время Мессершмидт как составитель документа, скорее всего, имел серьезную личную мотивацию. Ему не удалось найти себе достойного занятия ни в родном Данциге, ни в Петербурге. Если бы ему посчастливилось привлечь монаршее внимание к собственной персоне таким замысловатым образом, это бы могло открыть перед ним перспективы академической или иной карьеры.

Его расчет мог основываться и на том обстоятельстве, что в период правления Анны Иоанновны позиции немецкой партии в России были сильны как никогда. Косвенным подтверждением личной заинтересованности Мессершмидта в успехе дела о наследстве могут быть варианты необычного знака, встречающегося в черновиках немецкого ученого (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 72. Ил. 8).

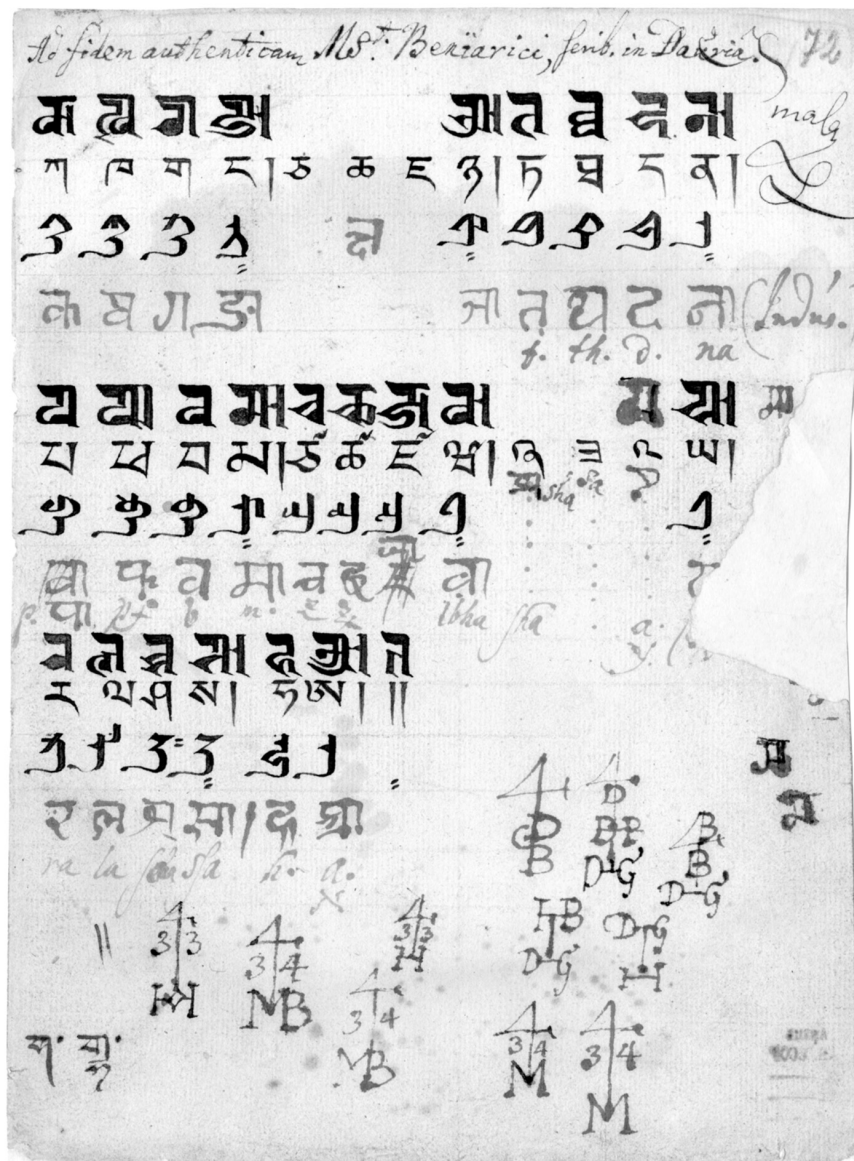
Он представляет собой монограммное изображение, в котором знак, напоминающий цифру четыре²⁵, сочетается с переплетенными буквами D, G, M, B. Первые три из них с очевидностью соотносятся с инициалами ученого (Daniel Gottlieb Messerschmidt), а последняя (B), скорее всего, отсылает к анаграмматической «фамилии» Мессершмидта, которая получается методом перестановки букв его имени и фамилии. В СПбФ АРАН хранится составленная Мессершмидтом автобиография с городскопической натальной картой и ключом к трактовке буквы (B) в указанном изображении — анаграмматическим «пересчетом» имени Мессершмидта: «Daniel Gottlieb Messerschmidt по анаграмме John–Gillis–Emmericus de Badestets» (Басаргина 2019: 276)²⁶. Этот знак в черновиках Мессершмидта можно было бы просто трактовать как

²⁴ О контактах Кера и Байера с Сунгарой см. (Вигасин 2008: 69–71). Рукописи Байера, хранящиеся в Библиотеке Университета Глазго, содержат некоторые дополнительные сведения и материалы по этой теме (Weston 2018: 46, 68, 119).

²⁵ Подобные монограммные изображения с центральным элементом в форме четверки, в различных своих вариантах встречающиеся в европейской ренессансной культуре — в знаках ремесленнических корпораций (как общий символ мастерства), у книгоиздателей, на замковых камнях зданий и т.п. — связаны также с сакральными, эзотерическими смыслами четверичных образов, таких как квадратура, четыре стихии, четвероевангелие, тетраграмматон и т.д. (см., например: Geheime Figuren der Rosenkreuzer... 1785: 7). В частности, изображение стилизованной четверки можно встретить в символах, иллюстрирующих положения учения Мартинеса де Паскуали — основателя движения мартинистов — и его последователей, а также в других контекстах, связанных с европейской эзотерикой. Известный французский исследователь эзотеризма и традиционалист Рене Генон, опираясь на работы предшественников, связывал происхождение этого знака с эзотерической эволюцией древнего, известного с римских времен изображения хризмы на лабаруме (знамени) императора Константина Великого — монограммы имени Иисуса Христа (см. главу “Le ‘quatre de chiffre’ ” в его книге: Guignon 1962: 378–381).

²⁶ Такого рода практика составления анаграмм была в ходу у ученых того времени. Достаточно вспомнить, что знаменитый физик, а также теолог и алхимик Исаак Ньютон имел имя Jeova Sanctus Unus («Единый святой Иегова»), анаграмматически извлеченное им из латинского написания своего имени Isaacus Neuvtonus. В связи с этим стоит отметить, что в записях Мессершмидта встречаются свидетельства интереса немецкого ученого к попыткам исследований в области обнаружения общего основания графем различных систем языка, осуществляемым в духе поисков «адамического языка» ученых-мистиков предшествующих веков. Этим, возможно, объясняется и его повышенный интерес к монограмматической форме письменности — *кутакиарам* ранджаны, выбранной им для записи молитвы «Отче наш» на мультани. Но стоит также отметить, что склонность Мессершмидта к различным языковым играм проявлялась у него и в юмористическом ключе. Примером этого может служить латинская эпиграмма Мессершмидта, где он обыгрывает омонимию русского и латинского слов «права» и «prava» (см.: Казанский 2020: 557–570).

Ил. 8. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 72. Монограммные изображения на листе с тибетским алфавитом, снабженным индийскими и монгольскими параллелями (автограф Д.Г. Мессершмидта)

пробу пера ученого в создании своего рода личной монограммы, «герба» (например, для экслибриса), если бы не наличие чисел 33 и 34 в обрамлении двух его вариантов. Оно весьма напоминает случаи изображения аналогичного знака на камнях зданий в Европе с указанием года их постройки и т.д.²⁷

²⁷ В Интернете можно найти образцы таких изображений; см., например, фотографию знака, датированного 1616 г., на одной из аркад на Национальной (Королевской) площади во французском

Проведенная параллель позволяет предположить, что числа 33 и 34 в монограмме Мессершмидта также могут обозначать годы, а именно указывать на два особо значимых для немецкого ученого года восемнадцатого столетия, на которые он возлагал особые надежды²⁸. На наш взгляд, нет ничего невозможного в том, чтобы трактовать монограммный знак с зашифрованными в нем годами как «магический» талисман на удачу (эзотерическая практика составления личных талисманов была известна в Европе со времен средневековья). Создание такого рода изображения вполне могло задумываться ученым как средство повлиять на судьбу, обеспечить успех в планировавшемся Мессершмидтом предприятии, быть сигнатурой его намерений и чаяний. Напомним, что именно в течение 1733–1734 гг. происходило его взаимодействие с индийцами в Санкт-Петербурге, тогда же, скорее всего, был составлен рассмотренный адрес Анне Иоанновне, и тогда же решалась судьба дела о наследстве индийского купца Рагхунатхи (кто знает — быть может, у немецкого ученого была и материальная заинтересованность в его успешном разрешении). Возможно, лишь преждевременная смерть Мессершмидта в 1735 г. помешала сбыться его надеждам, начавшим воплощаться в указанный период.

Безусловно, сказанное принадлежит лишь к области догадок. Никаких документов, которые бы указывали на реакцию императрицы или ее двора на составленный Мессершмидтом документ или знаки какого-либо благоволения с их стороны к немецкому ученому, нам обнаружить пока не удалось.

Отметим в заключение, что появившийся в 1730-е годы текст молитвы «Отче наш» на мультанском диалекте может быть первым опытом перевода этого важного христианского текста — собственно, фрагмента Евангелия — на диалект западного панджаби²⁹. Согласно Смирнову, первый перевод Библии на мультани был осуществлен лишь в 1819 г. (Смирнов 1970: 17). При этом исследование диалектов Западного Панджаба было предпринято англичанами только в XIX в. Немецкие же ученые, работавшие в Петербурге в первой половине XVIII в. (Мессершмидт, Кер, Байер), занимались мультанской лексикографией при помощи астраханских индийцев. Частично накопленные материалы вошли в составленные С.П. Палласом при личном участии Екатерины II «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» (Паллас 1787–1789)³⁰. Сама же идея научной репрезентации языков мира на примере молитвы «Отче наш» была жива в Петербурге и во второй половине XIX в. Во всяком случае, именно ее в переводе на многие языки и с использованием многочисленных видов письма отразило издание Типографии Академии наук, обладавшей поистине великолепной коллекцией наборных шрифтов (Образцы шрифтов 1870).

городе Монтобане: <https://www.paperblog.fr/2440242/une-marque-au-quatre-de-chiffre-a-montauban-82/> (дата обращения: 28.10.2021).

²⁸ Стоит отметить, что основная часть страницы, где содержатся монограммные знаки, отведена под тибетский алфавит с параллелями из ранджаны и монгольского алфавита. Эта запись, как следует из заголовка, была выполнена в Даурии (имеется в виду Забайкалье). Однако и монограммные знаки, и дополнительные индийские параллели к алфавиту, взятые из письма нагаи, вполне могут датироваться более поздним периодом.

²⁹ Среди бумаг Байера, хранящихся в Глазго, имеется небольшой сборник переводов «Отче наш» на ряд индийских языков с использованием различных видов письма, составленный миссионером в Мадрасе Беньямином Шульце (Weston 2018: 90–92). Представлены следующие варианты: 1. Tamulice 2. Granthamice 3. Telugice 4. Marathice 5. Samscrutamice 6. Canarice 7. Balabandice 8. Murice 9. Dewanagrice 10. Gutsaraticae. 11. Alphabeta Balandi et Dewanagaram.

³⁰ Об индийской составляющей словаря см. (Гуров 2000).

Литература

- Басаргина 2019 — Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт. Письма и документы 1716–1721 / Сост. Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев. Под общ. ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Бескровный 1957 — *Бескровный В.М.* Из истории изучения живых индийских языков в России в XIX веке // Вестник Ленинградского университета. № 8. Серия истории, языка и литературы. Выпуск 2. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1957. С. 37–50.
- Вигасин 2008 — *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.: МГУ, ИСАА; издатель Степаненко, 2008.
- Гуров 2000 — *Гуров Н.В.* Индийские языки в словаре Екатерины II // Россия–Индия: перспективы регионального сотрудничества (г. Санкт-Петербург). М.: Институт востоковедения РАН, 2000. С. 149–175.
- Казанский 2020 — *Казанский Н.Н.* Орфоэпия, орфография и филология (эпиграмма Даниэля Готлиба Мессершмидта In rsbv6 Russorum quod grava pronuntiant) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Том 17. № 4. 2020. С. 557–570.
- Образцы шрифтов 1870 — Образцы шрифтов (с принадлежностями к ним), находящихся в собственности типографии и словолитни Императорской Академии Наук. «Отче наш» и другие тексты на 325 языках и наречиях. СПб., 1870.
- Овчинников, Сидоров 1965 — Русско-индийские отношения в XVIII в.: сборник документов / [Сост. Р.В. Овчинников, М.А. Сидоров]; отв. редакторы К.А. Антонова, Н.М. Гольдберг. М.: Наука, 1965.
- Паллас 1787–1789 — *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa; Augustissimae cura collecta* = Словари всех языков и наречий, собранные Десницею Всевысочайшей Особы / (Ред. П.С. Паллас). В 2 ч. СПб.: Типография [И.К.] Шнора, 1787–1789.
- Посова, Чижикова 1999 — *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 1999.
- Сидоров 1958 — Русско-индийские отношения в XVII в.: сборник документов / [Сост. М.А. Сидоров]; отв. ред. К.А. Антонова, Н.М. Гольдберг, Т.Д. Лавренцова. М.: ИВЛ, 1958.
- Смирнов 1970 — *Смирнов Ю.А.* Язык ленди. М.: Наука, 1970 (Языки народов Азии и Африки).
- Geheime Figuren der Rosenkreuzer... 1785 — *Geheime Figuren der Rosenkreuzer aus dem 16ten und 17ten Jahrhundert: Erstes Heft. Aus einem alten Mscpt zum erstenmal ans Licht gestellt.* Altona, Hamburg: J.D.A. Eckhardt, 1785.
- Гуйнон 1962 — *Guignon R.* Symboles de la Science sacrée. Paris: Gallimard, 1962.
- Grierson 1919 — *Linguistic Survey of India* / [Compiled and Edited] by G.A. Grierson. Vol. VIII. Pt I. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, India, 1919.
- Messerschmidt 2020 — *Messerschmidt D.G.* Sibiria perlustrata, etc. Факсимильное издание рукописи / Предпечатная подготовка: А.Н. Беляков, М.В. Поникаровская. СПб.: Издательский дом «Коло», 2020.
- Walravens, Zorin 2016 — *Walravens H., Zorin A.* The Āli-kāli Trilingual Syllabary Brought by D.G. Messerschmidt from Siberia and Edited by G. S. Bayer in the 1720s // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies. Vol. XXI. Tokyo, 2017. P. 183–241.
- Weston 2018 — *Weston D.* The Bayer Collection. A Preliminary Catalogue of the Manuscripts and Books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, Acquired and Augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, Now Preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow. University of Glasgow, 2018.

References

- Basargina, Elena Yu. (ed.). *Pervyi issledovatel' Sibiri D.G. Messershmidt: Pis'ma i dokumenty. 1716–1721* [The First Explorer of Siberia D.G. Messerschmidt: Letters and Documents. 1716–1721]. Compiled by E.Yu. Basargina, S.I. Zenkevich, W. Lehfeldt, A.L. Khosroyev; ed. by E.Yu. Basargina. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019 (*Ad fontes. Materialy i issledovaniia po istorii nauki* [Materials and Researches on the History of Science]. Supplementum 7) (in Russian).
- Beskrovny, Vasily M. “Iz istorii izucheniia zhivyykh indiskikh iazykov v Rossii v XIX veke” [From the History of the Study of Living Indian Languages in Russia in the 19th Century]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. № 8. Seriya istorii, iazyka i literatury. Vypusk 2* [Bulletin of Leningrad University, No. 8. History, Language and Literature Series, Iss. 2]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1957, pp. 37–50 (in Russian).
- Geheime Figuren der Rosenkreuzer aus dem 16ten und 17ten Jahrhundert: Erstes Heft. Aus einem alten Mscpt zum erstenmal ans Licht gestellt.* Altona, Hamburg: J.D.A. Eckhardt, 1785 (in German).
- Guignon, René. *Symboles de la Science sacrée*. Paris: Gallimard, 1962 (in French).
- Gurov, Nikita V. “Indiiskie iazyki v ‘Slovare Ekateriny II’” [The Indian Languages in “The Dictionary of Catherine II”]. In: *Rossii–Indiia: perspektivy regional'nogo sotrudnichestva (g. Sankt-Peterburg)* [Russia–India: Perspectives of the Regional Cooperation (the City of St. Petersburg)]. Moscow: the Institute of Oriental Studies, RAS, 2000, pp. 149–175 (in Russian).
- Kazansky, Nikolai N. “Orfoepiia, orfografiia i filologii (epigramma Danielia Gotliba Messershmida In права Russorum quod prava pronuntiant)” [Orthoepy, Orthography and Philology (An epigram by Daniel Gottlieb Messerschmidt In права Russorum Quod Prava Pronuntiant)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Iazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]. 2020, vol. 17, no. 4, pp. 557–570 (in Russian).
- Linguistic Survey of India* [Compiled and Edited] by G.A. Grierson. Vol. VIII, Part I. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, India, 1919 (in English).
- Messerschmidt, Daniel Gottlieb. *Sibiria perlustrata, etc. A facsimile edition*. St. Petersburg: Kolo, 2020 (in Latin).
- Obraztsy schriftoy (s prinadlezhnostiami k nim), nakhodiashchikhsia v sobstvennosti tipografii i slovolitni Imperatorskoi Akademii Nauk. “Otche nash” i drugie teksty na 325 iazykakh i narechiakh* [Samples of Types (with Relevant Elements) in the Possession of the Typography and Letter-Foundry of the Imperial Academy of Sciences. Pater Noster and Other Texts in 325 Languages and Dialects]. St. Petersburg, 1870 (in Russian).
- Ovchinninov, Reginald V., Sidorov, Mikhail A. *Russko-indiiskie otnosheniia v XVIII v.: sbornik dokumentov* [The Russian-Indian Relations in the 18th Century: Collected Documents]. Ed. by K.A. Antonova and N.M. Goldberg. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian).
- Pallas, Peter Simon (ed.). *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa; Augustissimae cura collecta = Slovare vsekh iazykov i narechii, sobrannyye Desnitseyu Vsevysochaishei Osoby* [The Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Compiled by the Right Hand of the August Personage]. In 2 parts. St. Petersburg: Johann Karl Schnoor, 1787–1789 (in Russian).
- Posova, Tatiana K. & Chizhikova, Kseniia L. *Kratkii katalog indijskikh rukopisei Instituta vostokovedeniia RAN* [A Brief Catalogue of the Indian Manuscripts Kept at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999 (in Russian).
- Sidorov, Mikhail A. *Russko-indiiskie otnosheniia v XVII v.: sbornik dokumentov* [The Russian-Indian Relations in the 17th Century: Collected Documents]. Ed. by K.A. Antonova, N.M. Goldberg, T.D. Lavrentsova. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1958 (in Russian).
- Smirnov, Yuri A. *Iazyk lendi* [The Lehndi Language]. Moscow: Nauka, 1970 (Iazyki narodov Azii i Afriki [The Languages of the Peoples of Asia and Africa]) (in Russian).
- Vigasina, Alexey A. *Izuchenie Indii v Rossii (oчерki i materialy)* [Study of India in Russia (Essays and Documentation)]. Moscow: Stepanenko, 2008 (in Russian).

- Walravens, Hartmut & Zorin, Alexander V. "The Āli-kāli Trilingual Syllabary Brought by D.G. Messerschmidt from Siberia and Edited by G.S. Bayer in the 1720s". *Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies*, 2017, vol. XXI, pp. 183–241 (in English).
- Weston, David. *The Bayer Collection. A Preliminary Catalogue of the Manuscripts and Books of Professor Theophilus Siegfried Bayer*, Acquired and Augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, Now Preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow. University of Glasgow, 2018 (in English).

A Multani Translation of the Lord's Prayer Preserved in the Archival Legacy of D.G. Messerschmidt

Alexander V. ZORIN

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir P. IVANOV

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 15.11.2021.

Abstract: This article presents a document dated from the 1730s and housed at the Indian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, which contains a translation of the Lord's Prayer (*Pater Noster*) into Multani (Saraiki). The document is addressed to Anna Ioannovna, hence its dating to the time of that empress's reign. The authors of the article managed to establish that the document had been compiled by the outstanding explorer of Siberia D.G. Messerschmidt, while the translation of the prayer into Multani had been made for him by one of the Astrakhan Indians, a certain Sung(h)ara (Petr Ivanov after baptism). Among D.G. Messerschmidt's documents housed at the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences, a series of drafts were found, testifying to his work on this manuscript. It can be assumed that, by means of this document, both Messerschmidt and Sung(h)ara tried to attract the attention of the Empress and enlist her support, each pursuing his own goals.

Key words: Indian Collection of the IOM, RAS, D.G. Messerschmidt, the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences, Multani (Saraiki), the Lord's Prayer (*Pater Noster*), Indians in Russia, Anna Ioannovna.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-42006 "Scientific Study of Siberia in the Era of Peter the Great: D.G. Messerschmidt's Archival Heritage". We thank V.P. Zaytsev for his help in transcribing the 18th century Cyrillic inscriptions.

For citation: Zorin, Alexander V., Ivanov, Vladimir P. "A Multani Translation of the Lord's Prayer Preserved in the Archival Legacy of D.G. Messerschmidt". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48), pp. 33–51 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO87476.

About the authors: Alexander V. ZORIN, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (kawi@yandex.ru). ORCID 0000-0002-7180-1804.

Vladimir P. IVANOV, Cand. Sci. (Philology) Senior Researcher of the Department of the Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (lokeshvara@inbox.ru). ORCID 0000-0002-6293-2837.

**Согдийские рукописные фрагменты из коллекции
С.Ф. Ольденбурга
(Сериндийский фонд ИВР РАН)
Часть 2**

В.П. ЗАЙЦЕВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

О.М. ЧУНАКОВА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO64042

Статья поступила в редакцию 22.03.2021.

Аннотация: Статья, публикуемая в двух частях (первую часть см.: Зайцев, Чунакова 2021), посвящена результатам совместной работы над несколькими недавно обнаруженными в Сериндийском фонде ИВР РАН согдийскими фрагментами, написанными, как и большинство подобных текстов, на свитках с китайским текстом на стороне *Recto*. Изучение китайских текстов позволило их идентифицировать, установив принадлежность к тексту популярной в буддийской среде «Лotosовой сутры», и определить порядок следования всех фрагментов. Это помогло соединить новые согдийские фрагменты с изданными ранее, предложить порядок их расположения относительно друг друга и тем самым приблизиться к пониманию согдийских текстов этих фрагментов, а также отметить особенности использования согдийцами-манихеями китайских свитков (нарезание их на отдельные листы, возможное склеивание в ином порядке и др.).

Ключевые слова: согдийские рукописи, буддийские сочинения, Сериндийский фонд Института восточных рукописей.

Для цитирования: *Зайцев В.П., Чунакова О.М.* Согдийские рукописные фрагменты из коллекции С.Ф. Ольденбурга (Сериндийский фонд ИВР РАН). Часть 2 // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 52–70. DOI: 10.55512/WMO64042.

Об авторах: ЗАЙЦЕВ Вячеслав Петрович, научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (sldr76@gmail.com). ORCID: 0000-0002-6870-0877. ЧУНАКОВА Ольга Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ochunakova@inbox.ru). ORCID: 0000-0001-6409-1149.

4. Девять фрагментов цз. 7 «Лотосовой сутры»

Китайский текст на обороте остальных девяти фрагментов, среди которых четыре недавно обнаруженных¹, как оказалось, соответствует седьмому цзюаню «Лотосовой сутры». Из них соединяются шесть фрагментов, образуя две группы по три фрагмента. Первая группа состоит из трех фрагментов (SI 6683-2, SI 6635 и SI 4774), соединяющихся между собой непосредственно. Перед ними располагаются два фрагмента (SI 6683-1 и SI 4775), которые не могут быть ни соединены между собой, ни подсоединены к группе: между ними утрачена примерно одна строка китайского текста, между фрагментом SI 4775 и первой группой — около 17 строк. Вторая группа фрагментов состоит из трех отрывков (SI 4719, SI 4771 и SI 4770), также соединяющихся между собой непосредственно. Она следует за первой группой, но не может быть с ней соединена: между группами утрачено около 12 строк китайского текста. За второй группой следует новый фрагмент SI 6625 из семи строк, но он также не может быть присоединен, поскольку между ним и второй группой утрачено около 58 строк китайского текста (см. ил. 8). На последней строке этого фрагмента (относительно согдийской стороны) сохранились следы склейки (склейка видна, кстати, и на четвертой строке SI 4719).

SI 6625	≈ 58 строк	SI 4719 + SI 4771 + SI 4770	≈ 12 строк	SI 6683-2 + SI 6635 + SI 4774	≈ 17 строк	SI 4775	≈ 1 строка	SI 6683-1
---------	---------------	-----------------------------------	---------------	-------------------------------------	---------------	---------	---------------	-----------

Ил. 8. Конфигурация фрагментов цз. 7 «Лотосовой сутры». Китайский текст

Восемь согдийских фрагментов из девяти, выполненных на обороте листов седьмого цзюаня (§ 4.1–4.4), написаны одним почерком, довольно аккуратным буддийским курсивом и, безусловно, принадлежат одной рукописи. Почерк девятого фрагмента, SI 6625 (§ 4.5), другой, очень небрежный и неряшливый. Ориентация согдийского текста относительно китайского на другой стороне у всех фрагментов одинакова: если перевернуть лист с правильно ориентированным китайским текстом² другой стороной, то для чтения согдийского текста необходимо повернуть лист на 90° по часовой стрелке — первая горизонтальная строка, читающаяся справа налево, будет сверху (ср. § 3).

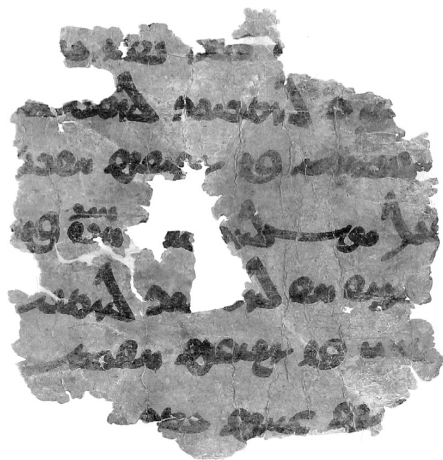
4.1. Фрагмент SI 6683-1

Шифр	Инв. №	Старый шифр	Старый инв. №	Рагоза 1980	Размер (ширина × высота), см	Почерк, см	Расстояние между строк, см	Кит. текст: LS, цз. 7
SI 6683-1	6735	—	—	—	11,2×11,8	0,5	1,0–1,2	58a1–13

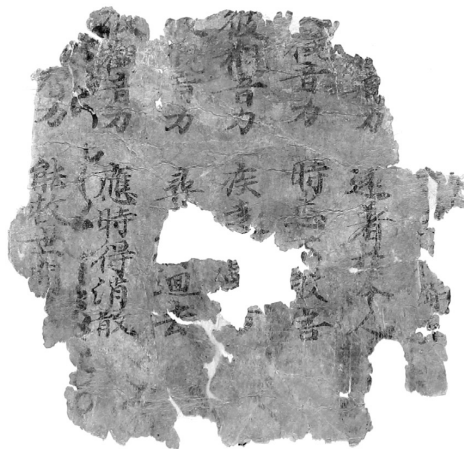
Туюк-мазар, ноябрь 1909 г.

Публикуется впервые.

Бумага плотная, темно-желтого цвета. См. ил. 9–10.

Ил. 9. SI 6683-1. Согдийский текст

Ил. 10. SI 6683-1. Китайский текст

Транслитерация и перевод:

[почти край листа]

1] (1) rty yw(°)r (r)[1	1] ...и только? ...
2] 'z-w δstβ'ry δsty'	2] ...я ради обретения
3] (γ)wβtyh pr šl'wkw γwβ'(t) [	3] хвалу гатхой вознести («восхвалить»)
4] (w)γδ ZKh δs(t)[β'ry] γyr (сверху: x'y) pr	4] ...обретение долго (сверху: «пусть будет»)
5] 'mw xw δs(tβ')ry δsty' [	5] ради того обретения
6] 'γ'z pr šl'wkw γwβ'(t) [	6] начал гатхой восхвалять
7] (1)kw c'nkw rty[	7] так как и [

Примечания:

2; 4; 5. Имя δstβ'ry в данном случае рассматривается как существительное, передающее процесс действия (это имя как модифицирующее предикат см. в словосочетании δstβry nyu's- «овладевать» в тексте М 129 R 8–9, Якубович 2013: 63). Написание 'āleph <'> для краткого гласного объясняется встречающимся в буддийских текстах возможным полным его написанием (Там же: 63, примеч. 50). Толкования этого согдийского существительного, основанные на контекстах, самые разные: от конкретного значения «палка» до абстрактного «инструмент, средство», и в форме δst(°)wβ'ry с сохранившимся окончанием аккузатива — «рукопись», семантика которых связана с именем *dasta- «рука». Среднеперсидское dstwr со значением «авторитет» или его конкретная функция — «наставление» этимологически связаны с корнем *dans- : dah- «быть умным, знающим, способным; обладать чудодейственным знанием; быть умелым; учить, обучать» (ЭСИЯ 2003: 327–328). Принятое в данном случае значение имени, контексты, переводы и предлагаемые этимологии обобщены в работе И. Якубовича (Якубович 2013: 56–66).

2; 5. Имя существительное $\delta sty'$ (Obl. Pl., см.: Gershevitch 1954: § 1188) употреблено в предложно-послеложном значении «для, ради», см. об этом в подобном контексте буддийского текста Р 8 в статье: Henning 1946: 736.

3; 6. $\delta l'wk$ передает санскр. *gāthā* (MacKenzie 1976: 134, 217, 165).

4. Толкование лексем перед именем существительным $\delta st\beta'ru$ на стк. 2, 4 и 5 также вызывает трудности. Если на строке 2 перед именем четко написано личное местоимение 1 Sg., то выписанные на четвертой строке ZKh и на пятой — хв, очевидно, являются артиклями. Можно предположить, что первый — это артикль в форме номинатива единственного числа женского рода, а второй — аккузатива единственного числа женского рода (см.: Gershevitch 1954: § 1405). Надписанная над наречием лексема х'у, выполненная мелким почерком, очевидно, является комментарием переписчика.

5. $'mw$ рассматривается как аккузатив Sg. артикля в аспекте Ich-Deixis, указание на говорящего (Yoshida 2009: 291), предваряющего указательное местоимение хв в аккузативе Sg. Masc. (Gershevitch 1954: § 1405).

Отрывок из буддийского сочинения.

Маргиналии (ил. 10): на китайской стороне фрагмента SI 6683-1 между 5-м и 6-м столбцом китайского текста видны следы стертой надписи. Между 6-м и 7-м столбцом китайского текста выполнена надпись: [почти край листа] р(1)г (мур)(yh) ('ny) (e)(3?)[.

4.2. Фрагмент SI 4775 (L 99d)

Шифр	Инв. №	Старый шифр SI...	Старый инв. №	Рагоза 1980	Размер (ширина × высота), см	Почерк, см	Расстояние между строк, см	Кит. текст: LS, цз. 7
SI 4775	4831	O/112d	4235	L 99d	4,8×3,7	0,5	1,0–1,5	58a15–17

Туюк-мазар, ноябрь 1909 г.

Документация: Рагоза 1970: 145–146, № 6(d); Рагоза 1980: 68–69, № 99(d); 171, табл. LVII(d) (факс.). Соединение фрагментов: Yoshida 2001: 106 (здесь указана принадлежность той же рукописи, что и фрагмент L 99b). Идентификация китайского текста: Yoshida 1995: 1; Yoshida 2001: 106.

Согдийский корпус TITUS: Part No. 353 (L 99a+c, b, d), 352 (L 98b very hypothetically joined with L 99d).

Имеются следы двух знаков верхней несохранившейся строки.

Бумага плотная, темно-желтого цвета. См. ил. 11–12.

Ил. 11. SI 4775. Согдийский текст

Ил. 12. SI 4775. Китайский текст

Транслитерация и перевод:

1] ZKh kr(t)[

1] .... [

2] δβtykw [

2] другого? [

Отрывок из буддийского(?) сочинения.

4.3. Фрагменты SI 6683-2 + SI 6635 + SI 4774 (L 99b) [a+b+c]

Шифр	Инв. №	Старый шифр SI...	Старый инв. №	Рагоза 1980	Размер (ширина × высота), см	Почерк, см	Расстояние между строк, см	Кит. текст: LS, цз. 7
SI 6683-2	6735	—	—	—	5,0×5,0	0,5	1,2	58b6–7
SI 6635	6689	—	—	—	10,9×4,2	0,5	1,2	58b7–9
SI 4774	4830	O/112b	4235	L 99b	7,0×5,2	0,5	1,2	58b9–11

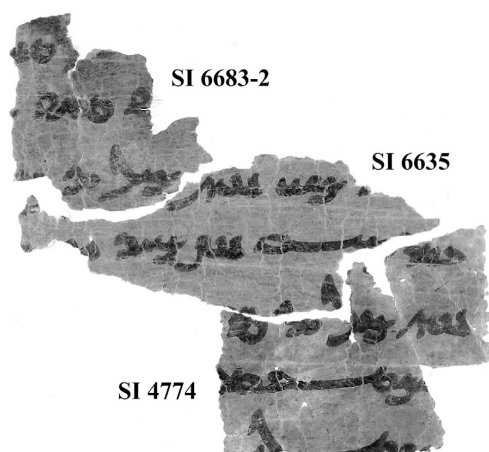
правый край

Туюк-мазар, ноябрь 1909 г.

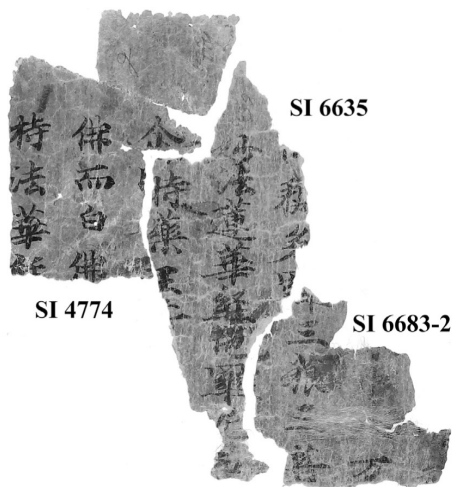
Документация: только для **L 99b**: Рагоза 1970: 145–146, № 6(b); Рагоза 1980: 68–69, № 99(b); 170, табл. LVI(b) (факс.). Соединение фрагментов: Yoshida 2001: 106 (здесь указана принадлежность той же рукописи, что и фрагмент L 99d). Идентификация китайского текста: Yoshida 1995: 1; Yoshida 2001: 106. Другие коллекции: Otani 7137 (Yoshida 1995: 2). Фрагменты SI 6683-2 и SI 6635 публикуются впервые.

Согдийский корпус TITUS: Part No. 353 (L 99a+c, b, d).

Бумага всех фрагментов — плотная, желтого, серо-желтого и темно-желтого цвета. См. ил. 13–14.

Ил. 13. Соединение фрагментов SI 6683-2, 6635, 4774. Согдийский текст

Ил. 14. Соединение фрагментов SI 6683-2, 6635, 4774. Китайский текст

Транслитерация и перевод:

[край листа]

1	a ¹] t(β)[	1	a ¹] ... [
2	a ²]w tγw [	2	a ²] ты [
3	b ¹](1) mṛγ 'yṣ a ³] m'δ ZY (kw)[	3	b ¹] смерть? <являешься> a ³] и так [
4	c ¹] (rty) b ²] (MN) βz-'nkm'ny (ZY)[	4	c ¹] и ... b ²] (от) плохих мыслей (и)[
5	c ²] 'yṣ m'δ ZY kw[	5	c ²] <являешься> и так ...[
6	c ³](2–3)mt (r)ty [	6	c ³] ...и [
7	c ⁴](2)(w)t δ(n)[	7	c ⁴] ...[

Примечание:

3. Первое слово mṛγ («смерть») выписано четко (может быть, это вторая часть сложного прилагательного, выступающего в качестве эпитета? См., например, эпитет бодхисаттвы «уничтожающий старость, смерть и пороки» (санскр. *jaramaraṇakleśasūdanā*), встречающийся во второй главе «Лалитавистара-сутры» (Лалитавистара 2017: 159), и некоторые другие.

Отрывок из буддийского сочинения.

4.4. Фрагменты SI 4719 (L 91) + SI 4771 (L 97b) + SI 4770 (L 97c) [a+b+c]

Шифр	Инв. №	Старый шифр	Старый инв. №	Рагоза 1980	Размер (ширина × высота), см	Почерк, см	Расстояние между строк, см	Кит. текст: LS, цз. 7
SI 4719	4775	O/89	4212	L 91	24,4×15,0 («усадка»), правый и левый край	0,5	1,2	58b24–58c6
SI 4771	4827	O/110b	4233	L 97b	13,6×6,0 правый край	0,5	1,2	58c6–8
SI 4770	4826	O/110c	4233	L 97c	13,4×7,9 левый край	0,5	1,2	58c5–8

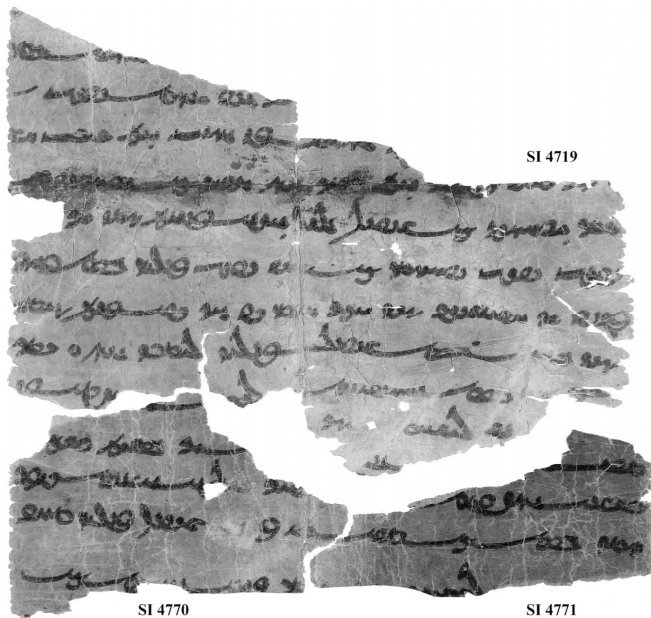
Фрагменты SI 4770 и SI 4771: Туяк-мазар, ноябрь 1909 г. Данных о месте обнаружения фрагмента SI 4719 — нет, но можно вполне обоснованно предположить, что он, также как соединяемые с ним фрагменты, принадлежит экспедиционным находкам в Туяк-мазаре в ноябре 1909 г.

Документация: 1) L 91: Рагоза 1980: 62, № 91; 165, табл. LI (факс.); 2) L 97b, c: Рагоза 1970: 144, № 4(b, c); Рагоза 1980: 67–68, № 97(b, c); 88(b) (примеч.); 168, табл. LIV(b) (факс.); 169, табл. LV(c) (факс.). Соединение фрагментов: Sims-Williams 1981: 232–233 (L 91 + L 97b + L 97c; трансл., пер.); Yoshida 1995: 1 (L 91 + L 97b + L 97c), 7 (трансл., пер.); Yoshida 2001: 106 (L 91 + L 97b + L 97c). Идентификация китайского текста: Yoshida 1995: 1; Yoshida 2001: 106. Согдийский текст на стороне *Recto*: Yoshida 1995: 3 (L 91, трансл.).

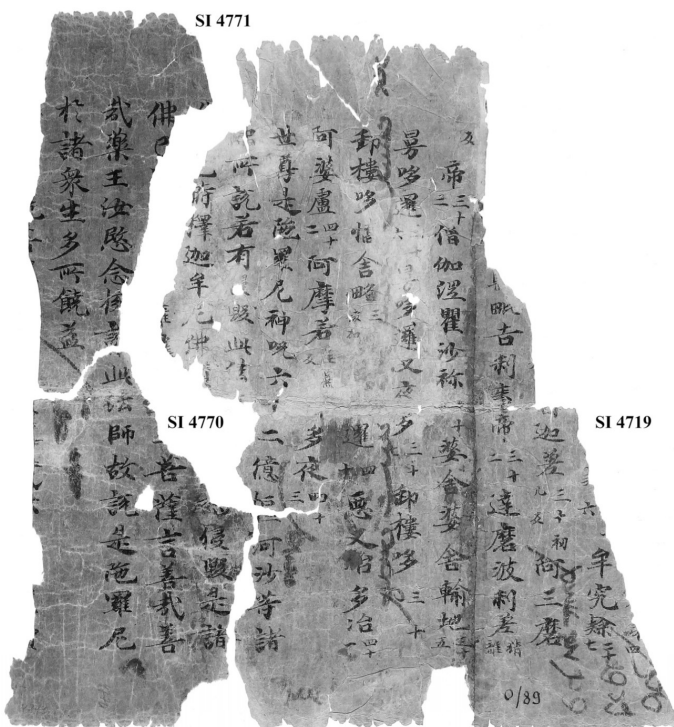
Согдийский корпус TITUS: Part No. 345 (L 91 R1–7), 346 (L 91 R8–13 + L 97b + L 97c; L 91 V1–5).

У фрагмента SI 4719 следы склейки листов свитка на стк. 4 согдийского текста или после стк. 4 — китайского, диакритика при *zayin* <z>. У фрагментов SI 4719 и SI 4770 (как и у фрагмента SI 6625, см. § 4.5) — след от сгиба пополам.

Бумага всех фрагментов — плотная, темно-желтого цвета с некоторыми оттенками. См. ил. 15–16.

Ил. 15. Соединение фрагментов SI 4719, 4771, 4770. Согдийский текст

Ил. 16. Соединение фрагментов SI 4719, 4771, 4770. Китайский текст

Транслитерация и перевод:

- 1 ^{a1]}(2)(st) rty
 2 ^{a2]}(2) 'yw nyst ywkh h
 3 ^{a3]}(1)(štyk) pr 'šyh z'm r'βh xcy
 4 ^{a4]} (2) (tyw) (4–5) z'm (3?) ('y)š xwny MN ('wst)(3)
 5 ^{a5]} rty zwxšky MN cywyδ 'δrδ znk'n pyrnm-str ZY [3–4
 6 ^{a6]} ywkh ywkh ywxsty MN (')xw ywkh pyδ'r βwt wysp
 7 ^{a7]} pryw ZY γw'ncykw šyr n'my x(w)ty kw z'y kwn prm š'tw(x)
 8 ^{a8]} šyr-β(r'n) βwt cywyδ pyδ'r δ'tβr 'yš o rty
 9 ^{a9]} 5–7] (β)wt 'xšywnyt (2–3) δβ(t)[y ^{c1]} (k) [zwx](š)kt' pr
 10 ^{b1]} tw' ^{a10]}(y)w δ'r'nt (2–3) šy [2–4? ^{c2]} ZY 'wr'm wrm(yh)
 11 ^{b2]} wrcy' 'skwnt ^{a11]} ('y) ^{c3]} (t'y) (r')δ(p'n 'nc'yt knpy
 12 ^{b3]} str βwt MN tw' ^{c4]} wz-p(2) cywyδ pyδ'r tyw
 13 ^{b4]} [?] (δrtyk) [?] ^{c5]} (r)ty pry'(3–5)t MN

- 1 ^{a1]} ...и
 2 ^{a2]} ...одного нет учения
 3 ^{a3]} ... в памяти ничтожное? страдание есть
 4 ^{a4]} (ты) ... слабый ... <являешься> вину от...
 5 ^{a5]} и ученик от этого + три вещи прежде всего и...
 6 ^{a6]} именно это учение изучит, от учения станет для всех?
 7 ^{a7]} любимым и нужным, известным на этой земле он себя сделал, счастливым,
 8 ^{a8]} довольным станет. Поэтому ты <являешься> справедлив. И
 9 ^{a9]} ...станет. Цари? ... . Во-втор- ^{c1]}-ых, ученики для
 10 ^{b1]} тебя ^{a10]} имеют ... ^{c2]} и спокойны спокойствием
 11 ^{b2]} успокоенными станут ^{a11]}... ^{c3]} + воров и разбойников останется, меньше
 12 ^{b3]} станет твоего ^{c4]} + страха и от этого ты?
 13 ^{b4]} ... в-третьих? ... ^{c5]} и любовь...от...

Схема соединения фрагментов, чтение и перевод отрывков (excerpts) Н. Симс-Вильямса (Sims-Williams 1981: 232–233) (для удобства слева приводится наша нумерация строк):

- 5 [^{a5]} (L 91.5) zwxšky...
 7–8 [^{a7}–^{a8]} (L 91.7–8) š'tw(x) šyr-β(r'n) βwt cywyδ pyδ'r δ'tβr 'yš o ...
 9 [^{a9}–^{c1]} (L 91.9 + L 97c.0) δβ(t)[y](k) [zwx](š)kt' ...
 10 [^{c2]} (L 97c.1) 'wr'm wrm[yh]
 11 [^{b2}, ^{c3]} (L 97b.2) wrcy' 'skwnt ... (L97c.2) 'nc'yt knpy-
 12 [^{b3}–^{c4]} (L 97b.3+L97c.3)-str βwt MN tw' wz-p[yh] cywyδ pyδ'r tyw...

“...the disciple...becomes happy and contented. For this reason you are a judge. ...Secondly, the disciples... are calm and peaceful in quietness [...] ...ceases and becomes less from awe of you. For this reason you...”.

В неопубликованном отчете Ю. Ёсиды о работе с фрагментами из фондов ИВР РАН также имеются чтение и перевод фрагментов L 91 + L 97b + L 97c (Yoshida 1995: 7):

- 1 [ ] (...s.t) rty
 2 [ ] (..) 'yw nyst ywkh
 3 [ ] (.....) pr 'šyh z'm r'βh xcy
 4 [ ] (.. w'nw ....) z'm (...y 'yš xwny MN ('wstyp..)
 5 rty zwxšky MN cywyδ 'δry-znk'n pyrnm-str ZY [ ]
 6 ywkh ywkh ywxsty MN [']yw ywkh pyδ'r βwt wysp
 7 pryw ZY γw'ncykw šyr-n'my x[w]ty kw ''y-kwn prm š'tw(x)
 8 šyrβr'n βwt cywyδ pyδ'r δ'tβr 'yš o rty
 9 (...) [ ] βwt ('xšywnyt) δβ(t)[y](k) [zwx](š)kt' pr
 10 tw' [ ] (..) δ'r'nt [ ] šy [ ] (.) ZY 'wr'm wrmyh
 11 wrcy' 'skwnt r(t) [y] (t)'y r'δp'n 'nc'yt knpy-
 12 str βwt MN tw'wz-p(yh) cywyδ pyδ'r tyw
 13 [δ'tβr 'yš (?) o't] (δrtykw) [r] (t)y pry' '(zwn)t MN

“...there is no single teaching... he is slightly ill in his memory... you are slightly... . That (is) from ??? . A disciple learns from the three kinds the first and... lesson. By means of one (or the first) lesson he is dear and necessary to all (people) and famous. He himself is joyful and happy for ever. Therefore, you are a judge. [The second lesson (or reward?)] is that the kings hold the second [ranks?] on your [so that?] they are [ ] calm and peaceful, and that a thief or robber disappears and diminishes because of your terror. Therefore, you are [a judge?]. The third is that, O dear Son!, from...”.

Примечания:

5. Эмендация ⁺δry, см. то же выражение в берлинском турфанском фрагменте So 18310. Имеются в виду три «места восприятия» — ум, язык и тело (Reck 2016: 276).

6. ywkh ywkh — редупликация имени существительного передает интенсивность или дистрибутивность (Gershevitch 1954: § 1633–1634); в последнем случае перевод — «разные учения». Форма глагола ywxsty переведена будущим временем (см. также глаголы в стк. 8, 9, 11), так как формы Pres. Ind. в согдийском употребляются также для выражения будущего действия (Исхаков 1977: 19).

7. Четвертое слово в конце строки мы читаем как z'у, потому что первая графема выписана с диакритикой.

9. [zwx](š)kt' — эмендация Н. Симс-Вильямса (Sims-Williams 1981: 233).

11. (t'y) — эмендация Ю. Ёсиды (см. выше, Yoshida 1995: 7).

12. Стерты две буквы после wz-p.

13. Строка практически не сохранилась.

Отрывок из буддийского сочинения.

Маргиналии (ил. 16): на китайской стороне фрагмента SI 4719 (L 91) между столбцами китайского текста и поверх него имеются пять строк текста, выполненные двумя разными почерками, отличными от почерка на лицевой стороне:

[край листа]

1 (t)um	1 еще?
2 ku pr	2 которое для
3 pykšwy ''γ'/yt	3 монаха...
4 ('wy) βγn'k [стерто] ...yk'n (y')γtum	4 в храме? ...мы...?
5 nyst	5 нет

Строка 4 (между 6-м и 7-м столбцом китайского текста) написана «вверх ногами» относительно текста других строк, т.е. текст хранился в виде свитка, свернутым в рулон, а надписи были сделаны при повороте рулона на 180°.

Под 8-м столбцом китайского текста этого же фрагмента видна также краткая надпись в одно слово, выполненная горизонтально относительно нижнего края листа (чтение Ю. Ёсиды): 'упу «этот» (Dem.Pron.).

Чтения Ю. Ёсиды (“four places”: a, b, c, d) (Yoshida 1995: 3) и Н. Симс-Вильямса (пять строк) (TITUS: Part No. 346)³:

a	1	ty(m)		1 t(ym) [ ]
	2	ky pr		2 ky pr [ ]
	3	pyr xw 'nβ'nt(?)		3 pykšw ''γ't [ ]
b		'wy βγ'nyk [ ]	yyn' kr'nt'm	4 ('wy) (βγ)n'k (.... ....)yk'n (wγ)tym
c		'упу		
d		nyst		5 nyst

4.5. Фрагмент SI 6625

Шифр	Инв. №	Старый шифр SI...	Старый инв. №	Рагоза 1980	Размер (ширина × высота), см	Почерк, см	Расстояние между строк, см	Кит. текст: LS, цз. 7
SI 6625	6679	—	—	—	25,4×13,9 правый и левый край	0,6	1,5–1,7	59b24–c2

Туюк-мазар, ноябрь 1909 г.

Публикуется впервые.

По краю фрагмента, на практически утраченной стк. 7 согдийского текста или после стк. 7 — китайского, видны следы склейки листов свитка. Утраченная строка, написанная поверх склейки, свидетельствует, что «расклейка» по краю и отделение следующего листа произошли позднее написания текста. Посередине листа — след сгиба от сложения свитка пополам, как и у предшествующей группы фрагментов (§ 4.4). Знак *zayin* <z> — без диакритики. Почерк — очень небрежный буддийский курсив.

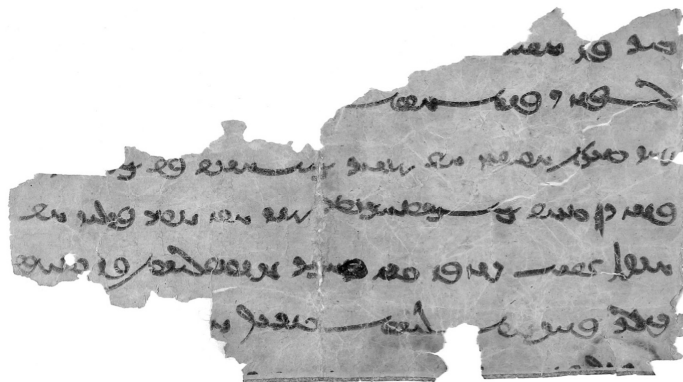
Бумага плотная, желтого цвета. См. ил. 17–18.

Транслитерация и перевод:

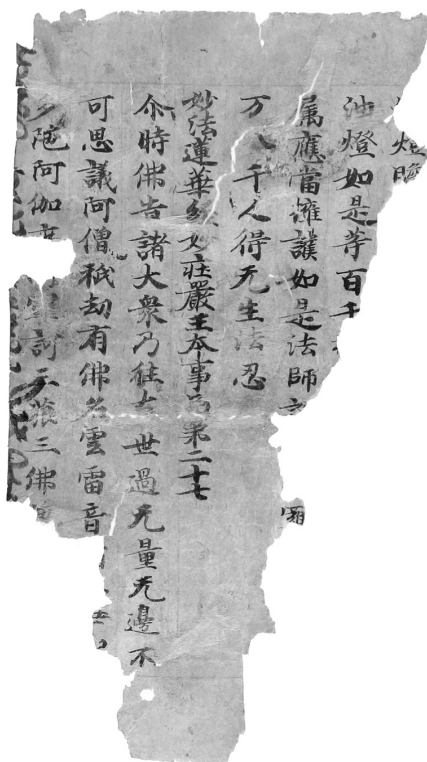
- 1 β'y pr xw(1)[
- 2 L' prZ-Y pnt γwt[
- 3 šyr tym xwnwx xw šyr'y mn' γryw pw m[3–5
- 4 p'rZ-Y tγw MN mrtxmyty šyr xwz ('ywny) pyδ'r xw
- 5 хурδ CWRH krz pr wrz (β')my 'krtw δ'rt pr wyspw
- 6 knδy pr'k'nt('k) δ'rt w'βyδ x[
- 7](2) (δ) [

³ Китайская сторона фрагмента SI 4719 не публиковалась ранее. Как любезно сообщил нам профессор Н. Симс-Вильямс, его транслитерация была выполнена с нескольких фотокопий избранных Санкт-Петербургских фрагментов, полученных им из не названного в сообщении источника много лет назад (электронное письмо Н. Симс-Вильямса В.П. Зайцеву от 27.09.2020).

- 1 пусть станет... [
- 2 ⁺но близкие? [
- 3 много еще он того блага моей душе? ... [
- 4 но для тебя за ... изыскание блага? людям
- 5 он сам чудесным образом сияние сотворил, на всю
- 6 область распространил. Так [
- 7] .... [

Ил. 17. SI 6625. Согдийский текст

Ил. 18. SI 6625. Китайский текст

Примечания:

3. хwпwх как указательное местоимение перед артиклем хw (Nom. Sg. Masc.), определяющим существительное šyг'у (ср. иной порядок местоимения и артикля — хи хuпaх γтw “the that body”: Yoshida 2009: 293, 314). Понимать первую лексему как личное местоимение — субъект, предшествующий объекту, — не позволяет падежная форма имени šyг'у: в аккумулятиве она была бы šyгw (Dictionary 2012: 187).

В данном случае как «душа» переведено многозначное имя γтуw, выписанное в стк. 5 идеограммой CWRH, см. значения: “self, person, soul, body”, occasionally “(one)self” as a reflexive pronoun (Dictionary 2012: 88).

4. После p'гZ-Y зачеркнута буква. Личным местоимением тyw (именительный Sg.) вместо tw' (косвенный Sg.) в данном случае, очевидно, ошибочно, переведен китайский иероглиф, см. подобный случай в так называемом «Дхьяна тексте»: MacKenzie 1976: 365 (N). К значению šyг(-)xwz — букв. «прошение блага» — как сложному имени ср. согд.-христ. θβ'γwž “asking for gifts” (Gershevitch 1954: § 57, note 1).

5. хw как артикль Nom. Sg. Fem. при CWRH (γтуw) имени существительном женского рода.

6. knδ- здесь переводится как буддийский термин *deśa* «область, страна» (MacKenzie 1976: 211).

Отрывок из буддийского сочинения.

Маргиналии (ил. 18): на китайской стороне фрагмента SI 6625 после последнего 7-го столбца китайского текста и поверх него, на краю фрагмента в месте склейки листов свитка видны остатки строки согдийского текста (ее верхняя часть):](r)'pгyδ uγ(2)[2?]βyгt pwxtn [.

4.6. Идентификация согдийского текста девяти фрагментов

Как говорилось выше (§ 4), восемь из девяти фрагментов на обороте листов седьмого цзюаня написаны одним почерком и, безусловно, принадлежат одной рукописи. Скорее всего, к этой же рукописи относится и выполненный другим переписчиком девятый фрагмент, SI 6625 (§ 4.5), в пользу чего свидетельствует след сгиба, обнаруживаемый и на других фрагментах (SI 4719 и SI 4770, см. § 4.4). По-видимому, след сгиба, наличие согдийского текста поверх места склейки листов (у SI 6625), а также положение маргинальных согдийских надписей, обнаруживаемых на китайской стороне фрагментов (у SI 6683–1, SI 6625 и особенно SI 4719), означают, что сначала рукопись хранилась свитком, а затем она могла быть выпрямлена, разрезана на листы(?) и сложена вдоль пополам. Содержание всех фрагментов позволяет предположить, что они являются частями некой буддийской сутры, переведенной, как и большинство согдийских текстов, с китайского языка⁴. Сутра — это текст, представляющий собой обращенную к общине речь Будды или его последователя бодхисаттвы с целью утверждения и распространения буддизма. В сутре рассказывается о жизни и деяниях его основателя, и ее текст строится в виде монолога или диалога,

⁴ Если текст является буддийским, то он, вероятнее всего, написан на обороте китайского свитка (см. ситуацию с 7-й стк. согдийского текста у фрагмента SI 6625, написанной поверх склейки), а не наоборот, т.е. имеет место исключение из наблюдения Ю. Ёсиды, что в случае присутствия согдийского буддийского и китайского текстов на разных сторонах рукописи последний “almost always” написан на обороте первого (Yoshida 1998: 172, note 12; см. также § 3.3).

беседы, повествования, в котором передается прямая речь собеседников, и ее характерной чертой является сочетание прозы и гатх — стихотворных строк.

Текстуальных совпадений с известными буддийскими сутрами обнаружить не удалось, но сюжетные мотивы и типология перекликаются с некоторыми сочинениями. В публикуемых фрагментах рассказ ведется от первого лица, имеются обращения к собеседнику, а в последнем отрывке, кроме того, слушателю напоминают о том, кто совершил чудесное превращение.

В первом фрагменте, SI 6683–1 (§ 4.1), упоминается хвалебная гатха. Такие гатхи имеются во многих буддийских сутрах: например, гатхой восхваляет Будду бодхисаттва Дхармакара, жаждущий обретения мудрости Будды, в «Большой Сукхавативьюха-сутре» (Избранные сутры 1999: 91–220), — можно допустить, что и во фрагменте SI 6683-1 передана речь бодхисаттвы. Возможно, следующий за этим фрагментом через одну строку фрагмент SI 4775 (§ 4.2) с тремя сохранившимися словами как раз относится к такой гатхе. Размеры гатхи колеблются от нескольких строк до нескольких страниц, и, можно полагать, что следующие 17 строк до группы из трех соединенных фрагментов SI 6683-2, SI 6635 и SI 4774 (§ 4.3) как раз занимала «хвалебная гатха». Группа из трех соединенных фрагментов занимает почти половину ширины свитка, так что, по-видимому, она уже содержит прозаический текст, поскольку гатхи пишутся столбцами (см., например, текст «Вималакиртинирдеша-сутры»: MacKenzie 1976: Plates 16–36). Три следующих соединенных фрагмента SI 4719, SI 4771 и SI 4770 (§ 4.4), отстающие от предыдущего на 12 строк, очевидно, обращены к адресату проповеди и представляют собой своего рода монолог, содержащий описание неких этических установок и преимуществ, связанных с принятием буддийского учения. Подобные описания имеются в некоторых сутрах: например, в «Большой Сукхавативьюха-сутре» рассказывается о чудесной стране (Сукхавати — «земле Блаженства»), где процветают добродетель и человеколюбие, нет разбойников и бандитов, злобы и лжи и т.д. (Избранные сутры 1999: 189). В последнем фрагменте, SI 6625 (§ 4.5), отстоящем от предыдущих на 58 строк, возможно, также передана речь лица, которое является субъектом действия первого фрагмента. В этом отрывке рассказчик, обращаясь к собеседнику, вспоминает о чудесах, характеризующих в буддийских текстах исключительно Будду и бодхисаттв: это заполнение телом будды всего мироздания, испускание золотых лучей, явление зримого отовсюду собственного образа, сотрясение миров и т.д. Подобные чудеса описываются во многих сочинениях, и прежде всего в вайпулья-сутрах (Александрова, Русанов 2014). В уже названной «Сукхавативьюха-сутре» чудо совершает Будда Амитабха, который превратил свое тело в золотую гору, возвышающуюся над всем миром, и исторг из своей ладони безграничное сияние, озарившее мир всех будд (Избранные сутры 1999: 192–193)⁵. Таким образом, можно предположить, что сюжеты данных фрагментов могут иметь отношение к «Большой Сукхавативьюха-сутре», известной согдийцам (Yoshida 2010).

Еще одна черта, отличающая буддийские сутры как тексты для устной проповеди, — особый поэтический язык, и примеры тому — синонимы, повторы, аллитерации — имеются в публикуемых фрагментах. Так, этим может объясняться нечастое

⁵ Указанный выше (см. примечание к строке 4 фрагмента SI 6625) отрывок из «Дхьяна текста» не может быть отождествлен с фрагментом SI 6625, несмотря на сходный синтаксис (что объясняется переводным характером сочинений). Лексика пассажей различается, и для понятия «сияние» в «Дхьяна тексте» употребляются имена *gʷšnyʹk* и *ʹrδʹurʹ*.

употребление в качестве послелого имени *ḍst-* в выражении *ḍstβ'ry ḍsty'* (SI 6683-1), использование однокоренных слов в сочетаниях *γwβtyh γwβ't* (SI 6683-1) и *'wr'm wtmuh* (SI 4770) и синонимов в обороте *krz pr wrz* (SI 6625). Для данных фрагментов характерно также употребление некоторых имен, являющихся буддийскими терминами: *šl'wk-* для *gāthā* (SI 6683-1) и *knḍ-* для *deśa* (SI 6625).

Таким образом, согдийские тексты девяти фрагментов, четыре из которых до сих пор не были опубликованы, выполненные на свитке с отрывками из седьмого цзюаня, безусловно, являются переводами некой китайской буддийской сутры. На сегодняшний день определить эту сутру не удалось, так что поиски согдийского оригинала и уточнения чтений фрагментов еще предстоят. Однако идентификация китайской стороны свитка позволяет рассматривать все фрагменты в совокупности и видеть их расположение относительно друг друга.

5. Заключение

Изучение китайских текстов на оборотах согдийских рукописных фрагментов из коллекции С.Ф. Ольденбурга позволило установить их принадлежность к популярной в буддийской среде «Лотосовой сутре» и дало возможность определить порядок следования согдийских фрагментов. Вновь найденные согдийские документы, публикуемые в настоящей статье вместе с некоторыми изданными ранее (§ 4), относятся к списку, содержащему на обороте китайский текст седьмого цзюаня «Лотосовой сутры», и являются фрагментами одного переводного буддийского сочинения. Другие фрагменты, опубликованные ранее и переиздаваемые в настоящей статье как единая группа документов (§ 3), относятся к списку, содержащему на обороте китайский текст четвертого цзюаня «Лотосовой сутры», и видимо, являются фрагментами трех разных согдийских сочинений, возможно манихейских.

Идентификация китайского текста на обороте согдийских фрагментов также ставит новые вопросы относительно происхождения других согдийских рукописей фонда и содержания коллекций Н.Н. Кроткова и С.Ф. Ольденбурга. Разрешение этих вопросов в будущем поможет уточнить историю Сериндийского фонда ИВР РАН.

Индекс упоминаемых, обсуждаемых и публикуемых в статье фрагментов⁶

Фрагмент	Адрес	Фрагмент	Адрес	Фрагмент	Адрес
L 91	см. SI 4719	SI 4767	§ 0, 3, 3.3; ил. (L 95) 1, 6–7; сн. 7	SI 4775	§ 0, 4, 4.2, 4.6; ил. 8, 11–12; (L 99d)
L 92	см. SI 3136		(§ 1)		сн. 7 (§ 1)
L 95	см. SI 4767	SI 4769–1	§ 0, 3, 3.3; ил. (L 97a) 1, 6–7; сн. 7	SI 4787	§ 3; ил. 1; сн. 7 (L 110)
L 97a	см. SI 4769–1		(§ 1)		(§ 1), 13 (§ 3)

⁶ Индекс охватывает материал первой (Введение, § 1–3, ил. 1–7; см.: Зайцев, Чунакова 2021) и второй (§ 4–5, ил. 8–18) части статьи. Ссылка на Введение дается как на § 0. Курсивным написанием в поле адреса показаны номера: (а) параграфов (§) с научным описанием фрагмента, (б) иллюстраций (ил.), воспроизводящих фрагмент факсимиле, или (в) сносок (сн.), содержащих значимую информацию о фрагменте.

L 97b	см. SI 4771	SI 4769–2 (L 98a)	§ 0, 3, 3.3; ил. 1, 6–7; сн. 7 (§ 1)	SI 4798 (L 119)	§ 0, 3, 3.1; ил. 1, 2–3; сн. 5 (§ 1), 7 (§ 1)
L 97c	см. SI 4770				
L 97d	см. SI 4769–4	SI 4769–3 (L 98b)	§ 0, 3, 3.3; ил. 1, 6–7; сн. 7 (§ 1)	SI 5396	§ 2; сн. 10 (§ 2), 11 (§ 2)
L 97e	см. SI 4772				
L 98a	см. SI 4769–2	SI 4769–4 (L97d)	§ 0, 3, 3.3; ил. 1, 6–7; сн. 7 (§ 1)	SI 6625	§ 0, 4, 4.4, 4.5, 4.6; ил. 8, 17– 18; сн. 6 (§ 1), 4–5 (§ 4.6)
L 98b	см. SI 4769–3				
L 99a	см. SI 4773–1	SI 4770 (L 97c)	§ 0, 4, 4.4, 4.6; ил. 8, 15–16; сн. 7 (§ 1)	SI 6630	§ 0, 2; сн. 6 (§ 1), 9 (§ 2), 11 (§ 2)
L 99b	см. SI 4774				
L 99c	см. SI 4773–2	SI 4771 (L 97b)	§ 0, 4, 4.4, 4.6; ил. 8, 15–16; сн. 7 (§ 1)	SI 6635	§ 0, 4, 4.3, 4.6; ил. 8, 13–14; сн. 6 (§ 1)
L 99d	см. SI 4775				
L 110	см. SI 4787	SI 4772 (L97e)	§ 2; сн. 5 (§ 1), 7 (§ 1), 8 (§ 2)	SI 6683–1	§ 0, 4, 4.1, 4.6; ил. 8, 9–10; сн. 6 (§ 1)
L 119	см. SI 4798				
		SI 4773–1 (L 99a)	§ 0, 3, 3.2; ил. 1, 4–5; сн. 7 (§ 1)	SI 6683–2	§ 0, 4, 4.3, 4.6; ил. 8, 13–14; сн. 6 (§ 1)
SI 3136 (L 92)	сн. 11 (§ 2)	SI 4773–2 (L 99c)	§ 0, 3, 3.2; ил. 1, 4–5; сн. 7 (§ 1)	SI 6684	§ 0
SI 4719 (L 91)	§ 0, 4, 4.4, 4.6; ил. 8, 15–16; сн. 7 (§ 1), 3 (§ 4.4)	SI 4774 (L 99b)	§ 0, 4, 4.3, 4.6; ил. 8, 13–14; сн. 7 (§ 1)	SI 6685	§ 0

Сокращения

цз. — цзюань (кит. 卷 «свиток; книга, тетрадь; том; глава»)

LS — Логосовая сутра. 7 цз. Китайский перевод Кумарадживы. Текст по изданию: Taishō Tripitaka. Vol. 9. 1925: 1–62, № 262

M 129 — Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, M 129

P 8 — Bibliothèque nationale de France, Pelliot sogdien 8. См.: Benveniste 1940: 105–115, no. 8

TITUS — TITUS (= Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien) Sogdian Corpus (NSW), arranged by texts / Data entry by N. Sims-Williams; adaptations by J. Gippert and Y. Yoshida. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/miran/sogd/sogdnswc/sogdn.htm>

Литература

Александрова, Русанов 2014 — Александрова Н.В., Русанов М.А. К поэтике махаянской сутры (вступительные главы вайпулья-сутр) // Зографский сборник. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 77–112.

Зайцев, Чунакова 2021 — Зайцев В.П., Чунакова О.М. Согдийские рукописные фрагменты из коллекции С.Ф. Ольденбурга (Сериндийский фонд ИВР РАН). Часть 1 // Письменные памятники Востока. 2021. Т. 18. № 4 (вып. 47). С. 76–90. DOI: 10.17816/WMO64037.

- Избранные сутры 1999 — Избранные сутры китайского буддизма / Пер. с китайского Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. СПб.: Наука, 1999 (Слово о сущем).
- Исхаков 1977 — *Исхаков М.М.* Глагол в согдийском языке (документы с горы Муг). Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1977.
- Лалитавистара 2017 — *Александрова Н.В., Русанов М.А., Комиссаров Д.А.* Лалитавистара: Сутра о жизни Будды: Рождение. М.: РГГУ, 2017 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. LXVIII: Восток и античность в классических текстах).
- Рагоза 1970 — *Рагоза А.Н.* Согдийские фрагменты из коллекции С.Ф. Ольденбурга // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. С. 142–154.
- Рагоза 1980 — Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения: Факсимиле / Издание текстов, чтение, перевод, предисловие, примечания и глоссарий А.Н. Рагоза. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.
- Чунакова 2021 — *Чунакова О.М.* Новые согдийские рукописи из коллекции С.Ф. Ольденбурга // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: Материалы конгресса. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2021. С. 155–157.
- ЭСИЯ 2003 — *Рассторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Том 2: b–d. М.: Вост. лит., 2003.
- Якубович 2013 — *Якубович И.С.* Новое в согдийской этимологии. М.: Языки славянской культуры, 2013 (Studia Philologica).
- Benveniste 1940 — *Benveniste É.* Textes sogdiens. Édités, traduits et commentés. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1940 (Mission Pelliot en Asie centrale. Série in-quarto. III).
- Dictionary 2012 — *Sims-Williams N., Durkin-Meisterernst D.* Dictionary of Manichaean Texts. Vol. III: Texts from Central Asia and China. Part 2: Dictionary of Manichaean Sogdian and Bactrian. Turnhout: Brepols, 2012 (Corpus Fontium Manichaeorum: Subsidia).
- Gershevitch 1954 — *Gershevitch I.* A Grammar of Manichaean Sogdian. Oxford: Basil Blackwell, 1954 (Publications of the Philological Society. XVI).
- Henning 1946 — *Henning W.B.* The Sogdian Texts of Paris // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1946. Vol. XI. Pt 4. P. 713–740.
- MacKenzie 1976 — The Buddhist Sogdian Texts of the British Library / Ed. by D.N. MacKenzie. Téhéran; Liège: Bibliothèque Pahlavi (édition); Leiden: E.J. Brill (diffusion), 1976 (Acta Iranica. Vol. 10. Troisième série: Textes et mémoires. Vol. III).
- Reck 2016 — Mitteliranische Handschriften. Teil 2: Berliner Turfanfragmente buddhistischen Inhalts in soghdischer Schrift / Beschrieben von Christiane Reck. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016 (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd. XVIII, 2).
- Sims-Williams 1981 — *Sims-Williams N.* The Sogdian Fragments of Leningrad // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1981. Vol. XLIV. Pt 2. P. 231–240.
- Taishō Tripitaka 1924–1934 — Taishō shinshū Daizōkyō 大正新脩大藏經 [Заново составленная Трипитака годов Тайсё] = The Tripitaka in Chinese. Revised, Collated, Added, Rearranged and Edited. 全 100 卷. Tōkyō 東京: Taishō Issaikyō kankōkai 大正一切經刊行會 = The Taisho Issaikyo Kanko Kwai (Society for the Publication of the Taisho Edition of the Tripitaka), 大正 13[1924]年—昭和 9 [1934]年.
- Yoshida 1995 — *Yoshida Yutaka.* Some New Information on the Ragoza Fragments. [Приложение к письму Ёсида Ютаки к М.И. Воробьевой-Десятковской от 23 октября 1995 г.]. 25 л. На англ. яз. Место хранения: Архив Отдела рукописей и документов ИВР РАН. Шифр: Арх. 121, инв. 330.
- Yoshida 1998 — *Yoshida Yutaka.* The Sogdian Dhūta Text and Its Chinese Original // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 10 (1996): Studies in Honor of Vladimir A. Livshits. Bloomfield Hills, Michigan: Bulletin of the Asia Institute, 1998. P. 167–173.

- Yoshida 2001 — *Yoshida Yutaka*. On the Sogdian Fragments of the St. Petersburg Collection // Issues in Eurasian Languages (I): On the Materials from the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences. Kyoto: Department of Linguistics, Faculty of Letters, Kyoto University, 2001 (Contribution to the Studies of Eurasian Languages Series = CSEL Series. 3). P. 105–117.
- Yoshida 2009 — *Yoshida Yutaka*. Sogdian // The Iranian Languages / Ed. by Gernot Windfuhr. London; New York: Routledge, 2009 (Routledge Language Family Series). P. 279–335.
- Yoshida 2010 — *Yoshida Yutaka*. On the Sogdian Version of the Muryōjukyō 無量壽經 or Larger Sukhāvativyūha // “The Way of Buddha” 2003: The 100th Anniversary of the Otani Mission and the 50th of the Research Society for Central Asian Culture / Ed. by Irisawa Takashi. Osaka: Toho Shuppan Inc., 2010 (Cultures of the Silk Road and Modern Science. Vol. 1). P. 85–93.

References

- Alexandrova, Natalia V. & Rusanov, Maxim A. “K poetike makhaianskoī sutry (vstupitel’nye glavy vaipul’ia-sutr)” [On the Poetics of Mahāyāna Sūtras (Introductory Chapters of Vaipūlya Sūtras)]. In: *Zografskii sbornik* [Zograph Collection], iss. 4. St. Petersburg: MAE RAS, 2014, pp. 77–112 (in Russian).
- Alexandrova, Natalia V. & Rusanov, Maxim A. & Komissarov, Dmitriy A. *Lalitavistara: Sutra o zhizni Buddy: Rozhdenie* [The *Lalitavistara*: The Sutra on Buddha’s Life: The Birth]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2017 (Orientalia et Classica: Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies. Iss. 68: Orient and Graeco-Roman Antiquity in Classical Texts) (in Russian).
- Benveniste, Émile. *Textes sogdiens. Édités, traduits et commentés*. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1940 (Mission Pelliot en Asie centrale. Série in-quarto. 3) (in French).
- Chunakova, Olga M. “Novye sogdiiskie rukopisi iz kollektsii S.F. Ol’denburga” [New Sogdian Manuscripts from the Collection of S.F. Oldenburg]. In: *XXXI International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa: Russia and the East. Commemorating Centennial of Political and Cultural Ties in Modern Times. 23–25 June, 2021: Proceedings*. Vol. 1. St. Petersburg: NP-Print Publishers, 2021, pp. 155–157 (in Russian).
- Gershevitch, Ilya. *A Grammar of Manichean Sogdian*. Oxford: Basil Blackwell, 1954 (Publications of the Philological Society. 16) (in English).
- Henning, Walter Bruno. “The Sogdian Texts of Paris”. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, 1946, vol. 11, no. 4, pp. 713–740 (in English).
- Iskhakov, Mirsodik M. [Is’hoqov, Mirsodiq]. *Glagol v sogdiiskom iazyke (dokumenty s gory Mug)* [The Verb in Sogdian (On the Basis of the Documents from Mount Mugh)]. Tashkent: Fan, 1977 (in Russian).
- Izbrannye sutry kitaiskogo buddizma* [Selected Sūtras of Chinese Buddhism]. Translated from Chinese by Dmitry V. Popovtsev, Kirill Yu. Solonin, Evgeny A. Torchinov. St. Petersburg: Nauka, 1999 (Slovo o sushchem) (in Russian).
- Mitteliranische Handschriften. Teil 2: Berliner Turfanfragmente buddhistischen Inhalts in soghdischer Schrift*. Beschrieben von Christiane Reck. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016 (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd. 18, 2) (in German).
- Ragoza, Asiya N. “Sogdiiskie fragmenty iz kollektsii S.F. Ol’denburga” [Sogdian Fragments from S.F. Oldenburg’s Collection]. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniia* [Written Monuments of the Orient. Historical and Philological Researches]. *Ezhegodnik 1968* [Annual Issue 1968]. Moscow: Nauka, 1970, pp. 142–154 (in Russian).
- Ragoza, Asiya N. *Sogdiiskie fragmenty tsentral’noaziatskogo sobraniia Instituta vostokovedeniia: Faksimile* [Sogdian Fragments of the Central Asian Collection of the Institute of Oriental Studies:

- A Facsimile]. Publication of texts, reading, translation, preface, commentaries and glossaries by Asiya N. Ragoza. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian).
- Rastorgueva, Vera S. & Edelman, Dzhoi I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov* [An Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Vol. 2: b–d. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publishers, 2003 (in Russian).
- Sims-Williams, Nicholas. “The Sogdian Fragments of Leningrad”. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, 1981, vol. 44, no. 2, pp. 231–240 (in English).
- Sims-Williams, Nicholas & Durkin-Meisterernst, Desmond. *Dictionary of Manichaean Texts. Vol. III: Texts from Central Asia and China. Part 2: Dictionary of Manichaean Sogdian and Bactrian*. Turnhout: Brepols, 2012 (Corpus Fontium Manichaeorum: Subsidia) (in English).
- Taishō shinshū Daizōkyō* 大正新脩大藏經 = *The Tripitaka in Chinese. Revised, Collated, Added, Rearranged and Edited*. 100 vols. Tokyo: The Taisho Issai-kyo Kanko Kwai, 1924–1934 (in Chinese).
- The Buddhist Sogdian Texts of the British Library*. Ed. by D.N. MacKenzie. Téhéran–Liège: Bibliothèque Pahlavi (édition); Leiden: E.J. Brill (diffusion), 1976 (Acta Iranica. Vol. 10. Troisième série: Textes et mémoires. Vol. 3) (in English).
- Yakubovich, Ilya S. *Novoe v sogdiiskoi etimologii* [New Ways in Sogdian Etymology]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013 (Studia Philologica) (in Russian).
- Yoshida Yutaka. “On the Sogdian Fragments of the St. Petersburg Collection”. In: *Issues in Eurasian Languages (I): On the Materials from the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences*. Kyoto: Department of Linguistics, Faculty of Letters, Kyoto University, 2001 (Contribution to the Studies of Eurasian Languages Series. 3), pp. 105–117 (in English).
- Yoshida Yutaka. “On the Sogdian Version of the Muryōjūkyō 無量壽經 or *Larger Sukhāvativyūha*”. In: “*The Way of Buddha*” 2003: *The 100th Anniversary of the Otani Mission and the 50th of the Research Society for Central Asian Culture*. Ed. by Irisawa Takashi. Osaka: Toho Shuppan Inc., 2010 (Cultures of the Silk Road and Modern Science. Vol. 1), pp. 85–93 (in English).
- Yoshida Yutaka. “Sogdian”. In: *The Iranian Languages*. Ed. by Gernot Windfuhr. London–New York: Routledge, 2009 (Routledge Language Family Series), pp. 279–335 (in English).
- Yoshida Yutaka. “The Sogdian Dhūta Text and Its Chinese Original”. In: *Bulletin of the Asia Institute. New Series*. Vol. 10 (1996): Studies in Honor of Vladimir A. Livshits. Bloomfield Hills, Michigan: Bulletin of the Asia Institute, 1998, pp. 167–173 (in English).
- Zaytsev, Viacheslav P. & Chunakova, Olga M. “Sogdian Manuscript Fragments from the Collection of S.F. Oldenburg (The Serindia Collection of the IOM, RAS). Part 1”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2021, vol. 18, no. 4 (iss. 47), pp. 76–90 (in Russian). DOI: 10.17816/WMO64037.

Sogdian Manuscript Fragments from the Collection of S.F. Oldenburg (The Serindia Collection of the IOM, RAS).

Part 2

Viacheslav P. ZAYTSEV

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Olga M. CHUNAKOVA

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 22.03.2021.

Abstract: This paper, published in two parts, presents the results of joint work on several Sogdian fragments recently discovered in the Serindia Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM, RAS), written on the scrolls with the Chinese texts on the back, as is the case with most similar texts. The study of the Chinese texts on the other side has made it possible to identify them as belonging to the commonly-occurring Buddhist text of the *Lotus Sutra* (the *Saddharmapuṇḍarīka-sūtra*), and to determine the order of all the fragments. This enabled us to collate the new Sogdian fragments with some previously published ones, to determine their order and thus to get a closer understanding of the Sogdian texts of these fragments. It is also possible to note some features of the use of Chinese scrolls by the Sogdian Manichaeans (cutting the scrolls into separate sheets, the possible gluing together of the sheets in a different order, etc.).

Key words: Sogdian manuscripts, Sogdian fragments, Buddhist works, the Serindia Collection of the Institute of Oriental Manuscripts.

For citation: Zaytsev, Viacheslav P., Chunakova, Olga M. “Sogdian Manuscript Fragments from the Collection of S.F. Oldenburg (The Serindia Collection of the IOM, RAS). Part 2”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48), pp. 52–70 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO64042.

About the authors: Viacheslav P. ZAYTSEV, Researcher of the Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (sldr76@gmail.com). ORCID: 0000-0002-6870-0877.

Olga M. CHUNAKOVA, Dr. Sci (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ochunakova@inbox.ru). ORCID: 0000-0001-6409-1149.

История тибетских событий 1705 года Часть 2

Борджигийн ОЮНБИЛИГ

Институт китайской классики Китайского народного университета (Жэньминь дасюэ)
Пекин, Китай

Перевод с китайского И.Р. ГАРРИ

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

DOI: 10.55512/WMO100090

Статья поступила в редакцию: 22.05.2021.

Аннотация: В статье на основе малоисследованных и редко привлекаемых архивных источников на маньчжурском и монгольском языках реконструируется одно из наиболее значимых событий для истории монголов и тибетцев — убийство Лхавсан-ханом хошутского двора в 1705 г. Сангье Гьяцо, регента Далай-ламы V, после жестокого противостояния между ними. Последовавшая за убийством регента череда таких событий, как смерть Далай-ламы VI, нахождение в Кукуноре «истинного» Далай-ламы VII, нападение в 1717 г. на Тибет джунгаров и, в конце концов, вхождение в Тибет в 1720 г. цинской армии, привела в итоге к установлению контроля Цин над Тибетом посредством монголов-хошутов. Автор делает вывод о том, что события 1705 г. стали важной исторической вехой, оказавшей долгосрочное влияние на процесс образования единого многонационального государства под эгидой Цин.

Ключевые слова: Тибет, империя Цин, тибето-монгольские взаимоотношения, Лхавсан-хан, регент Сангье Гьяцо.

Благодарность: Перевод статьи подготовлен И.Р. Гарри в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия — XVIII–XXI вв.; Китай — II–XXI вв.; Тибет — VII–XXI вв.; Монголия — XVI–XXI вв.)», № 121031000261-9).

Для цитирования: *Оюнбилиг Борджигийн. История тибетских событий 1705 года. Часть 2 / Перевод с китайского И.Р. Гарри // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 71–85. DOI: 10.55512/WMO100090.*

Об авторах: ОЮНБИЛИГ Борджигийн, PhD, профессор, директор Института китайской классики Китайского народного университета (Жэньминь дасюэ) (Пекин, Китай) (bilig63@126.com).

ГАРРИ Ирина Регбиевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН (Улан-Удэ, Россия) (irina.garri@gmail.com).

3. Престолонаследие Лхавсана и политические планы регента

Ранее считалось, что конфликт между регентом и Лхавсаном был долгим. Некоторые исследователи предполагали, что Лхавсан, унаследовав трон в 1697 г., все время подозревал регента Сангье Гьяцо в том, что именно тот был главным организатором отравления его отца Далай-хана. Он также подозревал регента в худших намерениях в отношении него самого, поэтому вражда между Лхавсаном и регентом день за днем становилась острее. Объявление о кончине Далай-ламы V, поиски и интронизация Далай-ламы VI вызвали еще больший гнев Лхавсан-хана (Ван Яо 1980: 197–198; Ма Чжаньлин 1985). На самом деле Далай-хан умер 13-го числа 12-го месяца года железного дракона (Сангье Гьяцо 1985)¹, т.е. 21 января 1701 г., а сокрытие смерти Далай-ламы V и обнаружение Далай-ламы VI (1682–1697) случились еще при Далай-хане. По мнению других авторов, после смерти Далай-хана в 1701 г. престол наследовал его сын Вангьял (1701–1703), но вскоре он был отравлен своим младшим братом Лхавсаном. В 1703 г., скорее всего, в связи с таким непредвиденным обстоятельством Сангье Гьяцо решил сложить с себя полномочия, регентом формально стал его старший сын Нгаванг Ринчен. Но это была всего лишь уловка, на самом деле Сангье Гьяцо по-прежнему держал в своих руках всю политическую власть. Лхавсан не стал довольствоваться бесправным положением предводителя хошутов и сразу же приступил к активным действиям, чтобы изменить ситуацию в Тибете (Петех 1950: 10). Многие исследователи истории взаимоотношений между хошутами и Тибетом ссылаются на эту точку зрения, согласно которой Лхавсан-хан в 1703 г. отравил своего брата Вангьяла и стал ханом, Сангье Гьяцо из-за этого отошел от дел. Об отравлении Вангьяла, скорее всего, известно из «Пагсам-джонсан» Сумба-хамбо Еше Палджора. В тексте сказано, что после смерти Далай-хана его сын Данзан Вангьял (Данзан или Данзин — «держатель Учения», тибетский титул для хошутских ханов) унаследовал престол; после Данзан Вангьяла престол наследовал младший сын Далай-хана — Лхавсан, но «из-за того, что Данзан Вангьял был отравлен, были прокляты высшие наставники *гелукпы* и монгольские ханы-покровители, Лхавсана изгнали в Нагчу», и Лхавсан-хан убил регента Сангье Гьяцо (Еше Палджор 1984: 280–281). Исходя из вышеизложенного, отравителем Вангьяла был не Лхавсан, а регент. Версия «Лхавсан отравил своего брата» проистекает из-за ошибочной интерпретации этого исторического источника.

Что касается смерти Вангьяла и наследования престола Лхавсан-ханом, то об этом ясные представления дают архивные источники. Лама Шангнан Дордже, резидент цинского двора в Синине, докладывал, что в 14-й день 6-го месяца 42-го года правления Канси (1703) получил через гонца от Даши Баатура, князя Кукунора, донесение о сообщении, переданном Далай-ламой VI через посла всем *тайджи* Кукунора, где говорилось: «Регент не в ладах со многими людьми, к тому же он стар, поэтому [я] сместил его с поста регента и велел назначить регентом его сына. [Я] хотел, чтобы трон Далай-хана унаследовал его старший сын Данзин Вангьял, однако по болезни

¹ Описание процесса «обнаружения» Цаньянга Гьяцо в биографии Далай-ламы VI «Золотой колос» (Jinsui), составленной регентом Сангье Гьяцо, требует дальнейших подтверждений. Однако имеющиеся в ней сведения относительно смерти Далай-хана совершенно точные. Они подтверждаются письмом Лхавсана в начале 1701 г. императору Канси (Мэнгутан дан, цз. 16, л. 227) и письмом *дзасака* Хами Дархан-бека в Лифаньюань (Мэнгутан дан, цз. 16, л. 338).

он не может заниматься делами управления, поэтому повелел наследовать престол его младшему брату Лхавсану»². В другом мемориале Шангнан Дордже написал, что посланец Эрдэни Номун-хана докладывал Дархан-эмчи следующее: «Мы выехали из Тибета 27-го числа 1-го месяца этого года, в 3-м месяце добрались до Кукунора. Когда мы там были, регент не был арестован, он по-прежнему занимается административными делами... других происшествий нет. Брат Лхавсана Данзин Вангъял умер, кроме этого других особых новостей нет»³. Мы видим, что Вангъял не стал ханом и не был отравлен ни Лхавсаном, ни регентом, он не мог наследовать престол из-за болезней, от которых и умер в начале 1704 г. Поэтому, как и в случае престолонаследия после Гуши-хана, в 1701–1703 гг. ханский трон хошутов пустовал в течение двух лет.

До наследования ханства жизнь Лхавсана проходила на пастбищах Кукунора. Согласно мемориалу великого сановника Суну, еще в 36-м году эры Канси (1697) император, удостоивший посещением Нинся, пожелал созвать всех *тайджи* Кукунора. Предводитель Кукунора Даши Баатур повел всех *тайджи* на аудиенцию с императором к временному дворцу, но Лхавсану приказал остаться и охранять кукунорские земли, [сказав, что] «для защиты моих владений нужно оставить одного из моих главных *тайджи*». Лхавсан, сын Далай-хана, сказал: «Мы все хотели по указу Императора–бодхисаттвы Манджушри явиться на высочайшую аудиенцию. Хотя наш предводитель *тайджи* попросил нас остаться [на наших пастбищах. — О.Б.], но мы хотим отправить посла с выражением нашего глубочайшего почтения»⁴. Это свидетельствует о том, что Лхавсан в то время был одним из кочующих в Кукуноре крупных *тайджи*. В 39-м году правления Канси (1700) у Лхавсана возник конфликт с цинским резидентом в Синине ламой Шангнаном Дордже, и он в ярости покинул Кукунор и отправился в Тибет. В мемориале Лхавсана императору Канси сказано:

Император–бодхисаттва Манджушри повелел мне [прибыть], как раньше моему хану-отцу, и я не смел отказаться от визита к мудрейшему. Однако [Шангнан] Дордже-лама сказал, что пойти нельзя, но и оставаться тоже нельзя, поэтому я ушел, переместив свой лагерь. Дордже-лама сказал мне: поскольку Панчен-лама не придет, Императору придется нелегко наставлять народ в Дхарме, поезжай и нанеси визит [Императору]. По моему разумению, если Император–бодхисаттва Манджушри желает наставлять живых существ в Учении, это важно для благоденствия страны и спокойствия народа, ежедневные наставления приводят к спокойствию учения и людей, к чему мне быть велеречивым. Если Император велит и если будет польза для религии и управления, то тогда я пойду. Дордже-лама угрожал, говоря: регент — наш враг, а вы с ним приятели, я это знаю. Так мы говорили множество раз. Однако вследствие того, что Император не давал мне приказа прибыть ради дел религии и управления, а я не знал, что сказать Дордже-ламе, поэтому не мог отправиться, хотел остаться на прежнем месте. Но, будучи не в ладах с Дордже-ламой и опасаясь его, был вынужден переместить свой лагерь⁵.

² Гунчжун дан, № 41–282, «Мемориал Шангнана Дордже» от 27-го числа 6-го месяца 43-го года Канси.

³ Гунчжун дан, № 41–282, «Мемориал Шангнана Дордже» от 4-го числа 4-го месяца 43-го года Канси.

⁴ См.: Цзоучжэ 1996: 181, «Мемориал великого министра Суну императору Канси» от 7-го числа 4-го месяца 36-го года Канси. См. там же китайский перевод.

⁵ Мэнгутан дан, цз. 16, л. 181–182.

Письмо Лхавсана было доставлено 8-го числа 1-го месяца 40-го года правления Канси, на следующий день император спешно отправил указ Лхавсану: «Я уже знаю, что тебя вынудили отъехать, у тебя не было других намерений. Не беспокойся, когда придет приказ, сразу же возвращайся на прежние пастбища в Кукуноре, с женой и подданными живи в мире, как прежде»⁶. В то время Лхавсан находился на востоке от хребта Суру-дабаан в местечке Дэннуртай, при нем было менее одной тысячи воинов, из-за обилия снега люди и скот были сильно измождены⁷. Получив приказ Канси, Лхавсан послал ответный мемориал, доставленный 22-го числа 2-го месяца. В письме говорилось: «[Император] дал мне благосклонный указ, чрезвычайно рад. Очень хотел бы последовать указу и вернуться на старое пастбище, но мой отец умер, и наставник требует, чтобы я явился. Так как это серьезное дело, я не могу не отправиться, прошу простить»⁸. Итак, Лхавсан в 1701 г. отправился в Лхасу из-за смерти Далай-хана.

Что касается причин бегства Лхавсана, то по сообщению Бооджу, помощника советника (*юаньвайлан* 员外郎), приставленного к Шангнану Дордже, это было результатом давления на Лхавсана со стороны стремившегося выслужиться Шангнана Дордже. Незадолго до этого Дордже-лама докладывал императору Канси, что Панчен-лама прибудет в Кукунор, но тот так и не явился. Тогда Дордже-лама решил, что если не предпринять мер и не привезти кукунорских *тайджи* с визитом в столицу, то не будет результата и нечем будет отчитываться перед тронном. Поэтому он доложил двору, что кукунорские *тайджи* Лхавсан, Дайчин Хошоочи и Чечен прибудут на аудиенцию к императору. Император Канси велел дать им на это разрешение. Однако прошло более двух месяцев, а Лхавсан и остальные так и не отправились в путь. Дордже-лама слал людей с угрозами к Лхавсану и др., вынудив Лхавсана бежать⁹.

Когда Лхавсан прибыл в Тибет, в отношениях между ним и регентом никакого антагонизма не было. По свидетельству источников, в начале своего пребывания Лхавсан имел очень хорошие отношения с регентом и Далай-ламой VI. В 10-м месяце 41-го года правления Канси (1702) в Синин прибыли жена и сыновья бывшего *тайджи* Халхи — Уйджэнга Хатан Баатура с 39-ю подданными. Они сообщили: «В прошлом году (1701) Лхавсан захватил нас в Тушенту и Амине, привел в Цирукен-тала, а затем в Муру-усу. 130 наших семей раздал своим подчиненным. Жену и двух сыновей Уйджэнги Хатан Баатура отдал под надзор своему *дзайсану*¹⁰. Так нас подвергли смерти, ранениям, разгрому. 3-го числа 4-го месяца этого года мы бежали из Муру-усу и прибыли в Кукунор, остановились у Малай-хамбо. Лхавсан отправил своего *дзайсана* Мудечи из Тибета, чтобы он вернул нас обратно. Мы несколько раз приходили на съезд с просьбой поселить нас с нашим братом. Но *тайджи* Кукунора сказали: вы — люди, принадлежащие Шаг (местному тибетскому правительству), мы не можем произвольно дать вам уйти. Обратились к *хамбо*, он сказал: в прошлом году регент всех вас отдал Лхавсану, сейчас прибыл *дзайсан* Мудечи, и вы должны пойти с ним»¹¹. 19-го числа 9-го месяца того же года Шангнан Дордже-лама докладывал:

⁶ Там же. Л. 191.

⁷ Цзоучжэ, «Мемориал из Лифаньюаня» от 27-го числа 12-го месяца 40-го года Канси. Китайский перевод см.: Цзоучжэ 1996: 252.

⁸ Мэнгутан дан, цз. 16, л. 227.

⁹ Цзоучжэ, «Мемориал из Лифаньюаня» от 27-го числа 12-го месяца 40-го года Канси. Китайский перевод см.: Цзоучжэ 1996: 253.

¹⁰ *Дзайсан* — чиновник высшего ранга в Джунгарии, пристав. — И.Г.

¹¹ Гунчжун дан, «Мемориал Шангнана Дордже» от 4-го числа 1-го месяца 41-го года Канси.

«Лхавсан из Тибета отправил своего управляющего *дзайсана* с приветствием к *тайджи* Кукунора. Говорят, что Лхавсан прибыл сюда из Тибета, его люди сейчас в Муру-усу. Собрав всех в Кукуноре, ушли из Муру-усу и прибыли в Хацзиэрдэботэ, там разбили лагерь. Все их люди больны и измождены, скот передох, все сильно страдают»¹². Шангнан Дордже как раз имел в виду отправку Лхавсаном людей для поимки жены и сыновей Уйджэнги Хатан Баатура. Как мы видим, в 1701 г. регент отдал принадлежавших правительству сто халхасских семей Лхавсану. Этот факт нельзя недооценивать.

Покинув Кукунор, Лхавсан постоянно находился в Муру-усу (р. Тунтянь в Цинхае). В 5-м месяце 41-го года правления Канси (1702) *цинъ-ван*¹³ Кукунора Даши Баатур отправил письмо командиру Ананде и Шангнану Дордже, в котором докладывал: «Получил достоверные сведения о Лхавсане. 11-го числа 3-го месяца он с тридцатью людьми отправился в Тибет, его улус находится в Долоон-олом¹⁴. Аршиян отсюда отправился его встречать. Вернулся из Тибета и не знаю, куда он подался. Скорее всего, не задержится надолго в тех местах»¹⁵. На этот раз Лхавсан отправился в Лхасу из-за регента. Согласно письму регента Сангье Гьяцо Панчен-ламе от 5-го месяца того же года, у регента были большие затруднения с Далай-ламой VI, который отказывался принимать монашеские обеты. После многих уговоров Цаньянг Гьяцо отправился в Ташилунпо для принятия обетов перед Панчен-ламой, тогда же регент из Лхасы «послал *тайджи* Лхавсана, Даксана и других покровителей, а также религиозных наставников во главе с Диму-хутухту и Шамба-чембу-хутухту, чтобы они уговорили Далай-ламу принять обеты»¹⁶. Это отчасти свидетельствует о том, что регент доверял Лхавсану, а Лхавсан сотрудничал с ним.

В 1703 г. Лхавсан взошел на трон при поддержке Далай-ламы VI и регента. После событий 1705 г. Лхавсан-хан говорил цинскому резиденту Цзиян Ляню: «Регент хотел поставить меня ханом, а Далай-ламу посадить на престол Чачир-Бадун-хана. Для того чтобы контролировать Далай-ламу, он отдал ему свою дочь. Тогда он был ко мне хорошо расположен»¹⁷. В то время в Тибете была очень напряженная обстановка. Лхавсан-хан хорошо понимал, что любые подробности его отношений с регентом могут дойти до императора, а поскольку у него были тесные отношения с регентом, он должен был взвешивать каждое сказанное слово. По нашему мнению, Далай-лама и регент избрали ханом Лхавсана, потому что он в отличие от своего брата Вангьяла все время кочевал в Кукуноре, у него не было крепких связей с правящими и религиозными кругами, как не было и застарелой вражды.

Согласно цинским архивным документам, сначала регент изо всех сил пытался установить хорошие отношения с Лхавсан-ханом, даже жаловал ему титул *Чингисхан*. В мемориале политического советника Офи говорится: «23-го числа 12-го месяца 44-го года правления Канси начальник стражи дворца Цяньцин — Раши и др. огласи-

¹² Гунчжун дан, «Мемориал Шангнана Дордже» от 19-го числа 9-го месяца 41-го года Канси.

¹³ *Цинъ-ван* — великий князь, один из высших титулов при династии Цин. — *И.Г.*

¹⁴ Название места переправы (р. Тунтянь, Цинхай): «(Переправа Долоон-олом) находится там, где Муру-усу изгибается с запада на юг, с этого места река разделяется на семь ответвлений, отсюда это название» (см. Хуан Пэйцяо). Долоон олом — монг. «семь переправ».

¹⁵ Мэнгутан дан, цз. 17, л. 52–53.

¹⁶ Там же. Л. 100.

¹⁷ Цзоучжэ, «Мемориал великого министра Офи и др.» от 26-го числа 12-го месяца 44-го года Канси. Цит. по: Оюнбилиг 2007.

ли указ: „Замените титул *Чингисхан*, данный регентом Лхавсану, на титул его отца Далай-хана. Отправьте сюда Далай-ламу. Определив, настоящий он или ложный, я решу, посадить его на престол Чачир-Бадун-хана или пожаловать титул Далай-ламы“»¹⁸. Очевидно, что регент дал Лхавсану титул *Чингисхан*. Л. Петех, основываясь на тибетских источниках, писал, что Лхавсан после убийства регента был признан *Данзин Чингирханом*¹⁹. *Данзин Чингисхан* означает «держатель Учения – Чингисхан». Сообщение Петеха, скорее всего, ошибочно, титул хана был изначально дан Лхавсану регентом. После смерти регента цинский двор издал указ об аннулировании титула *Чингисхан*. Этот факт неопровержимо свидетельствует о заигрываниях регента с Лхавсан-ханом.

Здесь есть еще одно обстоятельство, достойное очень внимательного рассмотрения, а именно то, что регент желал посадить Цаньянга Гьяцо на трон Чачир-Бадун-хана [察奇尔巴顿汗]. Чачир-Бадун-хан — маньчж. *cakir badun han*. Вполне очевидно, что *cakir badun* — в монгольском языке разговорная форма санскритского термина *cakravartin* («вращающий колесо»). *Han* — монг. *qayan*, т.е. «хан» (соответствие тибетскому слову *rgyal po*, «царь»), поэтому «чакравартин-хан» означает «царь, вращающий колесо [закона]». Концепция чакравартин зародилась в древней Индии. Согласно буддийским священным текстам, мир состоит из четырех больших континентов с горой Сумеру в центре. Когда рождается чакравартин, небо дарует ему драгоценное колесо, с помощью которого он поочередно покоряет четыре континента. Тот, кто покоряет четыре континента, называется «царем, вращающим золотое колесо»; три континента — «царем, вращающим серебряное колесо»; два континента — «царем, вращающим медное колесо»; а тот, кто покоряет всего лишь один континент, — «царем, вращающим железное колесо». Перерождающиеся бодхисаттвы этого святого семейства становятся чакравартинами, ведущими живые существа по пути десяти добродетелей буддизма (Исихама 2001: 8–11). В знаменитом сокровенном тексте «Мани-Кабум» говорится, что Тибет был безлюдной, снежной страной, не затронутой священным учением. Будда Амитабха Западной Чистой земли доверил миссию обращения в учение Снежной страны бодхисаттве Авалокитешваре, и тогда тот сам переродился и умножил тибетский народ. Чтобы помочь живым существам поскорей освободиться от страданий колеса перерождений, следовало построить умиротворенное гармоничное общество. Для создания этого идеального общества нужен непобедимый и просвещенный царь-правитель, поэтому бодхисаттве надо было переродиться чакравартином, с тем чтобы в качестве светского правителя обращать своих подданных в истинное учение, вести их по пути спасения. Первым священным царем-чакравартином в Тибете был Сонценгампо. Впоследствии в Тибете единой могущественной светской власти, как при правлении Сонценгампо, более не было, тибетское общество постепенно перешло на путь всеобщей религиозности. Именно по этой причине последующие поколения стали считать перерождениями бодхисаттвы Авалокитешвары не светских правителей, а религиозных авторитетов. Следующим воплощением Авалокитешвары после Сонценгампо стал считаться основатель школы *кадампа* — Бромтонпа (1004–1064). Когда пришло время Далай-ламы V и регента Сангье Гьяцо, кроме Сонценгампо времен Тибетской империи другими воплощениями Авалокитешвары были только религиозные авторитеты (Шэнь

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Петех 1950: 13. *Jing gir* (成吉尔) вместо *Jing gis* (成吉思) — ошибка (в тибетском письме *r* и *s* похожи, очень легко спутать).

Вэйжун 1996: 198–201). Первый Далай-лама Гедундуб был признан воплощением Авалокитешвары, последующие Далай-ламы стали автоматически считаться перевоплощениями бодхисаттвы. В соответствии с этим «чакравартин» для Тибета имеет двойное значение: 1) воплощение бодхисаттвы Авалокитешвары, 2) царь, ведущий живые существа по буддийскому пути добродетелей и заслуг. Цанъянг Гьяцо, будучи Далай-ламой, с самого начала был признанным воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары, поэтому регент, делая его чакравартином, хотел наделить его вдобавок властью царя, иначе говоря, сделать его и светским, и религиозным лидером. Это очень важно, ибо в этом стремлении раскрываются политические замыслы регента. Предоставляя Лхавсану ханство и номинальный титул *Чингисхана*, Сангье Гьяцо хотел сделать его своей марионеткой, а провозглашая Цанъянга Гьяцо чакравартином, — сделать номинальным главой светской и религиозной власти Тибета, прибрав таким образом к своим рукам и светскую, и религиозную власть. Однако Лхавсан-хана отнюдь не устраивала роль бесправного хана, какую играл его отец Далай-хан, поэтому все планы регента потерпели полное фиаско.

Попутно добавим, что в 1703 г. Далай-лама известил всех *тайджи* Кукунора о своем указе интронизировать Лхавсана в качестве хана, отстранить Сангье Гьяцо с поста регента и передать полномочия его сыну. Раньше повсеместно считалось, что регент и Лхавсан были с самого начала в конфликтных отношениях, поэтому после того как Лхавсан стал ханом, Сангье Гьяцо, дабы смягчить конфликт, будто бы отдал полномочия регента своему сыну. Однако анализ источников дает нам основание утверждать, что отставка регента была лишь показным маневром перед *тайджи* Кукунора для улаживания с ними отношений, к Лхавсану она не имела никакого отношения.

4. Подлинная картина событий 1705 г.

Противостояние регента и Лхавсан-хана началось в 1703 г. Лхавсан был чрезвычайно хитроумным и энергичным человеком. Наследовав ханский трон, он отнюдь не собирався довольствоваться ролью номинального хана, уготованной для него Сангье Гьяцо. В политической борьбе он искусно использовал разногласия между Далай-ламой VI и регентом. В 1697 г. Цанъянг Гьяцо был торжественно возведен во дворец Потала, однако очень скоро почувствовал отвращение к буддийской практике и перестал прислушиваться к наставлениям регента и Панчен-ламы. Когда ему велели принять обеты *гелонга*²⁰, он не просто отказался, а даже вернул Панчен-ламе ранее принятые им обеты послушника, а также открыто заявил, что не считает себя перерождением Далай-ламы V. Пятый Панчен Эрдени приводил в своем письме к главе хошутов Кукунора Даши Баатуру следующие слова Цанъянга Гьяцо:

Различные предсказания, сбывшиеся после моего рождения из утробы матери, рассказывались моими родителями и местными жителями, я ничего о них не знаю. Даже когда я начал учиться, у меня никогда не было мысли, что я являюсь реинкарнацией всех Далай-лам. Только из-за того, что регент по неким причинам принес мне предметы [из прошлого рождения] для идентификации, а также дал мне священный текст о перерождениях [Далай-лам], составленный Панчен-ламой, я вступил на этот путь. Если бы я поступал, как Пятый Далай-лама, то

²⁰ Тиб. *dge slong*, кит. *бицю* — бхикшу, буддийский монах, принявший полные монашеские обеты. — И.Г.

тогда я удовлетворил бы желания регента и других людей здесь и вовне. Но я не люблю заниматься религией, хоть и считаюсь перерождением. ...У меня никогда не было намерения занять положение Пятого Далай-ламы, не было намерения обманывать людей чтением сутр и принятием обетов. Поэтому я не был усерден в буддийском учении. Хоть я и развлекался как мог, но не нарушал религиозных предписаний. Однако, беспокоясь в душе о том, что в будущем может случиться огромная беда, втайне от регента вернул [принятые] обеты пред лицом Панчен-ламы. Хотя это не по душе регенту и его подчиненным, но причина этой перемены вполне ясна по словам Лангкарвы²¹.

В другом письме 1702 г. Панчен также написал, что Цаньянг Гяцо приезжал в Цзан для принятия обетов *гелонга*, однако Панчен-ламе сказал: «Я возвращаю ранее принятые обеты послушника. Если не согласитесь, то тогда я уйду из этого мира. Из этих двух нужно выбрать первое, после ответите». Панчен не мог принять никакого решения. Более того, Далай-лама написал, что не только не принял обеты *гелонга*, но и отказался от ранее принятых обетов, и передал эту бумагу Панчен-ламе²². Неординарный поступок Далай-ламы, лишившего себя божественного статуса, был использован в политической борьбе того времени. По сообщению цинскому двору от Норбу, Панчен-лама сказал: «Поведение Шестого Далай-ламы подобно поведению простого человека, он больше не лама (*ere ningguci dalai lama bai niyalma-i yabun-i yabume, lama waka*)»²³. Это равнозначно объявлению Далай-ламы VI ложным Далай-ламой.

В 1703 г. произошел инцидент, положивший начало вражде между регентом и Далай-ламой. Однажды ночью Далай-лама, взяв с собой шесть-семь человек, отправился поселиться в сторону храма Будды, что в одном *ли* от Поталы, там на них неожиданно напали человек десять. Фаворита Далай-ламы Тарджаная убили, тело бросили на обочину, брата Тарджаная ранили. Далай-лама, к счастью, спасся. Он прибежал к дому регента и сказал, что те люди не посмели бы так орудовать, не прикажи им регент, и велел ему арестовать преступников и передать Далай-ламе. Регент согласился, однако после сообщил Далай-ламе, что преступников не удалось найти. С тех пор между Далай-ламой и регентом началась вражда²⁴. Цинский посланник в Лхасе Цзиян Лиян сообщал:

Далай-лама, по слухам, прелюбодействовал с дочерью регента, также прелюбодействовал со своим последователем мальчиком-подростком Лхавангом. Тогда регент договорился с Цзюньдзином Данзином Омбу, Нгавангом Намдзюном, Долонасем, Гацзинаба и Тэйбэнем, что те убьют Лхаванга. Однако они по ошибке убили сопровождавшего Лхаванга мальчика. Погнавшись за Лхавангом, они ранили его в плечо, но Лхаванг не умер. Далай-лама несколько месяцев расследовал это дело и наконец раскрыл его, арестовал и передал Лхавсану виновных – Цзюньдзина Данзина Омбу и его сообщников, с тем чтобы тот казнил их. Так как эти пятеро были близки регенту, он (регент) настоятельно просил их помиловать, но Лхавсан не согласился и казнил их. С того времени началась их вражда, поэтому регент пытался отравить Лхавсана²⁵.

²¹ Мэнгутан дан, цз. 17, л. 68–71 (маньчж. яз.), 71–75 (монг. яз.).

²² Мэнгутан дан, цз. 17, л. 75–77 (маньчж. яз.), 77–78 (монг. яз.).

²³ Цзоучжэ, «Мемориал великого министра Офи и др.» от 26-го числа 12-го месяца 44-го года Канси. Цит. по: Оюнбилиг 2007.

²⁴ Гунчжун дан, «Мемориал Шангнана Дордже» от 28-го числа 7-го месяца 42-го года Канси.

²⁵ Цзоучжэ, «Мемориал великого министра Офи и др.» от 26-го числа 12-го месяца 44-го года Канси. Цит. по: Оюнбилиг 2007. Возможно, что Лхаванг и Тарджаная были братьями.

Лхавсан-хан лично подтвердил Цзиян Лияну достоверность случившегося. Согласно этим сведениям, Цаньянг Гьяцо был в особых отношениях с дочерью регента (по словам Лхавсан-хана, Далай-лама женился на ней), а также состоял в интимной связи со своим молодым последователем Лхавангом, в итоге регент со своим сообщником Цзюньдзин Данзином Омбу и компанией решили избавиться от Лхавсана. При нападении Лхаванг не погиб, вместо него был убит его брат Тарджанай. Цаньянг Гьяцо, разбираясь в этом деле несколько месяцев, раскрыл его и отдал Цзюньдзина Данзин Омбу и компанию Лхавсану на казнь. Поскольку все пятеро были сообщниками регента, он просил их помиловать, но Лхавсан-хан не внял его просьбе и казнил всех пятерых. Все это свидетельствует о том, что Лхавсан-хан совершенно не считался с регентом, ибо был ханом, обладающим реальной властью. Так регент осознал исходящую от Лхавсана опасность, и вражда их стала открытой. Тогда-то в Тибете и пошли слухи о том, что Лхавсан уже арестовал регента и послал его в Кукунор к цинским властям²⁶.

Кукунорский *бэйлэ*²⁷ Дайчин Хошооци, вернувшийся из Лхасы в 5-м месяце 1704 г., сообщил: «Я прибыл 11-го числа 5-го месяца. Слухи об аресте регента ложные, он по-прежнему занимается административными делами. Видел Далай-ламу, он ведет себя как обычный человек, часто с Лхавсаном стреляет из лука по птицам»²⁸. Очевидно, что Лхавсан, желая добиться доверия со стороны Далай-ламы VI, провоцировал его и всячески ему потакал. Регент говорил своему близкому другу Саханчибу, посланнику кукунорского *цинвана* Даши Баатура: «Когда был жив прежний Далай-лама, я ведал всеми делами. Сейчас же нынешний Далай-лама и Лхавсан не дают заниматься делами и не разрешают покинуть пост. Сейчас не то, что в старые времена, очень трудно стало жить». По словам Саханчибу, «по всему видно, что регенту приходится очень тяжело. Далай-лама, регент и Лхавсан не ладят друг с другом, не дают регенту заниматься делами»²⁹. В таких обстоятельствах регент задумал убить Лхавсан-хана. По сообщениям посланника Лхавсан-хана в Кукуноре — Тэгуса и посланника Даши Баатура в Тибете — Саханчибу, когда они были в Тибете, Лхавсан-хан был отравлен, затем поправился после лечения, прибыл в Дам (ныне уезд Дансюн в Тибете) для дальнейшего излечения приблизительно в 8–9-м месяце 1704 г. Согласно биографии Джамьяна Шепы на тибетском языке, отравленного Лхавсана и его советников лечил Джамьян Шепа ринпоче — настоятель Гоман-дацана монастыря Дрепунг (Ян Фу, Ян Сихун 1994: 95). Но сам Лхавсан говорил, что его вылечил врач по имени Данмунай³⁰, что весьма правдоподобно (возможно, это был подчиненный Джамьяна Шепы ринпоче). После покушения конфликт между Лхавсан-ханом и регентом стал неразрешимым, борьба развернулась не на жизнь, а на смерть.

15 января 1705 г. регент, ссылаясь на указ Далай-ламы, изгнал из Тибета Лхавсан-хана, у которого не было в Лхасе достаточного числа воинов, чтобы оказать сопротивление, поэтому он покинул Лхасу и переместился в местность у реки Хара-усу (ныне Нагчу). Прибыв туда, он вызвал войско со своей базы в Даме, захватил при-

²⁶ Гунчжун дан, мемориалы Шангнана Дордже от 4-го числа 4-го месяца и 10-го числа 6-го месяца 43-го года Канси.

²⁷ *Бэйлэ* — титул маньчжуров и монголов, состоящих в родстве с царствующим домом Цин. — И.Г.

²⁸ Гунчжун дан, «Мемориал Шангнана Дордже» от 10-го числа 6-го месяца 43-го года Канси.

²⁹ Гунчжун дан, «Мемориал Шангнана Дордже» от 8-го числа 10-го месяца 43-го года Канси.

³⁰ Цзоучжэ, «Мемориал великого министра Офи и др.» от 26-го числа 12-го месяца 44-го года Канси. См.: Оюнбилиг 2007.

надлежащий Далай-ламе скот и двинулся на Лхасу. Монгольское войско трижды вступало в битву с тибетским войском регента неподалеку от Лхасы и разбило его, уничтожив около ста человек. Тогда по распоряжению Далай-ламы VI регент спрятал в Потале печать и эдикт, дарованные ему цинской династией, и укрылся в Гонкар-гоне в Шигацзе (ныне уезд Гунга в Тибете), Лхавсан-хан остался в Тибете³¹.

Судя по тибетским источникам, Лхавсан следующим образом разгромил регента: монгольское войско Лхавсан-хана наступало тремя путями, одну часть он вел сам через ущелье Гаму, что к востоку от Лхасы, вторую — Тэгус-дзайсан через перевал Го, третью — жена Лхавсан-хана Церинг Даши через долину р. Тодлунг, кольцо окружения сомкнулось вокруг Лхасы. Когда войска вступили в бой, регент был разбит, потеряв 400 человек. Тогда ламы трех монастырей выступили в качестве примирителей, также выехал из Ташилунпо Панчен-лама и отправился на поле боя. События, однако, очень быстро завершились. Цанъянг Гьяцо согласился отречься от светской власти и отправился на местожительство в Гонкар-гон. Лхавсан-хан взялся управлять правительством. Между тем жена Лхавсан-хана послала людей в Гонкар-гон арестовать регента и привезти его в Тодлунг. Ламы монастыря Дрепунг хотели уладить конфликт, но жена Лхавсан-хана опередила их, приказав казнить регента на склоне горы, где находится монастырь Кьермолунг (Петех 1950: 10–13).

Согласно же докладу Цзиян Лиана, бывшего в то время в Лхасе, где-то между 14-м и 22-м днями 7-го месяца Лхавсан-хан захватил регента и его жену и передал их *тайджи* Далижабу Хошооци и Гендуну, чтобы они конвоировали их, однако эти двое убили регента по дороге. *Дзайсан* Хончин, подчиненный кукунорского Далай Дайчина, собственными глазами видел убийство регента³².

По другой версии — докладу Чуглы, посланника кукунорского *бэйлэ* Пончога, когда Чугла прибыл к ставке Лхавсан-хана, сбежал сын регента Нгаванг Ринчен, Дзунтар поймал его с женой и конвоировал в Лхасу. По дороге Далай-лама во главе нескольких сотен людей отбил Нгаванга Ринчена и его жену. Тогда Лхавсан тут же отправил войско против регента в Ландань, что в одном дне пути к востоку от Лхасы (это должен быть Лантан), и приказал *тайджи* Сунтару и Далижабу поднять войско и атаковать его. Когда *тайджи* Дзунтар прибыл, тибетское войско уже выстроилось в боевой порядок. Началось ожесточенное сражение, тибетское войско, не устояв, бросилось бежать. Узнав об этом, регент вместе с женой укрылся в Гонкар-гоне в Шигацзе. Лхавсан немедленно собрал 500 воинов, также взял с собой посланников Цевана Арабдана — Чахан Данзина и Чуглу и бросился в Гонкар-гон, схватил регента и передал его Хойд-*тайджи* Бойбе и Далижабу, чтобы они конвоировали регента к его жене Церинг Даши. Бойба в Нанци (т.е. в Намце), что неподалеку от Лхасы, передал регента Церинг Даши. Она приказала Бойбе и его подчиненным казнить регента: отрубить голову, вынуть сердце, внутренности и бедренные кости и отправить в ставку Лхавсана³³. Согласно автобиографии Дондупа Гьяцо, 48-го настоятеля монастыря Ганден, точная дата казни регента — 19-й день 7-го месяца (6 сентября 1705 г.) (Петех 1950: 12).

Итак, обобщим сведения из различных источников. Лхавсан-хан во главе 500 человек схватил регента в Гонкар-гоне в Шигацзе, Далижаб с подчиненными конвои-

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Гунчжун дан, «Мемориал Шангнана Дордже» от 21-го числа 10-го месяца 44-го года Канси.

ровали регента в местечко Намце в долине р. Тодлунг в западном предместье Лхасы (к западу от пересечения рек Тодлунг и Лхаса в нынешнем уезде Туйлун Дэцин) и казнили по приказу жены Лхавсан-хана, а также отняли голову, внутренности и бедренные кости и отправили их в ставку Лхавсана. Дата казни — предположительно 6 сентября 1705 г.

5. Заключение. Историческое значение событий 1705 г.

События 1705 г. имеют большое историческое значение, так как ими завершилась борьба за власть между тибетской и монгольской аристократией в Тибете.

Регент Сангье Гьяцо мастерски использовал кончину Далай-ламы V. Скрывая ее на протяжении 16 лет, он сосредоточил в своих руках огромную светскую и религиозную власть, а благодаря «обнаружению» Далай-ламы VI укрепил ранее обретенное политическое влияние. После смерти монгольского Далай-хана он привлек из Кукунора Лхавсана, не имевшего до тех пор связей с теократическими кругами Тибета, и поставил его ханом. Он постарался перетянуть его на свою сторону и усыпить бдительность, жаловав номинальный титул «держатель Учения – Чингисхан». Регент сделал попытку воспользоваться концепцией «чакравартина», с тем чтобы признанным воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары Цанъянг Гьяцо был признан также «чакравартином». Тем самым Далай-лама получал формально высшую теократическую власть в Тибете, на самом же деле эту власть от имени Далай-ламы намеревался контролировать регент. Это был безупречный политический ход, однако желания регента не совпали с реальностью, поскольку ключевая фигура всего этого плана молодой лама Цанъянг Гьяцо не испытывал никакого интереса ни к высочайшему престолу Далай-ламы, ни к светской власти и поэтому отверг сотрудничество с регентом. Далай-лама вел себя как обычный человек, сам себя лишил божественного статуса, поэтому планы регента провалились. Зато Лхавсан оказался человеком, преисполненным жадности власти, не желавшим довольствоваться безвластным положением монгольского хана. Он искусно воспользовался политической обстановкой внутри Тибета и за его пределами. С одной стороны, он потворствовал разгульной жизни Цанъянга Гьяцо, составлял ему компанию в стрельбе из лука, всячески втирался в доверие, с другой стороны, укреплял связи со старым врагом регента — Цинской династией, обращая внимание власти на то, что регент поощряет Цанъянга Гьяцо нарушать буддийские предписания. Проигрывая в борьбе за власть, регент пошел на рискованный шаг и отравил Лхавсан-хана. Эта безуспешная попытка стоила ему потери авторитета. Отступать было некуда, и он от имени Далай-ламы изгнал Лхавсана из Тибета. Лхавсан же из-за своего отравления и изгнания, наоборот, получил сочувствие со стороны общества, а также повод для самообороны, поэтому он быстро собрал войско и вернулся в Тибет. Политик и ученый, регент никак не мог соперничать на поле боя с тяжелой монгольской кавалерией, за что и поплатился жизнью. Политическая власть в Тибете целиком оказалась в руках хана хошутов. События 1705 г. полностью перевернули бесправное положение монгольского хана, Лхавсан-хан спас ханский двор хошутов. Однако это было лишь временно и формально, настоящее значение случившегося этим не ограничилось.

События 1705 г. изменили политическую ситуацию в Тибете, оказав глубокое и долговременное влияние на процесс объединения страны под эгидой Цин. После убийства регента Лхавсан-хан начал активно налаживать отношения с Цинами. Не-

смотря на то что он оказался победителем, его власть отнюдь не была крепкой. Поэтому он решил заручиться поддержкой извне. В тот 1705-й год Лхавсан-хан подал мемориал цинскому двору со своим объяснением событий, а также доложил о своем желании провести в Лхасе 1-го числа 7-го месяца года *бин-суй* [23-й год 60-летнего цикла. — И.Г.] (8 августа 1706 г.) большое собрание монахов и мирян монголов и тибетцев. Император Канси к тому времени издал указ о поддержке и защите Лхавсан-хана. Цинский двор выразил ему одобрение, Канси в 12-м месяце 45-го года правления (начало 1707 г.) пожаловал Лхавсан-хану титул «покорного хана — защитника Учения»³⁴. Император с самого начала испытывал большое беспокойство по поводу узурпации власти в Тибете регентом, однако ничего не мог поделать по объективным обстоятельствам. Устранение регента Лхавсан-ханом и восстановление ханской власти отвечало интересам Канси. По его мнению, оказывать влияние на тибетские дела посредством монголов было лучше, чем давать регенту управлять Тибетом. Так, цинский двор в очередной раз признал за ханом хошутов статус правителя Тибета.

Поэтому Лхавсан-хан, воспользовавшись тем, что Сангье Гьяцо проиграл и погиб, Цаньянг Гьяцо утратил доверие, а цинский двор явственно поддержал хана, незамедлительно объявил цинскому двору о нелегитимности Цаньянга Гьяцо. Получив поддержку двора, в 1706 г. Лхавсан-хан объявил об аннулировании божественного статуса Цаньянга Гьяцо и конвоировал его в Пекин. После этого он поставил другого Далай-ламу, ламу из лхасского монастыря Чагпори. В 1707 г. Панчен интронизировал его во дворце Потала, дав ему духовное имя Нгаванг Еше Гьяцо, это был очередной так называемый Далай-лама VI. Лхавсан-хан полностью заместил полномочия Сангье Гьяцо. Будучи ханом, он даже превзошел регента по положению и известности и полагал, что добился своей цели. Заполучив собственного Далай-ламу, под контролем которого были религиозные круги монголов и тибетцев, он захотел стать держателем и светской, и религиозной власти в ханском дворе. Однако мечты Лхавсан-хана полностью разошлись с реальностью. Его грубое обращение с Цаньянгом Гьяцо вызвало противодействие аристократических кругов Тибета, а также повсеместное неприятие всех слоев тибетского общества. Лхавсан-хан настроил против себя всех преданных последователей Далай-ламы. Буря недовольства Лхавсан-ханом поднялась в Тибете и захватила также Кукунор. В целях противостояния Лхавсан-хану тибетская группировка *гелукпы* приняла ответные меры, тут же обнаружив в Литане новое перерождение Далай-ламы. Последователи *гелукпы* признавали легитимность Цаньянга Гьяцо, поэтому «мальчика-перерожденца» они признали Далай-ламой VII и получили поддержку со стороны монгольской аристократии Кукунора. В 1709 г. кукунорские *тайджи* направили цинскому двору мемориал о том, что поставленный Лхавсан-ханом Далай-лама — ложный³⁵, а затем заявили, что «*хубилган* (перерожденец), обнаруженный в Литане, — истинное перерождение линии преемственности Далай-лам, убедительно просим пожаловать титул»³⁶. В 1716 г. *тайджи* Кукунора отправили мальчика жить в монастырь Цонкапы (Кумбум).

Религиозная борьба, развернувшаяся вокруг вопроса Далай-ламы VI, была по сути борьбой за реальную власть в Тибете. В этом споре династия Цин всегда поддерживала Лхавсан-хана. В 1709 г. в Тибет послали Ла Духуня для расследования ситуации

³⁴ Цин Шэнцзу шилу, 12-й месяц 45-го года (*дин-хай*) Канси.

³⁵ Там же, 1-й месяц 48-го года (*и-хай*) Канси.

³⁶ Там же, 4-й месяц 54-го года (*синь-вэй*) Канси, 3-й месяц 55-го года (*и-моу*) Канси.

с поставленным Лхавсан-ханом Нгавангом Еше Гьяцо. Узнав, что тот получил поддержку Лхавсан-хана и признан Панчен-ламой, цинский двор объявил, что «не нужно устанавливать его истинность, мы утверждаем его», и поскольку «все *тайджи* Кукурора не дружны с Лхавсаном, не следует поручать одному ему администрирование делами Тибета». В помощь Лхавсан-хану управлять делами Тибета был отправлен Хэшоу³⁷. В 1710 г. цинский двор пожаловал Нгавангу Еше Гьяцо печать и грамоту на титул Далай-ламы VI³⁸. Однако все это не помогло Лхавсан-хану смягчить обстановку. Поставленный им Далай-лама VI имел один только титул, люди его не приняли, и поэтому Лхавсан-хан был полностью изолирован в Тибете. В 1717 г. на Тибет неожиданно напали джунгары, Лхавсан-хан был повержен и убит, хошутский двор пал. После этих событий цинский двор поддержал «мальчика-перерожденца» из Кумбума и пожаловал ему титул «Шестого Далай-ламы, распространителя Учения и просветителя людей» (*хунфа цзюэчжун* 弘法觉众). Затем, в 1720 г. под предлогом возвращения истинного Далай-ламы в Поталу и изгнания джунгар в Тибет выдвинулась цинская армия. Так завершилась история установления цинского контроля над Тибетом посредством монголов-хошуттов, Тибет официально оказался под прямым контролем династии Цин. Таким образом, можно заключить, что события 1705 г. стали важной исторической вехой, оказавшей долгосрочное влияние на процесс образования единого многонационального государства под эгидой династии Цин.

Литература

- Ван Яо 1980 — *Wang Yao* 王尧. *Diba Sangjiejiacuo kao* 第巴桑结嘉措考 [Исследование о регенте Сангье Гьяцо] // *Qingshi yanjiu ji* 清史研究集. Vol. 1. *Zhongguo renmin daxue chubanshe*, 1980.
- Гунчжун дан — *Gongzhong dang renming bao* 宫中档人名包 [Именник дворцовых архивов]. *Zhongguo diyi lishi dang'anguan suowei jiaojuan* [Первый исторический архив Китая. Микрофильм].
- Еше Палджор 1984 — *Yixi banjue* 益西班觉著. *Ruyibaoshu* 如意宝书 [Пагсам-Джонсан] / Пер. *Pu Wencheng, Cairang* 蒲文成才让译. *Lanzhou: Gansu minzu chubanshe*, 1984.
- Исихама 2001 — *Ishihama Yumiko* 石滨裕美子. *Chibetsuto butsukiyoush sekai no rekishiteki kenkiyoushi* チベット仏教世界の歴史的研究 [Исследование истории мира тибетского буддизма]. *Tokyo: Oriental Bookstore*, 2001.
- Ма Чжаньлин 1985 — *Ma Zhanlin* 马占林. *Guanyu Diba Sangjiejiacuo* 关于第巴桑结嘉措 [О регенте Сангье Гьяцо] // *Qinghai shehui kexue*. 1985. No. 4.
- Мэнгутан дан 2005 — *Qing Neige Menggutang dang* 清内阁蒙古堂档 [Архив монгольской палаты государственной канцелярии Цин] / *Zhongguo diyi lishi dang'anguan, Nei Menggu daxue Mengguxue xueyuan bian* 中国第一历史档案馆, 内蒙古学学院 [Ред.: Первый исторический архив Китая, Институт монголоведения Университета Внутренней Монголии]. *Neimenggu renmin chubanshe*, 2005. *Yingyin ben* [факсимильное издание].
- Оюнбилег 2007 — *Wuyunbilige* 乌云毕力格. *Efei manwen zouzhe jianzhu* 鄂飞满纹奏折笺注 [Комментарий к мемориалу Офи на маньчжурском языке] // *Quaestiones Mongolorum Disputatae III* / *Association for International Studies of Mongolian Culture*. *Tokyo*, 2007.
- Петех 1950 — *Petech, Luciano*. *China and Tibet in the early 18th Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet*. *Leiden University Press*, 1950.

³⁷ Там же, 1-й месяц 48-го года (*у-хай*) Канси.

³⁸ Там же, 3-й месяц 49-го года (*у-ин*) Канси.

- Сангье Гьяцо 1985 — *Sangjie Jiacao* 桑结嘉措著. Jinsui 金穗 [Золотой колос] / Пер. Duoerji, Xiao Diyan 多尔济萧蒂岩译 // *Xizang wenxue* 西藏文学 [Тибетская литература]. 1985. No. 4.
- Хуан Пэйцяо — *Huang Peiqiao* 黄沛翘. *Xizang Tukaao* 西藏图考 [Исследование карт Тибета]. Т. 5. Guanxu keben [ксилогр., период Гуансюй].
- Цзоучжэ — *Kangxi chao Manwen zhupi zouzhe* 康熙朝满文朱批奏折 [Дворцовые мемориалы на маньчжурском языке периода правления Канси]. *Zhongguo diyi lishi dang'anguan suowei jiaojuan* [Первый государственный архив Китая. Микрофильмы].
- Цзоучжэ 1996 — *Kangxi chao Manwen zhupi zouzhe quanyi* 康熙朝满文朱批奏折全译 [Полный перевод дворцовых мемориалов на маньчжурском языке периода правления Канси]. Beijing: *Zhongguo shehui kexue chubanshe*, 1996.
- Цин Шэнцзу шилу — *Qing Shengzu shilu* 清圣祖实录 [Правдивые записи цинского [императора] Шэн-цзу]. Beijing: *Zhonghua shuju*. Yingyin ben [факсимильное издание].
- Шэнь Вэйжун 1996 — *Shen Weirong* 沈卫荣. *Yishi Dalai Lama zhuan* 一世达赖喇嘛传 [Биография Первого Далай-ламы]. Taipei: *Tangshan shuju*, 1996.
- Ян Фу, Ян Шихун 1994 — *Yang Fu, Yang Shihong* (пер. и ред.) 杨复, 杨世宏译注. *Diyi shi Jiamuayang xieba zhuan* 第一世嘉木样协巴传 [Биография Первого Джамьян Шелы]. Lanzhou: *Gansu minzu chubanshe*, 1994.

References

- Gongzhong dang renming bao* 宫中档人名包 [Names' Volume from the Palace Archives]. *Zhongguo diyi lishi dang'anguan suowei jiaojuan* [Microfilms in the First Historical Archives of China] (in Manchu and Chinese).
- Huang Peiqiao 黄沛翘. *Xizang Tukaao* 西藏图考 [The Pictorial Research in Tibet]. Vol. 5. Guanxu keben [Edition of Guangxu's Reign] (in Chinese).
- Ishihama Yumiko 石滨裕美子. *Chibetsuto butsukiyou sekai no rekishiteki kenkiyuu* チベット仏教世界の歴史的研究 [Research on the history of Tibetan Buddhism]. Tokyo: Oriental Bookstore, 2001 (in Japanese).
- Kangxi chao Manwen zhupi zouzhe* 康熙朝满文朱批奏折 [The Palace Memorials in Manchu of Kangxi's Reign]. *Zhongguo diyi lishi dang'anguan suowei jiaojuan* [Microfilms in the First Historical Archives of China] (in Manchu).
- Ma Zhanlin 马占林. “Guanyu Diba Sangjiejiacao” 关于第巴桑结嘉措 [About sDe-pa Sangs-rgyas rgya-mtsho]. *Qinghai shehui kexue*, 1985, no. 4 (in Chinese).
- Oyumbilig 乌云毕力格. “Efei manwen zouzhe jianzhu” 鄂飞满纹奏折笺注 [Commentary to the Ofi's Memorial in Manchu]. *Quaestiones Mongolorum Disputatae III*, Association for International Studies of Mongolian Culture. Tokyo, 2007 (in Chinese).
- Petech, Luciano. *China and Tibet in the Early 18th Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet*. Leiden University Press, 1950 (in English).
- Qing Shengzu shilu* 清圣祖实录 [History of the Qing Kangxi Era]. Beijing: *Zhonghua shuju yinben*, photocopy (in Chinese).
- Qingshi yanjiu ji* 清史研究集 [Collection of the Papers on Qing History]. Vol. 1. Beijing: *Zhongguo renmin daxue chubanshe*, 1980 (in Chinese).
- Sangjie Jiacao, Duoerji and Xiao Diyan (transl.) 桑结嘉措著, 多尔济, 萧蒂岩译. “Jinsui” 金穗 [Golden Ears]. *Xizang wenxue* 西藏文学 [Tibetan Literature], 1985, no. 4 (in Chinese).
- Shen Weirong 沈卫荣. *Yishi Dalai Lama zhuan* 一世达赖喇嘛传 [Biography of the First Dalai Lama]. Taipei: *Tangshan shuju*, 1996 (in Chinese).
- Wang Yao 王尧. “Diba Sangjiejiacao kao” 第巴桑结嘉措考 [A Research on sDe-pa Sangs-rgyas rgya-mtsho]. *Qingshi yanjiu ji* 清史研究集, vol. 1. Beijing: *Zhongguo renmin daxue chubanshe*, 1980 (in Chinese).

Yang Fu & Yang Shihong (transl. and ed.) 杨复, 杨世宏译注. *Diyi shi Jiamuyang xieba zhuan* 第一世嘉木样协巴传 [The Biography of the First 'Jam-dbyangs-bzhad-pa]. Lanzhou: Gansu minzu chubanshe, 1994 (in Chinese).

Yixi banjue, Pu Wencheng and Cairang (transl.) 益西班觉著, 蒲文成, 才让译. *Ruyibaoshu shi* 如意宝书 [dPag-bsam ljon-bzang]. Lanzhou: Gansu minzu chubanshe, 1984 (in Chinese).

Historical Events of 1705 in Tibet.

Part 2

Borjigidai OYUNBILIG

The School of Chinese Classics, Renmin University of China
Peking, China

Translated by Irina R. GARRI

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

Received 22.05.2021.

Abstract: Based on a large corpus of sources in Mongolian, Manchu and Chinese languages from the Chinese archives, the article reconstructs the history of one of the most significant events in the history of Tibet — the assassination in 1705 of the Fifth Dalai Lama's regent, Sangye Gyatso, by Lhavsan Khan of the Khoshot court. The author thoroughly reproduces a cruel confrontation between the khan and the regent which ended by the latter's execution and shows why the events of 1705 were of great importance for the history of the Mongols and the Tibetans. A series of events that followed, such as the death of the Sixth Dalai Lama, the enthronement of the "true" Seventh Dalai Lama in Kokonor, the invasion of the Dzungars in Tibet in 1717 and, ultimately, the entry of the Qing army into Tibet eventually led to the establishment of the Qing control over Tibet through the Khoshot Mongols. The author concludes that the events of 1705 became an important historical milestone that had a long-term impact on the formation of a unified multinational state under the Qing rule.

Key words: Tibet, Qing dynasty, Tibeto-Mongolian relations, Lhavsan Khan, regent Sangye Gyatso.

Acknowledgements: The translation by Irina Garry was carried out within the state assignment — project "Transformation of Buddhist Trends and Schools: History and Experience of Interaction with Religions and Beliefs of Russia, Central and East Asia (from the Period of the Spread of Buddhism to the Present: Russia — 18th–21st Centuries; China — 2nd–21st; Tibet — 7th–21st Centuries; Mongolia — 16th–21st Centuries)" — № 121031000261-9.

For citation: Oyunbilig, Borjigidai. "Historical events of 1705 in Tibet. Part 2". Translated by Garri, Irina R. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48), pp. 71–85 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO100090.

About the authors: Borjigidai OYUNBILIG, PhD, Professor, Executive Dean of the School of Chinese Classics, Renmin University of China (Peking, China) (bilig63@126).

Irina R. GARRI (translation), Doctor of History, Senior Research Fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (IMBTS) of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation) (irina.garri@gmail.com).

Изображение мятежа Араки Мурасигэ в «Записях о князе Нобунага» О:та Гю:ити

С.А. ПОЛХОВ

Институт востоковедения РАН
Москва, Россия

DOI: 10.55512/WMO65216

Статья поступила в редакцию 10.04.2021.

Аннотация: В статье рассматривается репрезентация в хронике «Синтё:-ко: ки» одного из событий политической истории Японии последней четверти XVI в. — мятежа Араки Мурасигэ, управителя земли Сэтцу, против «объединителя Японии» Ода Нобунага. Араки Мурасигэ присоединился к широкой коалиции противников Нобунага в 1578 г. Проследившая основные вехи жизненного пути Араки Мурасигэ, автор особое внимание уделяет выяснению мотивов, заставивших Мурасигэ выступить против Нобунага. Создатель хроники О:та Гю:ити склонен изображать Мурасигэ неблагодарным предателем, бросившим вызов милостивому господину — Нобунага. Используя аналогичные приемы, Гю:ити рисует портрет другого врага Нобунага — Мацунага Хисахидэ, одного из магнатов провинции Ямато. Образ «предателя», создаваемый в «Синтё:-ко: ки», призван подчеркнуть могущество и неминуемость победы Нобунага, с одной стороны, и выставить в неблагоприятном свете его противников — с другой.

Ключевые слова: «Синтё:-ко: ки», О:та Гю:ити, Ода Нобунага, Араки Мурасигэ, Сэтцу.

Для цитирования: *Полхов С.А.* Изображение мятежа Араки Мурасигэ в «Записях о князе Нобунага» О:та Гю:ити // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 86–107. DOI: 10.55512/WMO65216.

Об авторе: ПОЛХОВ Святослав Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН (Москва, Россия) (sjr-ran@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-4705-7488.

© Полхов С.А., 2022

Введение

Хроника «Записи о князе Нобунага» («Синтё:-ко: ки» 信長公記, далее — «Записи»), вероятно составленная на рубеже XVI–XVII вв. О:та Гю:ити (太田牛一, 1527–1613?), вассалом Ода Нобунага, обычно считается весьма надежным источником. Историки склонны доверять сообщениям «Записей», которые не относятся к дневникам

и документальным материалам («первичным источникам»), но, без сомнения, содержат немало достоверной информации. Как показали результаты изысканий Танигути Кацухиро, хронология «Записей» в целом весьма надежна, хотя ее точность варьируется в разных свитках¹. В явном меньшинстве исследователи, указывающие на тенденциозность этого сочинения и пристрастность его создателя. Относительно достоверности «Записей» как исторического источника существуют «большие проблемы»: в летописи встречаются грубые хронологические ошибки, а некоторым действующим лицам приписываются титулы, которые они на самом деле не использовали, утверждает Иматани Акира (Иматани 2002: 49). В свою очередь Аmano Тадаюки задается вопросом: если принимать оценки О:та Гю:ити, не превратится ли описание произошедших событий в оправдание Ода Нобунага? (Аmano 2017: 3).

В статье рассматривается репрезентация образа Араки Мурасигэ в XI и XII свитках «Синтё:-ко: ки», сопоставляемая с известными фактами из его политической биографии. Как отмечает крупнейший исследователь Нобунага Й. Ламерс, это был опаснейший для «объединителя Японии» бунт, не считая мятежа Акэти Мицухидэ в 1582 г. (Ламерс 2012: 178). Изучение того, как именно О:та Гю:ити представляет Мурасигэ и его мятеж в своей летописи, может способствовать более глубокому пониманию как особенностей мировоззрения Гю:ити, так и характерных черт историописания периода Сэнгоку и начала эпохи Токугава. Представляется, что образ Мурасигэ как коварного «предателя», взбунтовавшегося против господина — «объединителя Японии» Ода Нобунага, сложился во многом под влиянием нарратива «Синтё:-ко: ки». В настоящее время продолжается начатая не так давно ревизия прежних клише и устоявшихся стереотипов, касающихся оценки Нобунага и его противников, которые долго преобладали как в общественном сознании, так и в академической среде Японии.

Японские историки неизменно уделяют внимание мятежу Араки Мурасигэ в общих работах, посвященных политической истории периода Адзуты–Момояма, а также Ода Нобунага. В отечественной историографии исследований, посвященных мятежу Араки Мурасигэ, нет. В западной историографии данное событие рассматривается в монографии Й. Ламерса (Ламерс 2012: 178–185).

Вассал дома Икэда, ставший владыкой земли Сэтцу

Происхождение Араки Мурасигэ из рода воинов не вызывает сомнений. Однако генеалогические списки, связывающие Араки с домом Хатано из провинции Тамба, будто бы восходящим к Фудзивара Хидэсато, знаменитому полководцу эпохи Хэйан (X в.), не считаются заслуживающими доверия. Прадед (или же дед) Мурасигэ последовал за *канрэй* Хосокава Такакуни и в 1527 г. погиб в битве на реке Кацурагава². Синано-но kami Ёсимура, отец Мурасигэ, состоял на службе Икэда, могущественного клана провинции Сэтцу, стоявшего в одном ряду с домами Итами, Акутагава, Каварабаяси (Аmano 2017: 12).

¹ Подробнее об оценке «Записей» как исторического источника в японской историографии см. вступительную статью к переводу свитка X «Синтё:-ко: ки» на русский язык (О:та Гю:ити 2020: 127–138).

² Сражение близ Киото (12-й и 13-й день 2-й луны 7-го года Дайэй) было эпизодом борьбы за главенство в домах Асикага и Хосокава. Объединенное войско Янагимото Мотохару, Хосокава Харумото и его вассалов (Миёси и др.) разбило армию *канрэй* Хосокава Такакуни и его союзников. После поражения Такакуни вместе с сёгуном Асикага Ёсихару бежал из Киото (Фукусима 2009: 71–73).

Дальнейшее возвышение Араки связано с Икэда Кацумаса, который возглавил дом Икэда в 1553 г. Не позднее 1570 г. Мурасигэ стал одним из высокопоставленных вассалов, получил фамилию Икэда, стал именоваться Икэда Синано-но kami Мурасигэ, т.е. был приравнен к отпрыскам этого дома (Аmano 2017: 13, 15). Однако впоследствии он вновь стал подписывать документы своим исконным именем (Араки). Икэда Кацумаса в 1568 г. во время похода Асикага Ёсиаки и Ода Нобунага на Киото поддерживал «трех вассалов Миёси» (Миёси Нагаюки, Миёси Со:и (Масаясу), Иванари Томомити). Однако, когда в конце 9-й луны 11-го года Эйроку (1568) пятидесятитысячное войско Нобунага подступило к замку Икэда, Кацумаса сдался Нобунага и выдал заложников (О:та Гю:ити 1996: 88; Хосокава 1928: 450). В том же, 1568 г. провозглашенный сёгуном Асикага Ёсиаки «пожаловал» провинцию Сэтцу ее могущественным магнатам — Итами Тадатика (1552–1600), Икэда Кацумаса, а также своему вассалу Вада Корэмаса (1530–1571) (Хосокава 1928: 451; Асикага 1906: 247).

Когда в 5-й день 1-й луны 12-го года Эйроку (1569) отряды «трех вассалов Миёси» и их союзников атаковали главу бакуфу в его резиденции в храме Хонкокудзи в Киото, подоспевшие сторонники Ёсиаки помогли отбить нападение. В их числе были Икэда Кацумаса, а также Араки (О:та Гю:ити 1996: 94). Судя по всему, это первое упоминание Араки Мурасигэ на страницах «Записей о князе Нобунага».

Между тем в доме Икэда произошел конфликт между Кацумаса и его родичами и вассалами. В 18-й день 6-й луны 1-го года Гэнки (1570 г.) по приказу Кацумаса были убиты двое его родственников — Бунго-но kami и Суо:-но kami (Хосокава 1928: 454). После этого он в сопровождении лишь двух отроков *косё:* и пары слуг бежал сначала в Тонэяма, а затем в Одзака (Токицугу-кё: ки 1915, 20/6/Гэнки 1: 424). Ямасина Токицугу, ссылаясь на услышанные от других сведения, сообщает, что в замок Икэда вошли Миёси Нагаюки и Иванари Томомити (Токицугу-кё: ки 1915, 26/6/Гэнки 1: 425). Вассалы, изгнавшие Икэда Кацумаса, в числе которых, по-видимому, был и Араки Мурасигэ, вступили в союз с «тремя вассалами Миёси», врагами Нобунага (Хосокава 1928: 454). Преемником Кацумаса стал его младший брат Томомаса (1555–1604), однако действительной властью обладала группа влиятельных вассалов рода Икэда (Аmano 2017: 18–19). В 28-й день 8-й луны 2-го года Гэнки (1571) произошла битва между войском Икэда и силами Вада Корэмаса, ранее назначенного сёгуном одним из трех сюго (военных управителей) провинции Сэтцу, Корэмаса пал в битве (сражение при Ко:рияма в Сэтцу) (Токицугу-кё: ки 1915, 28/8/Гэнки 2: 523; Тамонъин 1935, 1/9/Гэнки 2: 256). Вероятно, Мурасигэ к тому времени постепенно занял в доме Икэда первенствующее положение. Португальский миссионер Луиш Фройш, автор «Истории Японии», ценнейшего исторического источника, в своем письме от 28/09/1571 инициатором нападения на Вада Корэмаса называл военачальника (*capitão*) Икэда (Ясокайси 1928: 138–139; Cartas 1598: 315v), в позднее написанной «Истории Японии» называя его по имени — Араки (Араки Мурасигэ) (Мацуда 2000a: 258). Согласно некоторым источникам периода Токугава, главную роль в устранении Корэмаса сыграл Араки Мурасигэ, действовавший в союзе с Накагава Киёхидэ (1542–1583), еще одним вассалом Икэда (Икэда-си: 783)³.

³ Согласно этому, а также некоторым другим источникам периода Токугава, Араки Мурасигэ действовал по приказу Ода Нобунага. При этом в описании родословной дома Накагава главная роль в нападении на Вада Корэмаса приписывается Накагава Киёхидэ (см. Накагава). Следует отметить, что в упомянутых памятниках битва при Ко:рияма часто датируется неверно (иногда 1-м годом Тэнсё:, т.е. 1573 г.).

В начале 1573 г. сёгун Асикага Ёсиаки открыто выступил против Нобунага. Самураи земли Сэтцу и остальных четырех провинций области Кинай вынуждены были выбирать, исходя из своих интересов и понимания соотношения сил, к какой стороне присоединиться в начавшейся схватке. Араки Мурасигэ почти сразу примкнул к Нобунага. Нобунага в письме Хосокава Фудзитака, датированном 23-м днем 10-й луны 1-го год Тэнсё: (1573), выражает удовлетворение тем, что Араки намерен выказать ему «истинную преданность» (Дзо:тэй 1988а: № 360, 607⁴). В 25-й день 3-й луны 4-го года Гэнки (1573) Нобунага двинул войско на Киото, а в 29-й день Хосокава Фудзитака, видный вассал сёгуна, и Араки Мурасигэ, «приняв сторону [князя Нобунага] и [явив] свою преданность, оба прибыли к Аусака, чтобы [его] встретить». Нобунага будто бы «пришел в прекрасное расположение духа» и пожаловал Араки меч, выкованный Го:но Ёсихиро, известным кузнецом периода Намбокутё: (О:та Гю:ити 1996: 147). В 7-й луне того же года Мурасигэ со своим отрядом участвовал в нападении армии Нобунага на замок Макиносима (Макисима), где укрепился Асикага Ёсиаки (Там же: 151). После захвата замка сёгун был изгнан Нобунага из столицы. Между тем Икэда Томома-са ранее присоединился к Асикага Ёсиаки, после чего был изгнан из Сэтцу.

В провинции Сэтцу Нобунага сделал ставку на Араки Мурасигэ. Согласно «Синтё:ко: ки», он пожаловал Мурасигэ землю Сэтцу в его «полное ведение» (*иссики* 一職) (О:та Гю:ити 1996: 254)⁵. Мурасигэ стал именовать себя «управителем земли Сэтцу» — Сэтцу-но ками (撰津の守). Первый документ, в котором он так называет себя, датируется 3-м годом Тэнсё: (1575) (Танигути 2010: 34). Неизвестно, присвоил ли ему императорский двор данный титул официально или же он, как и многие другие провинциальные властители того времени, нарекся им сам.

Однако в Сэтцу сохранялись не подчинявшиеся Мурасигэ кланы Итами и Арима. В конце 1574 г. он завоевал замок Итами⁶, владетель которого Итами Тадатика успел сбежать. Арима Дэва-но ками Кунихидэ, хозяин замка Санда⁷, подчинился Мурасигэ, и тот выдал за него младшую сестру своей жены. Однако затем Мурасигэ заподозрил его в измене, Дэва-но ками покончил с собой, а замок Санда Мурасигэ передал одному из вассалов (Интоку: 144). Аmano отмечает, что Мурасигэ, опираясь лишь на свои силы и не прибегая к помощи Нобунага, сумел сделать то, чего не могли добиться Хосокава и Миёси, сильнейшие дома региона Кинай — объединить под своей властью провинцию Сэтцу (Аmano 2017: 31)⁸. Это вполне обоснованное утверждение,

⁴ В этой и последующих сносках при ссылке на документ из собрания исторических источников вначале указывается номер документа, а затем номер страницы. Если документ из собрания не имеет номера, указывается только страница.

⁵ Термин *иссики* встречается в разных источниках, упоминающих о пожалованиях Нобунага. В японской историографии под термином *иссики сихай* (一職支配), введенным Вакита Осаму, понимаются достаточно широкие полномочия, предоставлявшиеся в определенных областях (провинциях, уездах и др.) Ода Нобунага своим военачальникам (Араки Мурасигэ, Хасиба Хидэёси и т.д.), позволявшие осуществлять военное командование местными воинами, подтверждать их земельладельческие права и жаловать новые земли, требовать сведения о землях (*сасидаси кэнти* 指出見地), уплаты податей и исполнения трудовой повинности от простолюдинов, осуществлять судебные функции и др. С другой стороны, Нобунага все же не отдавал такие области в абсолютное и безусловное распоряжение: он сохранял право земельных пожалований от своего имени видным вассалам, там могли находиться его доменные земли (Вакита 1975: 124–129; Икэгами 2012: 256–262).

⁶ Совр. г. Итами, преф. Хё:го.

⁷ Совр. г. Санда, преф. Хё:го.

⁸ Следует добавить, что власть Мурасигэ в Сэтцу не распространялась на территории, подконтрольные храму Хонгандзи в Одзака, главному центру Истинной школы Чистой земли, с которым в

однако все же можно предположить, что многие самураи Сэтцу быстро покорились Мурасигэ, зная о том, что он вассал самого Нобунага.

Центром управления Сэтцу Мурасигэ сделал замок Итами, переименовав его в Ариока и серьезно укрепив. Л. Фройш лично видел Ариока и назвал его огромным и великолепным (письмо от 30.09.1578) (Ясокайси 1928: 427; Cartas 1598: 404r). Он посетил резиденцию Мурасигэ вместе с Такаяма Дарио (Такаяма Хида-но ками), христианином и отцом Такаяма Укон⁹, вассала Мурасигэ, владевшего замком Такацуки в провинции Сэтцу. По оценке иезуита, владения и доходы «язычника» (*gentio*) Мурасигэ весьма велики, он чрезвычайно могуществен. При этом португалец именует его «нашим другом» (*amigo nosso*), покровительствующим христианским проповедникам (Ясокайси 1928: 426; Cartas 1598: 404r).

Мурасигэ, по-видимому, пользовался немалым доверием Нобунага, который назначил его одним из распорядителей во время визита в монастырь То:дайdzi в Нара, где Нобунага в 28-й день 3-й луны 2-го года Тэнсё: (1574) получил часть «благоухающего древа» Рандзятай (О:та Гю:ити 1996: 167). В 8-й луне 3-го года Тэнсё: (1575) Мурасигэ принял участие в военной кампании против сил Икко:-икки в провинции Этидзэн (Там же: 193). После победы Нобунага приказал ему отправиться во внутренние уезды провинции Харима, чтобы собрать заложников и доставить их к нему (Там же: 197). Это было весьма ответственное поручение, учитывая сложную ситуацию в Харима, где не прекращались конфликты между различными провинциальными владельцами. В 4-й луне 4-го года Тэнсё: (1576) Мурасигэ по распоряжению Нобунага вместе с другим вассалами строит форты, которые должны были заблокировать подступы к Одзака, оборонявшейся приверженцами Истинной школы Чистой земли во главе с Кэннё, верховным настоятелем храма Хонгандзи. Мурасигэ было приказано построить три форта к северу от Одзака (Там же: 208). В 5-й луне того же года Бан Наомаса и Миёси Ясунага, полководцы Нобунага, были разгромлены при попытке захватить форт Мицудэра отрядами, посланными на подмогу из Одзака. Наомаса пал в бою. Уцелевшие силы отступили в форт Тэнно:дзи, на помощь им поспешил из

1570-х годах с короткими перерывами вел войну Ода Нобунага. Вооруженные выступления приверженцев Истинной школы Чистой земли (ветви Хонгандзи) обычно называют Икко:-икки.

⁹ Такаяма Укон — Такаяма Сигэтомо (1552–1615), владелец замка Такацуки в провинции Сэтцу, христианский даймё. В 1564 г. был крещен иезуитом Лоренсу в замке Сава (уезд Уда, провинция Ямато), приглашенным Такаяма Томотэру (?–1596), отцом Укон. В 1573 г. изгнал своего господина Вада Корэнага и завладел замком Такацуки, был вассалом Араки Мурасигэ. Строил церкви, проводил курс на христианизацию своих владений, оказывал всемерную поддержку иезуитам. Во время мятежа Мурасигэ откликнулся на уговоры христианских миссионеров и перешел на сторону Нобунага, который подтвердил его права на замок Такацуки и пожаловал уезд Акутагава в провинции Харима. В 1582 г. после гибели Нобунага отказался примкнуть к Акэти Мицухидэ. Сражался в битве при Ямадзаки на стороне Тоётоми Хидэёси, разгромившего Мицухидэ. Затем по приказу Хидэёси участвовал в различных военных кампаниях во время завершения объединения Японии. В 1585 г. замок Такацуки ввиду своего стратегического местоположения был передан в домен Хидэёси, который взамен пожаловал Укон замок Акаси (уезд Акаси, провинция Харима) и владения с доходом в 60 тыс. *коку* риса. В 1587 г. после введения рескрипта Хидэёси об изгнании из Японии христианских проповедников не отрекся от своей веры, из-за чего его земли в Акаси были конфискованы. Позднее состоял на службе у даймё Маэда Тосиэ (1538–1599) в провинции Кага. Отличился в 1600 г. во время сражения при Сэкигахара как вассал Маэда Тосинага (1562–1614), воюя на стороне Токугава Иэясу. В 1614 г. после введения указов Токугава бакуфу о запрете христианства вынужден был удалиться в Манилу на Филиппины, где вскоре заболел и умер. Такаяма Укон, ученик Сэн-но Рикю:, также известен как мастер чайной церемонии (Сэнгоку 2006: 475; Эбисава). В 2017 г. был причислен католической церковью к лику блаженных.

Киото сам Нобунага. Он хотел, чтобы Араки Мурасигэ со своими воинами выступил в авангарде атаки на осадившую Тэнно:дзи армию Одзака, но Мурасигэ отказался, сказав, что намерен оборонять устье реки Кидзугава (Там же: 210). После победы Нобунага, разблокировавшего Тэнно:дзи, осада Одзака продолжилась. Нобунага, получавший рапорты Мурасигэ, направлял ему ответные письма с инструкциями (письма 4-го и 16-го дня 6-й луны 4-го года Тэнсё:) (Дзо:тэй 1988б: № 644–645, 207–209). Судя по всему, в это время Араки Мурасигэ также играет роль посредника между Ода Нобунага и владельцами Харима. Из письма Нобунага одному из его сторонников в Харима Кодэра Масамото следует, что замок Тэндзиньяма в провинции Бидзэн пал, а оборонявший его Урагами Мунэкагэ¹⁰ вынужден был отступить. Нобунага послал Араки Мурасигэ к Масамото, с тем чтобы устно передать какие-то инструкции (Там же: № 660, 229). Сохранилось письмо Нобунага, в котором он извещал Мурасигэ о получении его письма и донесения Кодэра Масамото (16/5/Тэнсё: 5 — 1577 г.). Нобунага хвалил Масамото за победу в районе Ага¹¹, а также отмечал рвение Кодэра Ёситака (Курода Ёситака), проявленное в этом сражении (Там же: № 718, 288). Через несколько дней Мурасигэ направил письмо Кодэра Ёситака, в котором извещал, что в Адзути получили донесение Масамото, а Нобунага составил ответное послание — «наивысшая честь», которой Мурасигэ необычайно обрадовался. Он также указывал, что Нобунага было доложено и о заслугах Ёситака (Там же: № 661, 289). Переписка Мурасигэ показывает, что он извещал властителя Адзути о военных заслугах некоторых *кокудзин* провинции Харима и играл главную роль в процессе коммуникации между ними и Нобунага.

В 3-й день 6-й луны 1578 г. Нобунага пишет пространное послание Мурасигэ, скрепленное черной печатью. Властитель передает ему приказы, касавшиеся строительства флота, в частности «больших кораблей», для полной блокады Одзака, делится с ним своими соображениями о слабостях флота дома Мо:ри, а также сообщает о безуспешных попытках Мо:ри переманить на свою сторону Атаги Нобуясу (?–1578), одного из флотоводцев острова Авадзи. Кроме того, в письме рассматривается и ситуация в провинции Харима, действия врагов Нобунага — Бэссё Нагахару и Укита Наоиэ (Дзо:тэй 1988б: № 767, 362, 363). Письмо показывает, что сфера ответственности Мурасигэ включала в себя активное участие не только в осаде Одзака, но и в урегулировании ситуации в Харима. Возникают сомнения в том, что Нобунага и ранее ожидал от Мурасигэ исполнения поручений лишь на одном военно-политическом направлении, например в Харима. Властитель Адзути часто перебрасывал вассалов с одного фронта военных действий на другой, потом мог вернуть их обратно, а затем снова доверить им новую задачу в совсем другой провинции Японии. Кроме того, он обычно поручал исполнение той или иной миссии не одному, а нескольким своим полководцам.

Во 2-й и 3-й луне 5-го года Тэнсё: (1577) имя Араки Сэтцу-но ками фигурирует в перечне военачальников Нобунага, выступивших в поход против объединений Сайка-

¹⁰ Дом Урагами в эпоху Муромати наследовал должности заместителей *сюго* (*сюгодай*) провинций Харима, Бидзэн, Мимасака. В период Сэнгоку положение Урагами пошатнулось, они вынуждены были бороться за власть с могущественными провинциальными военными домами. Урагами Мунэкагэ, пытаясь упрочить свои позиции, в конечном счете стал ориентироваться на Нобунага. В начале 1574 г. Нобунага передал ему грамоту с красной печатью, утвердив его права на провинции Харима, Бидзэн, Мимасака (Анкокудзи: 393). Однако Мунэкагэ терпел поражения от выступившего против него вассала Укита Наоиэ, который заключил союз с домом Мо:ри. После падения замка Тэндзиньяма Мунэкагэ тщетно пытался вернуть былое влияние в Бидзэн.

¹¹ На территории совр. г. Химэдзи, преф. Хё:го.

сю: в провинции Кии, часть которых воевала на стороне Одзака (О:та Гю:ити 1996: 222). Вместе с тем Мурасигэ слыл большим знатоком чайной церемонии. Нобунага, также увлеченный *тяною*, в 1-й день 1-й луны 6-го года Тэнсё: (1578) устроил чаепитие в своей резиденции в Адзуги для избранных гостей, в числе которых был и Араки Сэтцу-но ками (Там же: 237). В середине 4-й луны того же года большое войско дома Мо:ри и его союзников осадило замок Ко:дзуки, расположенный на границе провинции Харима. Хасиба Хидэёси и Араки Мурасигэ, прибывшие на помощь Ко:дзуки, заняли позиции поблизости — на горе Такакураяма, но, уступая в численности врагу, не смогли оказать действенной поддержки. В конце концов Араки и Хидэёси отступили (Там же: 242–243), Нобунага так и не послал новую подмогу и замок Ко:дзуки пал. Танигути считает, что с 10-й луны 5-го года Тэнсё: (1577) Хидэёси стал главным доверенным лицом Нобунага в Харима вместо Мурасигэ (Танигути 2010: 34).

В 6-й и 7-й луне 6-го года Тэнсё: Мурасигэ вместе с Хасиба Хидэёси осаждал форт Канки в земле Харима, защищавший подступы к замку Мики, в котором укрепился Бэссё Нагахару, поднявший мятеж против Нобунага (О:та Гю:ити 1996: 246). Во время штурма Западной цитадели (Ниси-но мару) форта Канки Араки Мурасигэ и Сакума Нобумори передали Нобунага прошение о пощаде командующего этой частью крепости Канки То:даю:, он был помилован и оставил укрепления (Там же: 248).

Таким образом, Араки Мурасигэ стал важной фигурой в иерархии вассалов Ода Нобунага, играя важную роль в войне против Одзака, также отвечая за налаживание взаимодействия с самураями провинции Харима. По оценке Танигути, к 6-му году Тэнсё: (1578) Мурасигэ числился среди наиболее влиятельных вассалов властителя Адзуги и, управляя провинцией Сэтцу, не уступал могуществом Сибата Кацуиэ, которому была доверена большая часть провинции Этидзэн (Танигути 2010: 34).

Документы, бесспорно свидетельствующие об измене Араки Мурасигэ, относятся к 10-й луне 6-го года Тэнсё: (1578). Немалую роль в привлечении его на сторону враждебной Нобунага коалиции сыграл Кобаяси Иэтака, приближенный сёгуна Асикага Ёсиаки, который вместе с Суэкуни Сама-но ками, вассалом дома Мо:ри, в 14-й день 10-й луны отправился в Сэтцу (Аmano 2017: 53; Фудзита 2014: 84–85). Иэтака ранее так же небезуспешно убеждал самураев провинции Харима отказаться от поддержки Нобунага (Фудзита 2014: 84).

Сохранилась датированная 17-м днем 10-й луны того же 6-го года клятвенная грамота Кэннэ, адресованная Араки Мурасигэ и его сыну Мурацугу (Сингоро:) из трех пунктов. Поскольку Араки становились союзниками Хонгандзи, Кэннэ соглашался впредь советоваться касательно «и хорошего и плохого» и поддерживать дружественные отношения. Даже если умрет Нобунага и положение дел «на свете» переменится, Кэннэ обещал «не бросать» Мурасигэ. Кроме того, верховный настоятель Хонгандзи заявлял об отсутствии притязаний на владения Араки. Мурасигэ был фактическим управителем провинции Сэтцу, однако не контролировал владения Хонгандзи, включавшие крепость Одзака и ее вспомогательные форты. По сути, Кэннэ подтверждал права Мурасигэ на Сэтцу, называя его *сюго*, военным наместником. В Сэтцу было немало сторонников Истинной школы Чистой земли. Однако Кэннэ обязывался не вмешиваться в отношения между Мурасигэ и крестьянами этой земли. Наконец, в последней статье Кэннэ клялся, что, в случае если Араки пожелают получить какие-либо провинции помимо Сэтцу, он будет ходатайствовать об их пожаловании перед сёгуном Ёсиаки («правителем» — *ко:ги* 広儀) и Мо:ри Тэрумото. Он также обещал не принимать и не поддерживать *ро:нин*, враждебных Мурасигэ (Дзо:тэй 19886: 388).

В то же время Симоцума Райрэн (1537–1626), вассал Кэннэ, в письме Укита Наоиэ (8/11/Тэнсё: 6), союзнику Мо:ри, сообщал, что Мурасигэ передал в заложники Одзака свою дочь, а также послал клятвенную грамоту с «печатью из крови» (*кэппан-но сэй-си* 血判之誓詞¹²) (Мо:ри-кэ 1922: № 832, 42). Этот документ не сохранился, однако, видимо, он был выслан в обмен на вышеуказанные клятвенные обязательства первосвященника Хонгандзи. Мурасигэ, согласно Райрэн, также срыл форт для блокады Одзака в районе Накадзима. Кроме того, Каварабаяси Этиго, видный вассал владетеля Сэтцу, также прислал в заложники двоих детей и клятвенную грамоту (Там же).

Отпадение Мурасигэ стало неприятной неожиданностью для Нобунага и воодушевило его врагов. Так, Мо:ри Тэрумото в письме вассалу Юаса Масамунэ сообщал, что Араки Сэтцу-но ками выдал заложников, и называл переход Араки на сторону дома Мо:ри «поистине большой победой» (*макото-ни тайри* 誠太利) (Дзо:тэй 1988б: 391). Уже в 10-й луне 6-го года Тэнсё: (1578) слухи об измене Мурасигэ дошли до Нобунага. В письме к Хосокава Фудзитака (25/10 Тэнсё: 6) Нобунага сообщает, что в связи с разными слухами, касающимися положения в провинции Сэтцу, он направил для выяснения обстоятельств Мацуи Ю:кан и Мамми Сигэмото, своих приближенных, а затем послал и Акэти Мицухидэ (Там же: № 787, 386). О прибытии к Араки Мурасигэ вышеупомянутых эмиссаров Нобунага рассказывается и в хронике О:та Гю:ити. Мурасигэ отказался выдать свою мать в заложники и явиться в Адзути, открыто выступив против властителя Адзути.

Письма Нобунага свидетельствуют, что он был разгневан «предательством» управителя Сэтцу. Мурасигэ — «поправший должный путь злодей» (*мудо:но якара* 無道族, букв. «беспутный негодяй») не только для «меня», но и для «Поднебесной» (*тэнка* 天下), писал Нобунага перешедшему на его сторону Накагава Киёхидэ, бывшему вассалу Араки (2/2/Тэнсё: 7) (Дзо:тэй 1988б: № 811, 417).

В результате отпадения Араки Мурасигэ в конце 1578 г. частично в районе Кинай, а главным образом в Западной Японии укрепились враждебная Ода Нобунага коалиция: Одзака Хонгандзи, Мо:ри Тэрумото и сёгун Асикага Ёсиаки, Бэссё Нагахару, владетель замка Мики, выступивший против Нобунага в 1577 г., Хатано Хидэхару, владетель замка Яками в провинции Тамба, и некоторые другие силы. С востока с Мо:ри и Одзака пытался координировать действия даймё Такэда Кацуёри (Икэгами 2012: 168).

Нобунага спешно прибыл в свою резиденцию в Нидзё: в Киото и в 4-й день 11-й луны через Мураи Садакацу обратился к императору О:гимати с просьбой направить Одзака Хонгандзи повеление о заключении мира. Видимо, властитель Адзути опасался резкого усиления своих противников после перехода на их сторону Мурасигэ и рассчитывал в тактических целях заключить временное перемирие. Императорский двор откликнулся на его просьбу и направил двух посланцев — Нивата Сигэясу и Кансюдзи Харэтоё в Одзака. Однако там отказались заключать сепаратный мир и просили направить союзнику — Мо:ри Тэрумото императорский указ о примирении с Нобунага (Татэри 1906: 280). В рескрипте императора О:гимати, вскоре со-

¹² Клятвенные грамоты, заверенные «печатью из крови» — *кэппан* (血判) или *кэппандзё*: (血判状). Известны были уже в период Намбокутё:, получили широкое распространение в период Сэнгоку. В знак подтверждения истинности своих намерений и нерушимости клятвы подписывавшие ее делали надрез на пальце руки и прикладывали его к бумаге, ставя «печать из крови» возле своей стилизованной подписи (монограммы). Иногда использовался другой способ: кровь из надрезанного пальца примешивали к туши или киновари и ставили на документе монограмму (см.: Тидзива).

ставленным по его воле придворным Хирохаси Канэкацу, говорилось о недопустимости вражды между «бывшим правым министром» (Нобунага) и «вашей землей» (Мо:ри Тэрумото), которая становится «основой для смуты в столице и провинции». Государь приказывал Тэрумото вступить в мирные переговоры, отмечая, что такое же повеление передано верховному настоятелю Одзака (Дзо:тэй 1988б: 400). Было решено, что Нивата Сигэясу и Кансюдзи Харэтоё в 26-й день 11-й луны отправятся в княжество Мо:ри. Однако переговоры так и не были начаты. Нобунага вскоре передумал, поскольку получил известие о том, что в 24-й день Накагава Киёхидэ, один из военачальников Араки Мурасигэ, перешел на его сторону (Татэри 1906: 280). По всей видимости, Нобунага посчитал, что сможет справиться с Мурасигэ и его союзниками и временная передышка, которую он мог бы получить после заключения мира, ему не понадобится. При этом Нобунага в очередной раз продемонстрировал, что намерен использовать дипломатическое содействие двора лишь в той мере, в какой ему оно необходимо, и готов в одностороннем порядке отказаться от него.

Мятежник и предатель: образ Мурасигэ в хронике О:та Гю:ити

В свитке XI «Записей» Гю:ити пишет о «низком» происхождении Араки Мурасигэ, который был «по положению холопом» (*итибоку-но ми* 一僕の身) (О:та Гю:ити 1996: 25)¹³. Подобная характеристика используется хронистом, чтобы акцентировать неблагодарность Араки, который был возвышен Нобунага. Однако, как уже говорилось, Араки Мурасигэ происходил из воинского рода и к моменту похода Нобунага на столицу в 1568 г. был одним из главнейших вассалов Икэда, могущественного военного дома провинции Сэтцу.

Примечательно, что сходным образом О:та Гю:ити клеймит еще одного знаменитого «бунтовщика» — Мацунага Хисахидэ, одного из магнатов провинции Ямато, не единожды восстававшего против Нобунага и в конце концов потерпевшего поражение в 1577 г. В другом своем произведении «Тайко:-сама гунки-но ути» («Из военных записей о его светлости Тайко:») Гю:ити так же упоминает о «холопском положении» Хисахидэ (*итибоку-но синдзё*: いちぼくの身上) (О:та Гю:ити 1965: 169). Между тем Хисахидэ происходил из рода воинов, пусть и не именитого, а со временем превратился в виднейшего вассала, сподвижника всесильного даймё Миёси Нагаёси, которого нередко считают прямым предшественником Ода Нобунага.

Безусловно, такую характеристику Гю:ити и Араки Мурасигэ и Мацунага Хисахидэ нельзя не признать намеренно уничижительной. По меркам Сэнгоку дзидай, когда ценился статус, достигнутый благодаря собственным заслугам, положение их обоих никак нельзя считать «подлым». Мурасигэ стал видным вассалом влиятельного военного дома до того, как присоединился к Нобунага.

Гю:ити стремится показать, что Мурасигэ был благодетельствован Нобунага: «...В год, когда его светлость *кубо*: [стал] врагом [князя Нобунага], [он] явил преданность и [князь Нобунага] препоручил [ему] в полное ведение землю Сэтцу» (О:та Гю:ити 1996: 254). Это сообщение автора «Записей» не следует трактовать как предоставление Араки полноты прав по управлению провинцией Сэтцу, поскольку к 1573 г. Нобунага не контролировал всей ее территории. В этой земле сохранялась

¹³ Синонимами бинума *итибоку* (一僕) являются слова *гэнан* (下男 «подневольный слуга») и *мэ-сицукаи* (召使 «слуга»).

сфера влияния храма Хонгандзи, враждебного Нобунага, а также оставались влиятельные местные магнаты, не подчинившиеся Араки. Таким образом, Мурасигэ еще предстояло покорить Сэтцу, и, по вышеупомянутой оценке Аmano, он овладел большей частью этой земли без прямой военной поддержки Нобунага.

По мнению Гю:ити, «не сообразуясь со своим положением и возгордившись государевыми благодеяниями, [Араки] совершил измену». Примечательно, что автор «Записей» называет милости Нобунага *тё:он* (朝恩), что дословно значит «благодеяния сына неба/императора» (см.: Тё:он). С помощью такого словоупотребления он, с одной стороны, превозносит Нобунага, а с другой — подчеркивает неблагодарность и «низость» Араки. Примечательно, что точно так же О:та Гю:ити укоряет в неблагодарности Мацунага Хисахидэ, которому Нобунага «пожаловал» половину земли Ямато. Мацунага посчитал, что этого недостаточно, и в самый разгар борьбы Нобунага с Одзака Хонгандзи «забыл о высоких благодеяниях [господина]» (*гоко:он о васурэ* 御高恩をわすれ) (О:та Гю:ити 1965: 170). Однако в действительности Хисахидэ, как и позднее Араки, в 1568 г. получил «незамысленную» землю, которую ему еще только предстояло поставить под свой контроль. В «Хосокава рё:кэ ки» говорится, что Со:тай (Мацунага Хисахидэ) Ямато была предоставлена на условиях *киритори сидай* (切取次第), т.е. он должен был «завоевать» ее сам (Хосокава 1928: 451; Тамонъин 1935, 5/10/Эйроку 11: 91). К тому же это было пожалование от сёгуна Асикага Ёсиаки (хотя и согласованное с Нобунага), вассалом которого стал Мацунага.

Л. Фройш, так же как и О:та Гю:ити, указывает, что Араки Мурасигэ благодаря Нобунага стал владельцем провинции Сэтцу, получил от него славу, честь и положение. По сообщению миссионера, Мурасигэ опасался, что позднее Нобунага может вернуть обратно предоставленные владения. По сведениям португальского иезуита, большое влияние на позицию Мурасигэ оказали его главные вассалы. На созданном совете они будто бы пришли к единодушному мнению: выступление против Нобунага — для их господина не только верный способ сохранить нынешнее положение, но и кратчайший путь к владычеству над всей Японией (Мацуда 2000б: 35–36). Можно допустить, что данные Фройша в значительной мере соответствуют действительности. Нобунага мог перераспределять владения среди вассалов, переводить их из одного места в другое, или же вовсе отбирать пожалованные земли. Не исключено, что Мурасигэ в самом деле боялся утратить статус властителя Сэтцу, который не был в чистом виде «пожалованием», а был завоеван самим Мурасигэ. Таким образом, судя по всему, Мурасигэ перед войной с Нобунага заручился и одобрением своих людей¹⁴.

Фройш также пишет, что только Такаяма Укон предостерегал господина против измены (Мацуда 2000б: 36–39). На новом совете он будто бы призвал Мурасигэ вместе с сыном и вассалами явиться к Нобунага, повиниться перед ним и получить прощение (Там же: 37)¹⁵. После этого Мурасигэ и его сын, убежденные красноречием

¹⁴ Рассчитывали ли вассалы Араки, что он сможет сделаться властелином Поднебесной? Данное сообщение Фройша выглядит несколько сомнительным. Мурасигэ вступил в альянс с могущественными силами — Мо:ри Тэрумото, Одзака Хонгандзи и сёгуном — и стал «младшим союзником», ожидавшим, как следует из клятвенной грамоты Кэннё, от них «пожалований».

¹⁵ Это совещание состоялось вскоре после прибытия Мацуи Ю:кан и Мамми Сигэмото, эмиссаров Нобунага, в замок Ариока в последней декаде 10-й луны 6-го года Тэнсё: (1578). Их имена упоминаются в увещеваниях, приписываемых в «Истории Японии» Такаяма Укон. О совещании «старейших вассалов» (*тосиёридомо* 年寄共) рассказывается и в «Татэри Сакё:но сукэ ню:до Рю:са ки» (Татэри 1906: 279).

Укон, не дожидаясь, пока совет вассалов придет к единогласному мнению, спешно покинули замок и направились к Нобунага. Однако оставшиеся в Ариока высокопоставленные вассалы послали к Мурасигэ, уже находившемуся в замке Ибараки, гонца, который передал следующее: они не намерены сохранять союз с Нобунага, и, если Мурасигэ не вернется, они закроют перед ним ворота замка и найдут нового владельца земли Сэтцу. После этого Мурасигэ возвратился в Ариока и объявил себя врагом Нобунага (Там же: 39)¹⁶. Примечательно, что в записях придворного Татэри Мунэцугу (1528–1622) «Татэри Сакэ:-но сукэ ню:до Рю:са ки» (立入左京亮入道隆佐記, «Записи Рю:са, вступившего на путь Татэри Сакэ:-но сукэ»)¹⁷ также говорится, что Такаяма Укон вместе с отцом Такаяма Хида-но kami резко возражал против конфликта с Нобунага и оказался в оппозиции ко всем остальным вассалам Араки Мурасигэ (Татэри 1906: 279). Тем самым сведения об «особом мнении» Такаяма Укон и единстве остальных военачальников Араки, приводимые Фройшем, скорее всего достоверны.

Данные из «Истории Японии» и записей Татэри Мунэцугу о колебаниях Мурасигэ, а также о давлении на него видных вассалов заслуживают серьезного внимания¹⁸. Эти сведения заставляют предположить, что многие вассалы Мурасигэ, влиятельные самураи Сэтцу, поддерживали связи с домом Мо:ри и Одзака Хонгандзи и им симпатизировали. Возможно, по этой причине почти все они и высказались за разрыв с Нобунага.

Араки Мурасигэ отпал от Нобунага, поскольку потерял уверенность в своем будущем, считает Танигути. Нобунага передал его функции командующего в военной кампании против Одзака Сакума Нобумори, а на направлении Тю:гоку (Западная Япония) — Хасиба Хидэёси (Танигути 2010: 35). Аmano также связывает измену Мурасигэ с несправедливостью «кадровой политики» Нобунага, который всегда отдавал предпочтение при назначениях на командные посты выходцев из родной для него провинции Овари (Аmano 2017: 52). До конца 10-й луны 5-го года Тэнсё Мурасигэ выстраивал отношения с самураями провинции Харима, т.е. был главным «куратором» Харима. Нобунага, доверив Хидэёси роль главного исполнителя своей воли в Харима, проигнорировал тем самым прежние заслуги Араки (Там же: 45). Когда

¹⁶ Согласно «Истории Японии», сёгун Асикага Ёсиаки, Мо:ри Тэрумото и верховный настоятель Одзака, желая воодушевить Мурасигэ, пообещали ему пять провинций (Мацуда 2000б: 39). Эти данные лишь отчасти подтверждаются документами (см. вышеуказанную клятвенную грамоту Кэннэ), очевидно, что их посулы Мурасигэ не были столь щедрыми.

¹⁷ В «Татэри Сакэ:-но сукэ ню:до Рю:са ки» содержится описание некоторых событий с годов девиза правления Тэнсё: (1573–1593) до годов девиза правления Бунроку (1593–1596). Придворный чиновник Татэри Мунэцугу был их очевидцем, в частности, входил в миссию, отправленную с императорским указом в Одзака для заключения мира с Нобунага (см. выше).

¹⁸ Фройш, непосредственный свидетель происходившего, был неплохо информирован, хотя, возможно, он и был заинтересован в том, чтобы представить христианского даймё как благоразумного и верного своему созерену самурая. Согласно «Татэри Сакэ:-но сукэ ню:до Рю:са ки», Араки Мурасигэ, направившегося в Адзуги с целью оправдаться перед Нобунага, отговорил от этого шага его вассал Накагава Киёхидэ, владелец замка Ибараки. Киёхидэ якобы убедил Араки встретить врага в битве вместо «собачьей смерти» (совершения *сэитсуку*) в Адзуги, после чего тот вернулся в Ариока и решился на открытое противостояние с Нобунага (Татэри 1906: 279). Танигути считает эту информацию недостоверной. Клятвенная грамота верховного настоятеля Хонгандзи с перечнем обещаний Мурасигэ свидетельствует о том, что Араки заранее обговорил с врагами Нобунага условия своей «измены» (Танигути 2010: 35). Однако нельзя исключать того, что Араки мог колебаться и действительно отправился просить Нобунага о прощении, как об этом пишут и Л. Фройш и Татэри. Вероятно, Мурасигэ готов был появиться в Адзуги в расчете на помилование, однако видные вассалы (возможно, за исключением Такаяма Укон) убедили его этого не делать.

Нобунага поручил Хасиба Хидээси руководить покорением Харима и шире — всей области Тю:гоку, Мурасигэ, видимо, посчитал себя обойденным Хидээси, соглашается Кирино (Кирино 2011: 462). Канэко Хираку в целом придерживается близкой точки зрения: бунт Араки вызван его недоверием к стратегии Нобунага в области Тю:гоку, а также недовольством своим положением в доме Ода (Канэко 2017: 147). Со своей стороны Фудзита Тацуо склонен рассматривать мятеж Мурасигэ и другие выступления против Нобунага в Западной Японии (области Сайгоку) в 1576–1578 гг. в несколько ином ракурсе — не как единичные и обособленные инциденты, а как часть стратегии Асикага Ёсиаки, целью которой был поход на Киото (Фудзита 2014: 85).

Концепция, выдвинутая Танигути, развитая и поддержанная другими японскими учеными, выглядит вполне правдоподобной. При этом можно допустить, что личная обида на Нобунага и Хасиба Хидээси усугублялась опасением Мурасигэ потерять положение властителя Сэтцу. Как уже говорилось, о страхе Мурасигэ лишиться Сэтцу упоминал Л. Фройш. По всей видимости, сведения португальского миссионера косвенно подтверждаются вышеуказанной грамотой Кэннэ, в которой первосвященник Хонгандзи заявлял об отсутствии притязаний на владения Мурасигэ в Сэтцу. Не боялся ли Мурасигэ, лишившись положения главного посредника Нобунага в Харима, вслед за этим утратить и землю Сэтцу? В такой ситуации обещания сёгуна, Одзака Хонгандзи и дома Мо:ри становились для Мурасигэ весьма заманчивыми. Асикага Ёсиаки, безусловно, стремился к реваншу и жаждал возвращения в столицу. Однако едва ли можно сказать, что Араки Мурасигэ решился на войну с Нобунага, желая доказать свою преданность сёгуну — в 1573 г. он присоединился к армии Нобунага, штурмовавшей Макиносима.

Между тем О:та Гю:ити ничего не пишет о причинах мятежа Араки Мурасигэ, который предстает на страницах хроники предателем, без веских причин взбунтовавшимся против своего сюзерена. Напротив, Нобунага выглядит совсем иначе. Согласно «Записям», Нобунага не может поверить в предательство и отправляет к Араки посланцев, пытаясь выяснить его истинные намерения, а также разрешить возникший конфликт: «Отовсюду докладывали, что Араки Сэтцу-но kami замыслил измену. Сочтя [это] неправдой, [князь Нобунага] изволил передать через Кунайкё:-но Хо:ин, Корэто: Хю:га-но kami и Мамми Сэнтиё: „Чем [вы] недовольны? Коли доложите о своих обидах, распоряжусь [все уладить]“». Тогда [Араки] передал [через посланцев], что [у него] нет никаких изменнических помыслов. [Его милость] возрадовался и повелел: „Соизвольте отправить в заложники вашу почтенную мать, и раз предательства нет, предстаньте [передо мной]“». Однако [он] не пришел, поскольку задумал мятеж». Далее Гю:ити рассказывает о повторной безуспешной попытке Нобунага урегулировать возникшие противоречия (О:та Гю:ити 1996: 254–255).

Вместе с тем многими современниками поступок Мурасигэ отнюдь не воспринимался как предательство. Так, Кобаякава Такакагэ, высокопоставленный вассал и родственник даймё: Мо:ри Тэрумото, в одном из своих писем (14/11/Тэнсё: 6) называл действия Араки и его вассалов «беспримерным преданным служением» сёгуну (ко:ги 広儀) (Мо:ри-кэ 1922: № 834, 44). Как известно, Асикага Ёсиаки, изгнанный Нобунага из Киото в 1573 г., в 1576 г. обосновался в уделе Мо:ри — в Томо в провинции Бинго. Он сохранил свою должность, на которую в 1568 г. был назначен указом императора О:гимати. Пребывание сёгуна в Бинго позволило дому Мо:ри использовать престиж его власти для борьбы с Нобунага. Араки Мурасигэ, как и другие недовольные и разочарованные своим господином вассалы Нобунага, мог формально оправдывать

свой разрыв с ним желанием выказать преданность Асикага Ёсиаки (и не выглядеть предателем в глазах многих других самураев).

Сходным образом в хронике О:та Гю:ити представлен мятеж отца и сына Мацунага — Хисахидэ и Хисамити, влиятельных магнатов провинции Ямато, против Нобунага (1577). Об их побудительных мотивах в «Записях» Гю:ити умалчивает. Нобунага направляет к ним эмиссаров, так же как позднее — к Араки Мурасигэ. «[Князь Нобунага] оставил Мацунага Дандзэ: и [его] сына Уэмон-но сукэ [во главе] гарнизона противостоявшего Одзака форта Тэнно:дзи, но в 8-ю луну, 17-й день [они] подняли мятеж, ушли из крепости и заперлись в замке Сиги в [провинции] Ямато. В чем причина, коли поведаете о [своей] обиде, распорядюсь [об исполнении] [вашего] желания, изволил спросить [князь Нобунага] через Кунайкэ:-но хо:ин. Но [они уже] решились на крамолу и потому не явились», — рассказывает О:та Гю:ити (О:та Гю:ити 2020: 150–151). Гю:ити не объясняет причины их измены. В то же время властитель Адзути выглядит «участливым» и «отзывчивым» сюзереном, который через посредников пытается договориться со строптивым вассалом¹⁹. Между тем мятежу Мацунага предшествовал демонтаж их бывшего замка-резиденции Тамонъяма, отобранного Нобунага. Материалы ее знаменитой четырехъярусной главной башни (*тэнсю*) затем были использованы при строительстве нового замка Нобунага на горе Адзути. Тем самым, по оценке Аmano, Нобунага «растоптал» честь Мацунага (Аmano 2018: 263–264).

Предательство Араки автор хроники называет «небесной карой», постигшей его (*тэмбацу* 天罰). Взбунтовавшийся властитель Сэццу напрасно рассчитывал на то, что надежные замки Такацуки и Ибараки помешают Нобунага, пишет О:та Гю:ити. Вопреки его замыслам Накагава Киёхидэ и Такаяма Укон, «слывшие посохом и столпом [Араки], перешли на сторону [князя Нобунага]». Гю:ити отмечает: «И хотя не ведал тогда [Араки], что [все] так обернется, [князь Нобунага] беспрепятственно перенес свою ставку в Кояно, приказал взять в плотное кольцо Итами и встать лагерем» (О:та Гю:ити 1996: 299). Таким образом, для О:та Гю:ити поражение Араки и победа Нобунага предопределены, Араки тщетно уповал на свое могущество, его измена, согласно Гю:ити, это наказание, ниспосланное высшими силами, которые, как подразумевается в тексте «Записей», наоборот благоволят и покровительствуют Нобунага. Несмотря на неожиданное отпадение Араки, положение дел складывается таким образом, что войско властителя Адзути вскоре оказывается у стен замка Ариока.

Поражение и гибель в охваченной огнем главной башне Мацунага Хисахидэ в хронике представлены как кара божественных сил. Хисахидэ постигло воздаяние за совершенное за 10 лет до этого, в 1567 г., «злодейство» — сожжение Зала Великого Будды в монастыре То:дайдзи. О:та Гю:ити приписывает череду необыкновенных событий, которые привели Хисахидэ к ужасному концу, воле «светлого божества» святилища Касуга в Нара: «[Преодолев] с легкостью высокие горы и кручи, где поистине места нет, чтобы зверю ступить или [сесть] птице, Дзэ:-но сукэ Нобутада, [с] большим *татэмоно*²⁰ [в виде] оленьих рогов, водруженном высоко [на шлеме], изволил напасть [на замок]. Всегда слышший человеком весьма рассудительным, Ма-

¹⁹ В «Тайко: сама гунки-но ути» Гю:ити указывает, что Мацунага счел недостаточным пожалование Нобунага половины провинции Ямато и выступил против него в разгар противостояния властителя Адзути с Одзака Хонгандзи. Однако к 1577 г. Мацунага Хисахидэ утратил прежнее привилегированное положение в Ямато после конфликта с Нобунага.

²⁰ Большое *татэмоно* (о:татэмоно 大立物) — украшение больших размеров, прикрепленное к шлему воина. В данном случае оленьи рога.

цунага замыслил напрасный [мятеж], [а затем] бросился в бушующий огонь, его родичи и служилые люди сгорели вместе [с ним]. Явление „звезды-гостя“, нападение [князя Нобутада в шлеме] с *татэмоно* [в виде] оленьих рогов, совпадение месяца, дня и часа [со временем] обращения в пепел Зала Великого Будды — всецело деяния светлого божества Касуга²¹, [в трепете] обомлели все» (О:та Гю:ити 2020: 156–157). Таким образом, Хисахидэ представлен «святоятатцем», на которого обрушивается возмездие высших сил²².

Вместе с тем в «Тайко: сама гунки-но ути» Гю:ити возлагает на Мацунага Хисахидэ ответственность за целый ряд «злодеяний», в том числе за нападение на резиденцию сёгуна Асикага Ёситэру в 1565 г. и его самоубийство. Гю:ити также уверен, что Хисахидэ «безжалостно» отравил своего господина Миёси Нагаёси, презрев благодеяния (*онко* 恩顧), полученные от него. Позднее Нобунага «предоставил» Хисахидэ половину земли Ямато. Но Хисахидэ посчитал, что этого мало, забыл о милостях Нобунага и примкнул к Одзака Хонгандзи (О:та Гю:ити: 1965: 169–170).

Таким образом, поражение Мацунага и Араки, согласно мысли О:та Гю:ити, предрешено. Они — мятежники, пренебрегшие милостями, оказанными господином, и дерзнувшие бросить ему вызов. Тем самым О:та Гю:ити изображает их отступниками, посягнувшими на основополагающие для средневековой Японии устои — должные отношения вассала и сюзерена, в рамках которых первый обязан второму за благодеяния преданной службой²³. Нарушение этого принципа противно Пути неба (*тэнто*: 天道)²⁴, вследствие чего обоих «отступников» постигает кара свыше.

Араки Мурасигэ, располагавший Ариока и другими превосходно укрепленными замками в провинции Сэтцу, при поддержке союзников, по-видимому, надеялся навязать Нобунага затяжную борьбу. Однако он переоценил лояльность собственных полководцев и их готовность к войне с властителем Адзуты, который по своему обыкновению действовал быстро, не позволяя противнику опомниться. Уже в 11-й луне 6-го года Тэнсё: (1578) спустя примерно месяц спустя после открытого неповиновения Мурасигэ Нобунага удалось переманить на свою сторону Такаяма Укон и Накагава Киёхидэ, владетелей Такацуки и Ибараки, двух мощных крепостей Сэтцу (О:та Гю:ити 1996: 256, 258), что открыло ему путь к нападению на Ариока, замок-резиденцию Мурасигэ. После неудачного штурма замка в 12-й луне 6-го года Тэнсё:, когда погиб Мамми Сигэмото, видный приближенный Нобунага, «объединитель Японии» приступил к планомерной осаде, сжимая вокруг Ариока кольцо блокады и рассчитывая взять замок измором. По приказу Нобунага с четырех сторон вокруг крепости выкопали ров и обнесли ее «надежной стеной и оградой в два-три ряда». «Поистине [осажденные] не отличались от птиц в клетке», — отмечает Гю:ити (Там же: 300).

²¹ Светлое божество Касуга (*Касуга мё:дзин* 春日明神) — вероятно, имеются в виду синтоистские божества, почитавшиеся в Касуга тайся, родовом святилище клана Фудзивара, расположенном неподалеку от храма То:дайдзи в Нара.

²² Аmano обоснованно усомнился в доказанности обвинения против Мацунага Хисахидэ в поджоге Зала Великого Будды. Пожар случился во время военного противостояния войск Мацунага и трех вассалов Миёси, а узнать, кто именно был его виновником, в настоящее время невозможно (Аmano 2018: 218–219).

²³ Так называемый принцип «обмена» *гоон* (御恩) — милостей и покровительства господина на *хо:ко*: (奉公) — преданную службу вассала.

²⁴ «Путь неба» — согласно представлениям японцев периода Сэнгоку, божественная сила (своего рода провидение), оценивающая деяния людей, направляющая их судьбы и карающая за неповиновение.

В конечном счете эта тактика оправдала себя. Дом Мо:ри не оказал обещанной помощи. Запасы продовольствия подходили к концу, и Мурасигэ предложил защитникам план отступления из крепости, а в случае его провала допустил сдачу замков Ханакума и Амагасаки. Однако во 2-й день 9-й луны 7-го года Тэнсё: (1579) под покровом ночи в сопровождении пяти-шести человек сам он скрытно выбрался из Ариока и перешел в замок Амагасаки. Как пишет Гю:ити, после этого воины замка «еще больше отчаялись» (Там же: 301). Л. Фройш сообщает: Араки был уверен, что Нобунага его ни за что не пощадит, и потому задумал бежать втайне от вассалов. О своих намерениях он рассказал лишь родственникам и военачальникам, которым доверил замок, чтобы при этом остальные вассалы не заметили его бегства²⁵. Однако главные вассалы Мурасигэ осознали, что он утратил решимость сражаться, а у них нет сил для дальнейшего сопротивления. Они начали переговоры с Нобунага, чтобы спасти себя и родственников (Мацуда 2000б: 71).

В последующие века утвердилось мнение о том, что Мурасигэ покинул Ариока, чтобы затем отплыть на корабле из Амагасаки во владения дома Мо:ри. Однако можно согласиться с Танигути: это не соответствовало истинным намерениям Мурасигэ, на самом деле он отправился в Амагасаки, чтобы лично просить о помощи Кацура Мотомаса, вассала Мо:ри. Более того, он после этого более полугода оставался в осажденном замке (Танигути 2010: 36). Вероятно, Мурасигэ надеялся встретиться там с полководцами дома Мо:ри и обеспечить скорейшее оказание военной помощи гарнизону Ариока (Кирино 2011: 478, 479). В 11-й день 9-й луны он послал из Амагасаки письмо Номи Мунэкацу (1527–1592), вассалу Мо:ри, в котором сообщал о малочисленности гарнизона Амагасаки, насчитывавшего не больше 600–700 человек, и просил прислать подмогу. Сходное по содержанию послание Мурасигэ в тот же день направил и двум самураям из союза Сайка-сю: (Аmano 2017: 67–68). Аmano Тадаюки, оправдывая поступок Мурасигэ, считает, что в тот момент замок Амагасаки подвергался большей угрозе, чем Ариока. Падение Амагасаки ухудшило бы положение как Ариока, так и крепости Одзака. Таким образом, переместившись в Амагасаки, Мурасигэ стремился сохранить линию обороны против сил Ода Нобунага (Там же: 69). Вряд ли можно безоговорочно согласиться с подобной точкой зрения: замок Амагасаки продержался еще почти полгода и пал в 1580 г. уже после захвата Ариока армией Нобунага. Араки Мурасигэ не смог добиться помощи от союзников для Ариока, а сам его уход, хотел он того или нет, ускорил падение замка. О снижении морального духа осажденных после его перемещения в Амагасаки упоминает не только О:та Гю:ити, но и Л. Фройш. В 15-й день 10-й луны — меньше чем через полтора месяца три командира *асигару* (*асигару тайсё:*) Хосино, Ямаваки, Оки перешли на сторону Нобунага,пустили его воинов в цитадель Дзё:ро:дзука, был захвачен обнесенный внешними укреплениями город, лишь главная башня еще не была взята (О:та Гю:ити 1996: 301).

Как известно, после падения замка Ариока по приказу Нобунага состоялись жестокие казни заложников из замка Ариока. О:та Гю:ити возлагает главную ответственность за их ужасную судьбу на Араки Мурасигэ, который, по словам хрониста, не передал замки Амагасаки и Ханакума, несмотря на увещевания вассалов и требования, выдвинутые Нобунага. Араки изображен низким и безжалостным, как и его главнейшие вассалы, отправившиеся на переговоры с ним и затем бросившие своих

жен и детей в Ариока. «Ныне [Араки Мурасигэ] не передал [князю Нобунага] Амага-саки и Ханакума, [его] именитые вассалы бросили жен, детей и братьев, спасая каждый себя самого, — дела, в прежние времена неслыханные» (О:та Гю:ити 1996: 296). Однако отдать оба замка Араки не мог без согласия союзников — в первую очередь дома Мо:ри. Л. Фройш пишет, что он не откликнулся на уговоры вассалов, пришедших из Ариока, после того как посоветовался с монахами Одзака, которые наотрез отказались принять выдвинутые условия (Мацуда 2000б: 70).

Автор «Записей» выразительно описывает отчаяние, охватившее заложников, тем самым подчеркивая «бесчестность» и «подлость» действий Араки, ставших причиной их страданий: «Множество жен и детей, узнав об этом, [не могли понять], сон это или явь? Горе разлуки с любимыми, [которое] теперь впервые [довелось им испытать], верно, не сравнить ни с чем. „Что же [делать] после этого“, — сетовали [они]. [Среди заложников] были и [женщины], державшие на руках маленьких детей, и беременные. Мучаясь и страдая, [они] во весь голос скорбели и рыдали — [зрелище], нестерпимое для глаз». Узнавший об этом Нобунага, согласно хронике Гю:ити, испытал жалость. Однако слова хрониста о «сострадании» его господина скорее всего должны в какой-то мере сгладить впечатление от дальнейшего рассказа о жестоких казнях и еще раз подчеркнуть, что Нобунага решился на них ради необходимости — для устрашения потенциальных изменников: «Дошло об этом до слуха [князя Нобунага], [и он] с жалостью думал [о них], но в назидание криводушным отдал в Ямадзаки подробные распоряжения о казни заложников. Стало известно, что [князь Нобунага] намерен казнить родичей Араки в Киото» (О:та Гю:ити 1996: 296–297). Далее в хронике следует описание жестокой расправы, устроенной Нобунага.

Гю:ити подробно описывает казни заложников и пленников в столице и провинции Сэтцу. Изображение осады замка Ариока и последующих казней в свитке XII отличается от стиля изложения, присущего большей части «Записей». Осажденные в Ариока гибли в стычках с врагами, но так и не получили помощи Мо:ри Тэрумото. Их охватило уныние и отчаяние. Гю:ити рассказывает и о последних часах приговоренных Нобунага к казни знатных женщин из дома Араки: их страдания, а также достоинство и невозмутимость, с которыми они встретили смерть. В свитках XI и XII «Записей» помещены стихотворения, которыми обменивался покинувший замок Араки с женой Даси и другими родичами, а также предсмертные стихи, сложенные Даси и некоторыми другими заложниками. В данных фрагментах Гю:ити отступает от характерного для его летописи лаконичного стиля, изображая душевные переживания обреченных на гибель людей. Его текст в некоторой степени сближается с «Повестью о доме Тайра» и другими «классическими» военными повестями, в которых столь много места занимает описание внутреннего мира и эмоций героев.

Автор хроники не пытается умолчать о подробностях беспощадной и лютой казни. Он пишет: «[Столь] многочисленные казни свершились впервые с глубокой древности». Однако он винит в случившемся Мурасигэ: «Из-за содеянного одним Араки, несчетное число членов [его] дома, родичей, [его вассалов] высокого и низкого положения [из-за] расставания с четырьмя птицами пролили кровавые слезы. И не было тех, кто бы [от ужаса] не онемел, [подумав]: „Как страшна злоба всех [этих] людей“» (О:та Гю:ити 1996: 306). Примечательно, что в свитке X, повествуя о казни юных сыновей Мацунага Хисамити, Гю:ити не упрекает в ней Нобунага, отмечая при этом как выдержку и мужество казнимых, так и сочувствие сторонних свидетелей этой расправы.

Заключение

Таким образом, в хронике «Синтё:-ко: ки» Араки Мурасигэ изображен весьма пристрастно, несмотря на общую хронологическую точность и высокую достоверность сочинения О:та Гю:ити. Перед глазами читателя возникает образ коварного предателя и неблагодарного вассала, поднявшего бунт против щедрого и мудрого господина — Ода Нобунага. Так же Гю:ити изображает и Мацунага Хисахидэ. В хронике победа Нобунага, которому покровительствуют высшие силы, детерминирована с самого начала. «Беспутный злодей», покусившийся на нерушимые принципы, связывающие господина и вассала, обречен на поражение. Гю:ити не скрывает нечеловеческой жестокости казней, проведенных по приказу Нобунага, но возлагает ответственность за них на Араки Мурасигэ. В целом портрет «предателя» используется в «Записях», чтобы подчеркнуть могущество «объединителя Японии» и неминуемость его триумфа над недругами, а также очернить его недругов. При этом возникают неизбежные aberrации: один из главных вассалов влиятельного военного дома превращается в выходца из «холопов», автор хроники не упоминает о мотивах, толкнувших Мурасигэ на восстание, о которых Гю:ити вполне мог быть осведомлен и т.д.

Литература

- Аmano 2017 — *Аmano Тадаюки* 天野忠幸. Араки Мурасигэ 荒木村重. Токио: Эбису ко:сё: сьуппан, 2017.
- Аmano 2018 — *Аmano Тадаюки* 天野忠幸. Мацунага Хисахидэ то гэкокудзё: Муромати-но мибун тицудзё-о куцугэсу 松永久秀と下克上. 室町の身分秩序を覆す (Мацунага Хисахидэ и «ниспровержение верхов низами». Низвержение статусного порядка [эпохи] Муромати). Токио: Хэйбонся, 2018.
- Анкокудзи — Письмо Анкокудзи Экэй, адресованное Ямагата Этидзэн-но kami и Иноуэ Харутада. Киккавакэ мондзё 吉川家文書 (Документы дома Киккава). 12/12/ Тэнсё: 1 // Дайнихон сирё: 大日本史料 (Материалы по истории великой Японии). Ч. 10. Т. 18. С. 393. URL: <https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/image/idata/850/8500/02/1018/0393.tif> (дата обращения: 27.01.2021).
- Асикага 1906 — Асикага кисэй ки 足利季世記 (Записи о последних временах Асикага) // Кайтэй сисэки сю:ран 改定史籍集覽 (Исправленное собрание исторических книг). Т. 13. Токио: Кондо: сьуппамбу, 1906. С. 132–264.
- Вакита 1975 — *Вакита Осаму* 脇田修. Ода сэйкэн-но кисо ко:дзо:. Сёкухо: сэйкэн-но бунсэки 織田政権の基礎構造. 織豊政権の分析 (Фундаментальное исследование политической власти Ода. Анализ политической власти Ода и Тоётоми). Т. 1. Токио: То:кё: дайгаку сьуппанкай, 1975.
- Дзо:тэй 1988a — Дзо:тэй Ода Нобунага мондзё-но кэнкю: 増訂 織田信長 文書の研究 (Исследование документов Ода Нобунага. Расширенное и исправленное издание). Т. 1 / Сост. и коммент. Окуно Такахио 奥野高廣. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1988.
- Дзо:тэй 1988b — Дзо:тэй Ода Нобунага мондзё-но кэнкю: 増訂 織田信長 文書の研究 (Исследование документов Ода Нобунага. Расширенное и исправленное издание). Т. 2 / Сост. и коммент. Окуно Такахио 奥野高廣. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1988.
- Икэгами 2012 — *Икэгами Хироко* 池上裕子. Ода Нобунага 織田信長. Токио: Ёсикава ко:бункан, 2012.
- Икэда-си — Икэда-си кафу сю:сэй 池田氏家譜 (Собрание [материалов по] родословной рода Икэда) // Дайнихон сирё: 大日本史料 (Материалы по истории великой Японии). Ч. 10. Т. 6.

- С. 783. URL: <https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/image/idata/850/8500/02/1006/0783.tif> (дата обращения: 27.01.2021).
- Иматани 2002 — Иматани Акира 今谷明. Нобунага то тэнно: Тю:сэйтэки кэнби ни идому хао: 信長と天皇. 中世的権威に挑む覇王 (Нобунага и император. Властелин, бросающий вызов средневековым авторитетам). Токио: Ко:данся, 2002.
- Интоку — Интоку Тайхэйки 陰徳太平記 // Дайнихон сирё: 大日本史料 (Материалы по истории великой Японии). Ч. 10. Т. 25. С. 144. URL: <https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/image/idata/850/8500/02/1025/0144.tif> (дата обращения: 27.01.2021).
- Канэко 2017 — *Канэко Хиразу* 金子拓. Ода Нобунага. Фукиё: сугита тэнкабито 織田信長. 不器用すぎた天下人 (Ода Нобунага. Слишком неумелый повелитель Поднебесной). Токио: Кавадэ сёбо: синся, 2017.
- Кирино 2011 — *Кирино Сакудзин* 桐野作人. Ода Нобунага. Сэнгоку сайкё: но гундзи карисума 織田信長. 戦国最強の軍事カリスマ (Ода Нобунага. Сильнейшая военная харизма [периода] Сэнгоку). Токио: Синдзинбуцу о:райся, 2011.
- Ламерс 2012 — *Ламерс Й.П.* Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага / Пер. с англ. Р.В. Котенко. СПб.: Евразия, 2012.
- Мацуда 2000а — *Мацуда Киити* 松田毅一, *Кавасаки Момота* 川崎桃太. Канъяку Фурайсу Нихон-си 完訳フロイス日本史 (Полный перевод «Истории Японии» Фройша). Т. 2. Ода Нобунага 織田信長 II. Токио: Тю:о:ко:рон синся, 2000.
- Мацуда 2000б — *Мацуда Киити* 松田毅一, *Кавасаки Момота* 川崎桃太. Канъяку Фурайсу Нихон-си 完訳フロイス日本史 (Полный перевод «Истории Японии» Фройша). Т. 3. Ода Нобунага 織田信長 III. Токио: Тю:о:ко:рон синся, 2000.
- Мо:ри-кэ 1922 — Мо:ри-кэ мондзё 毛利家文書 (Документы дома Мо:ри). Ч. 3. Дайнихон комондзё. Из вакэ 大日本家文書. 家分け (Древние документы великой Японии. Дома) Т. 8. Токио: То:кё: тэйкоку дайгаку, 1922.
- Накагава — Накагава кафу обозгаки 中川家譜覚書 (Памятная записка о родословной Накагава) // Дайнихон сирё: 大日本史料 (Материалы по истории великой Японии). Ч. 10. Т. 6. С. 789. URL: <https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/image/idata/850/8500/02/1006/0789.tif> (дата обращения: 27.01.2021).
- О:та Гю:ити 1965 — *О:та Гю:ити* 太田牛一. Тайко: сама гунки-но ути 大かうさまくんきのうち (Из военных записей о его светлости Тайко:) // Тайко: сирё:-сю:. 太閤史料集 (Собрание исторических материалов [относящихся к] Тайко:)] / Комментар. Кувата Тадатика 桑田忠親. Токио: Синдзинбуцу о:райся, 1965. С. 147–224.
- О:та Гю:ити 1996 — *О:та Гю:ити* 太田牛一. Синтё:-ко: ки 信長公記 (Записи о князе Нобунага) / Комментар. Ивасава Ёсихико 岩沢 愿彦, Окуно Такахио 奥野高廣. 9-е изд. Токио: Кадокава сётэн, 1996.
- О:та Гю:ити 2020 — *О:та Гю:ити*. Записи о князе Нобунага. Свиток X / Вступит. статья, пер. и комментарий. *С.А. Полхова* // Человек и культура Востока. Исследования и переводы 2020 / Сост. и отв. ред. В.Б. Виноградская. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 126–171.
- Сэкай 2007 — Сэкай дайхякка дзитэн 世界大百科事典 (Мировая энциклопедия) / Ред. Като: Сюити 加藤周一. Изд. на CD ROM. Хэйбонся, 2007.
- Сэнгоку 2006 — Сэнгоку дзиммэй дзитэн. Компакуто хан 戦国人名事典 コンパクト版 (Словарь имен периода Сэнгоку. Компактное издание) / Ред. Абэ Такэси 阿部猛, Нисимура Кэйко 西村圭子. Токио: Син дзинбуцу о:райся, 2006.
- Тамоньин 1935 — Тамоньин никки 多聞院日記 (Дневник Тамоньин). Т. 2 / Сост. Цудзи Дзэнносукэ 辻善之助. Токио: Санкё: сёин, 1935.
- Танигути 2010 — *Танигути Кацухиро* 谷口克広. Ода Нобунага касин дзиммэй дзитэн 織田信長家臣人名事典 (Словарь имен вассалов Ода Нобунага). 2-е изд. Токио: Ёсикава ко:бункан, 2010.
- Татэри 1906 — Татэри Сакё:-но сукэ ню:до: Рю:са ки 立入左京亮入道隆佐記 (Записи Рю:са, вступившего на путь Татэри Сакё:-но сукэ) // Кайтэй сисэки сю:ран 改定史籍集覽 (Исправленное собрание исторических книг). Т. 13. Токио: Кондо: сюппамбу, 1906. С. 279–287.

- Тё:он — Тё:он 朝恩 (Государева милость) // Сэйсэнхан Нихон кокуго дайзитэн 精選版日本国語大辞典 (Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]). Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%9C%9D%E6%81%A9-568127> (дата обращения: 27.01.2021).
- Тидзива — *Тидзива Итару* 千々和到. Кэппан 血判 // Нихон дайхякка дзэнсё (Ниппоника) 日本大百科全書(ニッポニカ) (Полная энциклопедия Японии. Ниппоника). URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%A1%80%E5%88%A4-59716> (дата обращения: 27.01.2021).
- Токицугу-кё: ки 1915 — Токицугу-кё: ки 言継卿記 («Записи князя Токицугу»). Т. 4. Токио: Кокусё канко:кай, 1915.
- Фудзита 2014 — *Фудзита Тацуро* 藤田達生. Тэнка то:ицу. Нобунага то Хидэёси-о наситогэта какумэй 天下統一. 信長と秀吉を成し遂げた「革命」(Объединение Японии. Революция, осуществленная Нобунага и Хидэёси). Токио: Тю:о:ко:рон синся, 2014.
- Фукусима 2009 — *Фукусима Кацухико* 福島克彦. Кинай кингоку-но сэngoку кассэн. Сэнсо:но Нихон си 11 畿内近国の戦国合戦. 戦争の日本史 11 (Сражения [периода] Сэнгоку в [области] Кинай и ближних провинциях. История Японии в войнах 11]. Токио: Ёсикава Ко:бун-кан, 2009.
- Хосокава 1928 — Хосокава рё:кэ ки 細川両家記 (Записи о двух домах Хосокава) // Синко: гунсё руйдзю: 新校群書類従 (Вновь исправленное тематическое собрание различных книг). Т. 16. Токио: Найгай сёсэки, 1928. С. 414–458.
- Эбисава — *Эбисава Аримити* 海老沢有道. Такаяма Укон 高山右近 // Нихон дайхякка дзэнсё (Ниппоника) 日本大百科全書(ニッポニカ) (Полная энциклопедия Японии. Ниппоника). Сёгакукан. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%AB%98%E5%B1%B1%E5%8F%B3%E8%BF%91-92796> (дата обращения: 27.01.2021).
- Ясокайси 1928 — Ясокайси Нихон цу:син 耶蘇会士日本通信 (Сообщения иезуитов из Японии). Т. 2 / Пер. Мураками Наодзиро: 村上直次郎, коммент. Ватанабэ Ёсукэ 渡辺世祐. Токио: Суннанся, 1928.
- Cartas 1598 — Cartas que os padres e irmãos da Companhia de Iesus escreverão dos Reynos de Iapão & China aos da mesma Companhia da India, & Europa, desde anno de 1549 até o de 1580. Primeiro tomo. Evora: Manoel de Lyra, 1598. URL: http://purl.pt/15229/3/res-401-v/res-401-v_item4/index.html#/1 (дата обращения: 27.01.2021).
- The Chronicle 2011 — The Chronicle of Lord Nobunaga by Ōta Gyūichi / Transl. and ed. by J.S.A. Elisonas and J. P. Lamers. Boston–Leiden: Brill, 2011.

References

- Amano Tadayuki 天野忠幸. *Araki Murashige* 荒木村重. Tokyo: Ebisu kōshō shuppan, 2017 (in Japanese).
- Amano Tadayuki 天野忠幸. *Matsunaga Hisahide to gekokujō. Muromachi-no mibun chitsujo o kutsugaesu* 松永久秀と下克上. 室町の身分秩序を覆す [Matsunaga Hisahide and Gekokujō. The Overthrow of the Status Order of Muromachi [Era]]. Tokyo: Heibonsha, 2018 (in Japanese).
- “Ashikaga kisei ki” 足利季世記 [Records of the Last Times of Ashikaga]. In: *Kaitei shiseki shūran* 改定史籍集覧 [Revised Collection of Historical Books]. Vol. 13. Tokyo: Kondō shuppanbu, 1906, p. 132–264 (in Japanese).
- Cartas que os padres e irmãos da Companhia de Iesus escreverão dos Reynos de Iapão & China aos da mesma Companhia da India, & Europa, desde anno de 1549 até o de 1580*. Primeiro tomo. Evora: Manoel de Lyra, 1598. URL: http://purl.pt/15229/3/res-401-v/res-401-v_item4/index.html#/1. Date of the application: 27.01.2021 (in Portuguese).
- Chijiva Itaru 千々和到. “Keppan” 血判. In: *Nihon daihyakka zensho (Nipponica)* 日本大百科全書(ニッポニカ) [The Complete Encyclopedia of Japan. Nipponica]. Shogakukan. URL: <https://>

- kotobank.jp/word/%E8%A1%80%E5%88%A4-59716. Date of the application: 27.01.2021 (in Japanese).
- “Chōon” 朝恩 (Imperial favor). In: *Seisihan Nihon kokugo daijiten* 精選版日本国語大辞典 [Great Japanese Dictionary (Shorter Edition)]. Shogakukan. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%9C%9D%E6%81%A9-568127>. Date of the application: 27.01.2021 (in Japanese).
- The Chronicle of Lord Nobunaga by Ōta Gyūichi*. Transl. and ed. by J.S.A. Elisonas and J.P. Lamers. Boston–Leiden: Brill, 2011 (in English).
- Ebisawa Arimichi 海老沢有道. “Takayama Ukon” 高山右近. In: *Nihon daihyakka zensho* (Nipponica) 日本大百科全書 (ニッポニカ) [The Complete Encyclopedia of Japan. Nipponica]. Shogakukan. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%AB%98%E5%B1%B1%E5%8F%B3%E8%BF%91-92796>. Date of the application: 27.01.2021 (in Japanese).
- Fujita Tatsuo 藤田達生. *Tenka tōitsu. Nobunaga to Hideyoshi wo nashitogeta kakumei* 天下統一. 信長と秀吉を成し遂げた「革命」 [The Unification of Japan. The Revolution Performed by Nobunaga and Hideyoshi]. Tokyo: Chūōkōron shinsha, 2014 (in Japanese).
- Fukushima Katsuhiko 福島克彦. *Kinai kingoku-no sengoku kassen. Sensō-no Nihon shi* 畿内近国の戦国合戦. 戦争の日本史 11 [The Battles of Sengoku [Period] in Kinai and Nearby Provinces 11]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan, 2009 (in Japanese).
- “Hosokawa ryōke ki” 細川両家記 [The Records about Two Hosokawa Houses]. In: *Shinkō Gunsho ruijū* 新校群書類従 [Newly Revised Thematic Collection of Various Books]. Vol. 16. Tokyo: Naigai shoseki, 1928, pp. 414–458 (in Japanese).
- “Ikeda-shi kafu” 池田氏家譜 [Collection [of Materials on] the Ikeda Clan] In: *Dainihon shiryō* 大日本史料 [Materials on the History of Great Japan]. Part. 10, vol. 6, pp. 783. URL: <https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/image/idata/850/8500/02/1006/0783.tif>. Date of the application: 27.01.2021 (in Japanese).
- Ikegami Hiroko 池上裕子. *Oda Nobunaga* 織田信長. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan, 2012 (in Japanese).
- Imatani Akira 今谷明. *Nobunaga to tennō. Chūseiteki ken'i ni idomu haō* 信長と天皇. 中世的権威に挑む覇王 [Nobunaga and Emperor. The Hegemon Who Challenged Medieval Authorities]. Tokyo: Kōdansha, 2002 (in Japanese).
- “Intoku Taiheiki” 陰徳太平記. In: *Dainihon shiryō* 大日本史料 [Materials on the History of Great Japan]. Part. 10, vol. 25, p. 144. URL: <https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/image/idata/850/8500/02/1025/0144.tif>. Date of the application: 27.01.2021 (in Japanese).
- Kaneko Hiraku 金子拓. *Oda Nobunaga. Fukiyō sugita tenkabito* 織田信長. 不器用すぎた天下人 [Oda Nobunaga. The Overly Inept Ruler of the Tenka]. Tokyo: Kawade shobō shinsha, 2017 (in Japanese).
- Kirino Sakujiin 桐野作人. *Oda Nobunaga* 織田信長. Tokyo: Shinjinbutsu ōraisha, 2011 (in Japanese).
- Lamers J.P. *Iaponskii tiran. Novyi vzgliad na iaponskogo polkovodtsa Oda Nobunaga* [Japonius Tyrannus. The Japanese Warlord Oda Nobunaga Reconsidered]. Transl. into Russian by R.V. Kotenko. St. Petersburg: Evraziya, 2012 (in Russian).
- “The Letter of Ankokuji Ekei to Yamagata Echizen-no kami and Inoue Harutada”. Kikkawa-ke monjo [The Documents of Kikkawa House]. 12/12/ Tenshō 1. In: *Dainihon shiryō* 大日本史料 [Materials on the History of Great Japan]. Part 10, vol. 18, pp. 393. URL: <https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/image/idata/850/8500/02/1018/0393.tif>. Date of the application: 27.01.2021 (in Japanese).
- Matsuda Kiichi 松田毅一, Kawasaki Momota 川崎桃太. *Kan'yaku Furoisu Nihon shi* 完訳フロイス日本史 [Complete Translation of Frois's History of Japan]. Vol. 2. Oda Nobunaga II. Tokyo: Chūōkōron shinsha, 2000 (in Japanese).
- Matsuda Kiichi 松田毅一, Kawasaki Momota 川崎桃太. *Kan'yaku Furoisu Nihon shi* 完訳フロイス日本史 [Complete Translation of Frois's History of Japan]. Vol. 3. Oda Nobunaga III. Tokyo: Chūō kōron shinsha, 2000 (in Japanese).
- “Mōri-ke monjo” 毛利家文書 [The Documents of Mōri House]. Part 3. In: *Dainihon komonjo. Ie wake* 大日本家文書. 家分け [Ancient Documents of Great Japan. Houses]. Vol. 8. Tokyo: Tōkyō teikoku daigaku, 1922 (in Japanese).

- “Nakagawa kafu oboegaki” 中川家譜覚書 [Aide Memoire on the Genealogy of Nakagawa]. In: *Dainihon shiryō* 大日本史料 [Materials on the History of Great Japan]. Part. 10, vol. 6, pp. 789. URL: <https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/image/ldata/850/8500/02/1006/0789.tif>. Date of the application: 27.01.2021 (in Japanese).
- Ōta Gyūichi 太田牛一. “Taikō sama gunki-no uchi” 大かうさまくんきのうち [From the Military Records about Taikō-sama]. In: *Taikō shiryō-shū* 太閤史料集 [The Collection of Historical Sources on Taikō]. Comment. by Kuwata Tadachika 桑田忠親. Tokyo: Shinjinbutsu ōraisha, 1965, pp. 147–224 (in Japanese).
- Ōta Gyūichi 太田牛一. 信長公記 *Shinchō-kō ki*. Ed. by Iwasawa Yoshihiko 岩沢 愿彦, Okuno Takahiro 奥野高廣. 9th ed. Tokyo: Kadokawa shoten, 1996 (in Japanese).
- “Ōta Gyūichi. *Shinchō-kō ki*. Svitok XI” [Ōta Gyūichi. *Shinchō-kō ki*. Book X]. Introd., transl. and comment. by S.A. Polkhov. In: *Peoples and Cultures of the Orient. Studies and Translations 2020*. Ed. by V.B. Vinogradskaya. Moscow: IDV RAN, 2020, pp. 126–171 (in Russian).
- Sekai daihyakka jiten* 世界大百科事典 [World Encyclopedia]. Ed. by Katō Shuichi 加藤周一. CD ROM ed. Heibonsha, 2007 (in Japanese).
- Sengoku jimmei jiten. Konpakuto han* 戦国人名事典 コンパクト版 [Dictionary of Names of the Sengoku Period. Compact Edition]. Ed. by Abe Takeshi, Nishimura Keiko 阿部猛 西村圭子. Tokyo: Shinjinbutsu ōraisha, 2006 (in Japanese).
- Tamon'in nikki (Tamon'in nikki)* 多聞院日記. Vol. 2. Ed. by Tsuji Zennosuke 辻善之助. Tokyo: San-kyō shoin, 1935 (in Japanese).
- Taniguchi Katsuhiko 谷口克広. *Oda Nobunaga kashin jimmei jiten* 織田信長家臣人名事典. [Oda Nobunaga's Vassals Names Dictionary]. 2nd ed. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan, 2010 (in Japanese).
- “Tateri sakyō-no suke nyūdō Ryūsa ki” 立入左京亮入道隆佐記 [The Records of Tateri sakyō-no Suke Nyūdō Ryūsa]. In: *Kaitei shiseki shūran* 改定史籍集覧 [Revised Collection of Historical Books]. Vol. 13. Tokyo: Kondō shuppanbu, 1906, pp. 279–287 (in Japanese).
- Tokitsugu-kyō ki* 言繼卿記 [“The Records of Lord Tokitsugu”]. Vol. 4. Tokyo: Kokusho kankōkai, 1915 (in Japanese).
- Wakita Osamu 脇田修. *Oda seiken-no kiso kōzō. Shokuhō seiken-no bunseki* 織田政権の基礎構造. 織豊政権の分析 [The Fundamental Study of Oda's Political Power. Analysis of the Political Power of Oda and Toyotomi]. Vol. 1. Tokyo: Tōkyō daigaku shuppankai, 1975 (in Japanese).
- Yasokaishi Nihon tsūshin* 耶蘇会士日本通信 [Letters of Jesuits from Japan]. Vol. 2. Transl. by Murakami Naojirō 村上直次郎, comment. by Watanabe Yosuke 渡辺世祐. Tokyo: Sunnansha, 1928 (in Japanese).
- Zōtei Oda Nobunaga monjo-no kenkyū* 増訂 織田信長 文書の研究 [Study of Oda Nobunaga's Documents. Extended and Revised Edition]. Vol. 1. Ed. by Okuno Takahiro 奥野高廣. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan, 1988 (in Japanese).
- Zōtei Oda Nobunaga monjo-no kenkyū* 増訂 織田信長 文書の研究 [Study of Oda Nobunaga's Documents. Extended and Revised Edition]. Vol. 2. Ed. by Okuno Takahiro 奥野高廣. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan, 1988 (in Japanese).

The Description of Araki Murashige's Uprising in the *Shinchō-kō ki* by Ōta Gyūichi

Svyatoslav A. POLKHOV

Institute of Oriental Studies RAS

Moscow, Russian Federation

Received 10.04.2021.

Abstract: The article examines the representation of one of the events of Japanese political history in the last quarter of the 16th century—the rebellion of Araki Murashige, the ruler of the land of Settsu, against Oda Nobunaga, the “unifier of Japan” in the *Shinchō-kō ki* chronicle. Tracing the main stages of Araki Murashige's life, the author pays special attention to clarifying the motives of the lord of Settsu, which forced him to oppose Nobunaga. Araki Murashige joined a broad coalition of Nobunaga's enemies in 1578. The author compares the facts from Murashige's political biography with his portrait in the *Shinchō-kō ki*, coming to the conclusion that the chronicler is inclined to portray the ruler of Settsu as an ungrateful traitor who challenged the merciful lord—Nobunaga. Using similar techniques, Gyūichi paints a portrait of another enemy of Nobunaga—Matsunaga Hisahide, one of the lords of the Yamato province. The image of the “traitor” created in the *Shinchō-kō ki* is intended to emphasize the power and inevitability of Nobunaga's victory on the one hand, and to show his opponents in an unseemly light on the other.

Key words: the *Shinchō-kō ki*, Ōta Gyūichi, Oda Nobunaga, Araki Murashige, Settsu.

For citation: Polkhov, Svyatoslav A. “The Description of Araki Murashige's Uprising in the *Shinchō-kō ki* by Ōta Gyūichi”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48), pp. 86–107 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO65216.

About the author: Svyatoslav A. POLKHOV, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Centre for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation) (cjr-ran@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-4705-7488.

Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди.

VII. Бартелеми-ориенталист: между наукой и «высшим светом»¹

Часть II

М.М. ЮНУСОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO100091

Статья поступила в редакцию 12.11.2021.

Аннотация: В июне 1744 г. аббат Бартелеми прибыл в Париж, имея на руках множество рекомендательных писем. Одно из этих писем Бартелеми вручил Клоду де Бозу, хранителю Королевского кабинета медалей. Вскоре молодой аббат был принят на работу в качестве помощника де Боза и начал активную работу в области нумизматики. Через несколько лет с помощью покровителей и друзей Бартелеми был избран в Академию надписей и изящной словесности, где сделал несколько докладов, сразу получивших признание научного сообщества. Одним из них стал первый «Очерк нумизматической палеографии», в котором была предложена новая для своего времени методика атрибуции и систематизации наиболее архаических монет Средиземноморья. Однако Бартелеми не стал продолжать систематическую работу по этой теме, отвлекшись на многие годы, в числе прочего, на написание археологического романа «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции». Это произведение принесло автору всемирную известность и признание широкой публики. В конце жизни он все же продолжил работу над своей «Палеографией» и очень сожалел о том, что не успеет ее закончить, а современники ученого и его биографы отметили, что это опоздание стоило Бартелеми почетного места основателя современной нумизматики.

Ключевые слова: Бартелеми, де Боз, де Келюс, нумизматика, эпиграфика.

Для цитирования: Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. VII. Бартелеми-ориенталист: между наукой и «высшим светом». Часть II // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 108–128. DOI: 10.55512/WMO100091.

Об авторе: ЮНУСОВ Марат Мингалиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Древнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ymm65@hotmail.com). ORCID: 0000-0003-1926-5044.

© Юнусов М.М., 2022

¹ Статьи I–VII из серии очерков см. (Юнусов 2013: 100–125; 2014: 125–152; 2015: 75–97; 2016: 78–96; 2019а: 95–113; 2019б: 85–105; 2020а: 21–45; 2020б: 18–40).

По пути в Париж аббат Бартелеми посетил в Экс-ан-Провансе своего давнего знакомого, который был родом также из Обани, настоятеля местного собора аббата де Босэ (de Bausset), и в ответ на предложение настоятеля занять при нем какой-нибудь пост, как только он получит епархию, пообещал сразу же вернуться для этого из Парижа. Как признавался позднее Бартелеми, он был на вершине счастья от этого предложения, так как судьба не могла бы предоставить ему более приятного и более выгодного занятия (Barthélemy 1824: XXXI).

В июне 1744 г. Бартелеми прибыл в Париж, имея на руках множество рекомендательных писем. Одно из этих писем, написанное Ф. Кари, Бартелеми вручил Клоду де Бозу, хранителю Королевского кабинета медалей², который принял молодого аббата достаточно любезно и даже пригласил его на еженедельные обеды к себе домой³. Во время обедов во вторник в честь коллег хранителя Кабинета из Академии надписей и изящной словесности и обедов в среду в честь своего лучшего друга де Реомюра⁴ и «некоторых их друзей» Бартелеми познакомился с видными парижскими деятелями науки, искусства и литературы, часть из которых перечисляется в его автобиографии. Особое расположение к молодому аббату выказали граф де Келюс⁵ и Фонсемань⁶, с которыми Бартелеми будет поддерживать связь всю оставшуюся жизнь.

² Так считал М. Бадоль. Однако Бартелеми сам не уточняет, подписанное кем рекомендательное письмо он вручил К. де Бозу и показывал ли он хранителю Кабинета другие письма от своих покровителей из Прованса (Badolle 1926: 14–15). Феликс Кари (Félix Cary, 1699–1754) — филолог, нумизмат, член Марсельской академии. Владел богатейшей коллекцией монет и медалей, которая после смерти академика по ходатайству и благодаря энергичным действиям Бартелеми была приобретена Королевским кабинетом медалей и перевезена в Париж. Служебная записка Бартелеми, переписка по этому поводу с графом д'Аржансоном, условия покупки и каталоги коллекции на сайте Bibliothèque nationale de France (BnF). URL: <https://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc1246063/cN68320> (дата обращения: 03.10.2021). О жизни и деятельности К. де Боза: (Sarmant 1994: 91–126).

³ Де Боз был женат с 1732 г. на Филиппин-Шарлот де Шатр де Канже (Philippine-Charlotte de Châtre de Cangé, 1713–1789), дочери Жан-Пьера де Шатр де Канже (Jean-Pierre de Châtre de Cangé, 1680–1746), интенданта вооруженных сил страны, известного библиофила и коллекционера, и Филиппин-Шарлот де Ванд (Philippine-Charlotte de Wendt) (Armorial Général de la France. Register I. Première partie. Paris: J. Collombat, 1738. P. 272–273). О семье де Канже и судьбе их богатейшей библиотеки (рукописи были проданы в 1733 г. Королевской библиотеке, а печатные издания переданы в дар Людовику XV в 1751 г.), а также отношения главы семейства с де Бозом см.: (Chatelain 2003: 161–197).

⁴ Рене-Антуан де Реомюр (René-Antoine de Réaumur, 1683–1757) — прославленный французский естествоиспытатель и натуралист, энтомолог, физик и математик. В 1722 г. был опубликован его труд «Искусство превращения ковального железа в сталь», имевший большое значение для развития черной металлургии.

⁵ Анн-Клод-Филипп де Леви, граф де Келюс (Anne-Claude-Philippe de Tubières de Grimoard de Pestels de Lévis de Caylus, 1692–1765) — французский археолог, искусствовед, писатель-прозаик, с 1731 г. член Французской академии живописи и скульптуры, с 1742 г. член Академии надписей и изящной словесности. Де Келюс происходил из рода гасконских дворян. Получив начальное образование, де Келюс приступил к военной службе, однако вскоре оставил ее и занялся литературным и художественным творчеством, не имея соответствующей систематической подготовки. Известен как автор биографических заметок о художниках и статей об искусстве, составитель сборников восточных и античных памятников, автор гравюр, коллекционер и наставник начинающих ученых. Самой крупной и заметной работой де Келюса был семитомный сборник восточных и античных древностей.

⁶ Этьен Лорео де Фонсемань (Étienne Lauréault de Foncemagne, 1694–1779) — французский эрудит и деятель церкви. Друг знаменитого английского историка Э. Гиббона. Фонсемань был хозяином литературного салона, который посещали видные деятели науки и культуры, ведущие члены Академии надписей и изящной словесности, в том числе Бартелеми, который, между прочим, лично ознакомил Э. Гиббона с королевской коллекцией монет и медалей (Low 1937: 132).

Оставляя в стороне восхищение молодого человека из Прованса атмосферой, царившей в среде парижских интеллектуалов, и его понятное смущение при знакомстве с хозяйкой дома и гостями хозяина⁷, заметим, что далее, в автобиографии, Бартеlemi крайне скупо описывает свое пребывание в Париже на протяжении полутора лет после приезда в столицу:

Когда я немного познакомился с членами академий⁸, я расширил круг своих связей. Я видел особенности парижской жизни, посещал публичные библиотеки, думал об аббате де Бозе, искал в газетах объявления о каких-либо открытых вакансиях [в церковной службе], которые быстро замещались не им, а другими (Barthélemy 1824: XXXIII).

Не имея других свидетельств об этом периоде неопределенности и ожидания в его жизни⁹, мы не знаем, где жил Бартеlemi, на какие средства, вручил ли он оставшиеся при нем рекомендательные письма другим влиятельным в Париже людям и каким образом поддерживал знакомства, завязанные в гостинице у К. де Боза. Нет сомнений в том, что Бартеlemi достаточно регулярно посещал Кабинет медалей в качестве гостя, оказывая де Бозу посильную помощь. К этому времени здоровье хранителя стало ухудшаться: прогрессирующий ревматизм значительно ограничил его активность в работе. Через несколько месяцев после приезда Бартеlemi в Париж де Боз принимает решение взять молодого аббата на работу в Кабинет в качестве своего помощника. Несмотря на авторитет и обширные связи хранителя, официальное утверждение кандидата на должность помощника было получено только через восемь месяцев, и, таким образом, Бартеlemi приступил к работе в Королевском кабинете медалей в конце ноября 1745 г.¹⁰ С первого дня работы на новом месте аббат показал себя

⁷ Двумя годами ранее на обедах у де Боза бывал Ж.-Ж. Руссо, который в своей книге «Исповедь» описывает свое посещение дома хозяина так: «Г-н де Боз отнесся ко мне очень хорошо. Он ценил знания и сам обладал ими; он был немного педант. Г-жа де Боз по возрасту годилась ему в дочери; она была светская женщина и модница. Я обедал у них иногда. Невозможно иметь более неловкий, глупый вид, чем тот, какой был у меня в ее присутствии. Ее непринужденные манеры смущали меня и делали еще более смешным. Когда она протягивала мне тарелку, я тянулся с вилкой, чтобы скромно взять кусочек того, что она мне предлагала; тогда она отдавала предназначавшуюся мне тарелку лакею и отворачивалась, чтобы я не заметил ее смеха. Она и не подозревала, что в голове этого деревенщины все-таки есть кой-какой ум. Г-н де Боз представил меня своему другу де Реомюру, обедавшему у него по пятницам, в дни заседаний Академии наук. Он рассказал ему о моем проекте и желании представить этот проект на рассмотрение Академии. Де Реомюр взялся устроить это и получил согласие» (Жан-Жак Руссо. «Исповедь»: часть II, кн. VII, 1742–1748. Избранные сочинения в трех томах. М., 1961. Т. 3. Перевод Д.А. Горбова и М.Н. Розанова. С. 248).

⁸ Французской академии и Академии надписей и изящной словесности, членом которых был К. де Боз, а также Академии наук.

⁹ М.-Г.-Т. Вильнав писал, что в это время Бартеlemi активно занимался, в числе прочего, изданием сборника работ своего друга и учителя Ф. Кари: «Dissertations sur la fondation de la ville de Marseille; sur l'histoire des rois du Bosphore Cimmérien; et sur Lesbonax, philosophe de Mytilène» (Ville-nave 1821: lii). Книга, объединившая три статьи Ф. Кари, вышла в 1744 г. в Париже в издательстве «Jacques Vargois», притом что разрешение цензуры на печать было получено еще в сентябре 1743 г., за год до приезда Бартеlemi в Париж. Вторая книга Кари вышла также не без участия Бартеlemi: Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore cimmérien, éclaircie par les médailles. Paris: Desaint & Saillant, 1752.

¹⁰ 15 ноября 1745 г. датируется письмо министра Морепа, адресованное аббату Арман-Жирому Биньону, где сообщается о согласии короля на назначение Бартеlemi помощником де Боза (Dela-

трудолюбивым и старательным учеником. Как напишет позднее сам Бартеlemi, его день начинался в пять утра, а с девяти до семи-восьми вечера он работал в Кабинете, систематизируя и каталогизируя монеты, медали и различные предметы из собрания Кабинета древностей. Несмотря на педантизм и строжайшую требовательность к результатам своей и чужой работы, де Боз по достоинству ценил старания и тщательность работы Бартеlemi. К старательности и усидчивости в работе Бартеlemi, очевидно, можно добавить и большое терпение аббата в каждодневном общении с де Бозом, который, как писал в своих мемуарах Ш.-Н. Кошен¹¹, был достаточно тяжелым и чрезмерно педантичным по характеру, занудным в общении и высокомерным в поведении человеком (Cochin 1880: 107). Похожее мнение о характере де Боза было и у Бартеlemi, которое он, однако, не посчитал нужным обнародовать, ограничившись указанием на аккуратность своего покровителя и строгий порядок, царивший не только в Кабинете медалей, но и в каждодневной жизни хранителя (Barthélemy 1824: XXXIV–XXXV)¹².

В конце 1745 г. произошло событие, которое могло бы полностью изменить планы Бартеlemi на будущее: аббат де Бозэ наконец получил епархию в Безьере и написал Бартеlemi письмо, где напомнил ему о его обещании. Помощнику де Боза предстояло принять непростое решение. В этот момент определяющее значение в решении Бартеlemi остаться в Париже сыграли де Боз и особенно де Келюс, которые были категорически против его возвращения на родину. Примечательно, что этот факт, упомянутый в рукописи автобиографии Бартеlemi, был исключен из печатной версии текста по решению редакторов¹³ (Fumaroli 1995: 234–235, note 10). Таким образом, Бартеlemi остался в Париже.

Двумя годами позже, когда в мае 1747 г. в Академии надписей освободилось место в связи со смертью Пьер-Жана Бюретта (Pierre-Jean Burette, 1665–1747), врача и историка античности, именно по настоянию де Келюса Бартеlemi выставил свою кандидатуру на занятие вакантного места академика: «Вы получите место... если останетесь с нами, и у Вас будет еще одно оправдание перед Вашим епископом...». Однако Бартеlemi считал, что историк Ле Бо, другой претендент на этот пост, более достоин занять место академика, чем он. Граф де Келюс настаивал: «Вам необходимо быстро выставить свою кандидатуру в связи с обстоятельствами, которыми мы воспользуемся». Эти и некоторые другие строки, написанные Бартеlemi, редакторы также сочли неуместным оставлять в печатной версии его автобиографии (Fumaroli 1995: 234–235, note 10). Позднее, когда после смерти де Боза в 1753 г. встал вопрос о его преемнике на посту хранителя Кабинета медалей, граф де Келюс снова оказал решающую поддержку Бартеlemi. Но сначала необходимо ненадолго остановиться на личности самого графа де Келюса, точнее на природе его тесных связей с Бартеlemi, которые, по мнению многих исследователей, далеко не всегда строились на бескорыстной основе.

---

tour, Sarmant 1994: 483, note 65). См. текст письма Морепа на сайте Gallica (BNF). URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10091444r/f264.image> (дата обращения: 03.10.2021).

¹¹ Шарль-Николя Кошен (Charles-Nicolas Cochin, 1715–1790) — художник, гравёр, иллюстратор, искусствовед.

¹² Как пишет Т. Сармант, в рукописной версии автобиографии строки с нелицеприятной оценкой характера де Боза были исправлены самим Бартеlemi на более сдержанные отзывы о его личности (Sarmant 1994: 98, note 21).

¹³ «...mes amis parisiens, ceux de M. de Boze et surtout M. de Caylus s'étaient tous fort déclarés contre mon déplacement».

Ил. 1. Граф де Келюс
(из кн.: Pons 1914)

фе дали такую оценку его трудам: «Все виды искусства — братья. М. де Келюс, казалось, был в этом убежден, потому что он их развивал или по меньшей мере страстно любил. Он написал о жизни наиболее выдающихся художников королевской Академии живописи и скульптуры, членом которой и являлся в качестве почетного любителя»¹⁵ (Ил. 1).

По свидетельству Бартелеми, его первое знакомство с графом состоялось на обедах в доме у К. де Боза. Их многолетние отношения, по мнению исследователей, никогда не были дружескими и тем более сердечными. Будучи старше Бартелеми почти на 25 лет, граф де Келюс сразу проявил интерес к молодому аббату, обладавшему приятными светскими манерами, хорошим знанием классических языков, а также познаниями в древнееврейском и арабском языках¹⁶. Биограф Бартелеми, опубликовавший в 1797 г. похвальное слово памяти аббата, поделился с читателями таким представлением о графе де Келюсе: «Этот выдающийся человек был рожден с интересом и вкусом к искусству, не имея соответствующей подготовки; он не знал ни греческого, ни латинского языков»¹⁷. Склонный к развлечениям, проведя часть своей жизни в спиритическом обществе беспечного Морепа¹⁸, он оказался абсолютно не у дел, когда

¹⁴ Литература по теме «де Келюс и Винкельман» см.: (Callataÿ 2010: 1331, note 9).

¹⁵ Les souvenirs de M. Le Comte de Caylus, de l'Académie des inscriptions et des belles-lettres. Paris: Hubert et Comp^e, 1805. P. 22.

¹⁶ Любопытно, что в 1742 г. Ж.-Ж. Руссо вручил одно из рекомендательных писем также и графу де Келюсу, но общение последнего с молодым философом не получило дальнейшего продолжения (Ж.-Ж. Руссо. «Исповедь»: часть II, кн. VII, 1742–1748).

¹⁷ Об этом см. также: «...le comte de Caylus avait fait de très mauvaises études, qu'il savait fort mal le latin et qu'il allait ordinairement à Duclos pour se faire expliquer les chapitres des livres, au point que Duclos était fort importun de la fréquence des visites du comte qui aurait eu besoin, pour parler plus justement des ouvrages de l'antiquité, de savoir bien le grec et le latin mais il savait à peine sa langue, écrivait fort mal, du point que ses ouvrages n'auraient pu paraître s'ils n'eussent été écrits par Marin et autres» (Merceriana 1893: 19 — адвокат Луайе о де Келюсе).

¹⁸ Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепа (Jean-Frédéric Phélypeaux, comte de Maurepas, 1701–1781) — французский государственный деятель, в 1723–1749 гг. государственный секретарь по делам военно-морского флота. Современники характеризуют Морепа как остроумного и проницательного человека, обладавшего, однако, насмешливым и едким характером, который постоянно приводил его к конфликтам с влиятельными особами при дворе. Череда подобных конфликтов однажды привела его к немилости Людовика XV, отправившего в 1749 г. министра в ссылку из Парижа. Его

Людовик XV отправил того в ссылку. К счастью, он был другом Бартелеми, который решил встряхнуть его от праздности». Далее автор похвалы сообщает, что именно Бартелеми, пытаясь возродить интерес старшего товарища к искусству и стремление к литературной славе, напомнил де Келюсу о его путешествии на Восток и подсказал ему идею составления «Сборника египетских, этрусских, греческих и римских древностей»¹⁹, для которого и сам позднее подготовил несколько интересных заметок (Sainte-Croix 1798: XXXVI–XXXVII).

Еще ранее Франсуа Пазюмо (François Pasumot, 1733–1804), инженер, географ, картограф и журналист, в одном частном письме неизвестному корреспонденту как бы между прочим приписал такое суждение о графе де Келюсе в цитируемый текст своего похвального слова памяти графа: «(Он сам по себе не был большим ученым, у него были исполнители во всем. Аббат Белли²⁰ и особенно аббат Бартелеми были составителями [его работ])»²¹. Похожие мысли, впрочем, задолго до этого витали в воздухе. Мармонтель²², например, в своих мемуарах писал, и едва ли стоит сомневаться, что нередко озвучивал в парижских салонах следующее о графе де Келюсе и его активной деятельности в академических кругах и в среде художников:

...Я никогда не задумывался над тем, чем я мог бы ему не нравиться; но я хорошо знал, что мне не нравилось в нем, а именно: та важность, которую он придавал себе за самые ничтожные заслуги и самые незначительные таланты; та ценность, которую он приписывал своим пустяковым исследованиям и антикварным безделушкам; то своего рода господство, которое он установил над художниками и которым злоупотреблял, поощряя посредственных из числа тех, кто ему льстил, и подавляя тех, кто, понимая свою силу, не домогались его поддержки; и наконец, тщеславие, изворотливое и изощренное, и гордость, непомерная и властная, которые он умело скрывал за простотой и непринужденностью. Мягкий и податливый с людьми, от которых зависят художники, он представлял себя перед последними тем, влияния которого стоит опасаться. Он обхаживал образованных людей, их стараниями составлял статьи о побрякушках, которые ему продавали старьевщики, издал громадный сборник этого вздора, выдав его за древности, предложил учредить Приз Изиды и Осириса, делая вид, что сам принимал участие

карьера при дворе восстановилась в 1774 г., когда Людовик XVI назначил его государственным министром.

¹⁹ Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques et romaines. Vols. I–II. Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques, romaines et gauloises. Vols. III–VII. Paris, 1752–1767.

²⁰ Огюстен Белли (Augustin Belley, 1697–1771) — религиозный деятель, журналист, автор десятков работ по нумизматике и хронологии, член Академии надписей и изящной словесности с 1744 г.

²¹ «Lettre de François Pasumot. Paris, 20 janvier 1774» (P. 7) в сб.: *Mélanges publiés par la Société des bibliophiles français*. Paris: F. Didot, 1827. P. 1–11. На самом деле этого предложения, заключенного автором в тексте этого письма в скобки, нет в оригинальной версии его «Похвального слова памяти графа де Келюса», цитируемого в письме большими фрагментами. Это похвальное слово, впервые зачитанное публично 5 апреля 1766 г. на заседании Литературного общества г. Оксера (Auxerre), было опубликовано в посмертном сборнике работ Ф. Пазюмо: *Dissertations et Mémoires sur différents sujets d'Antiquité et d'Histoire*. Paris: 1810 à 1813. P. 15–27. Ср.: Fumaroli 1995: 234, note 10. См. автограф письма Пазюмо от 20 января 1774 г. (стр. I из четырех) в Сети. URL: <https://www.jnorman.com/pages/books/41003/francois-pasumot/autograph-letter-signed> (дата обращения: 10.10.2021).

²² Жан-Франсуа Мармонтель (Jean-François Marmontel, 1723–1799) — французский писатель, философ, драматург и либреттист. Мармонтель был другом Вольтера, пользовался покровительством маркизы де Помпадур. Несколько лет снимал помещение в доме у мадам де Жоффрен, регулярно посещая ее салоны. Как автор был весьма популярен в России; известны его произведения в переводе Карамзина.

в их мистериях²³, и с этой шарлатанской эрудицией он втиснулся в ряды членов академий, не зная ни греческого, ни латинского языков... И поэтому я испытывал к нему такую антипатию, которую обычные и порядочные люди всегда испытывают к шарлатанам (Marmontel 1891: 105–106).

Несмотря на такую резкую оценку де Келюса современником²⁴, можно назвать по меньшей мере несколько имен художников, которым де Келюс, оказывая всестороннюю помощь, проложил дорогу к признанию не только в художественной среде, но и в высшем свете, который словно пропускал через себя и просеивал не только идеи и открытия, но и судьбы талантливых, начинающих художников, скульпторов, писателей, поэтов. В этом ряду можно вспомнить А. Рослена²⁵, Ж.-М. Вьена²⁶, Л.-К. Вассе²⁷ и Эдме Бушардона²⁸, прославленного скульптора, предшественника эстетики классицизма, близкого друга и протеже в Париже графа де Келюса, ученика Гийома Кусту (старшего)²⁹.

Среди деятелей политики и науки, которые оказывали поддержку Бартеlemi, наряду с графом де Келюсом необходимо указать на аббата Арман-Жерома Биньона³⁰ и особенно министра графа Морепа. Очевидно, что именно при их содействии, по ходатайству де Келюса, как отмечалось выше, Бартеlemi был назначен на должность помощника де Боза в 1745 г. А позднее, в 1747 г. был избран членом Академии надписей и изящной словесности по классу «ассоциированных академиков» (*la classe des Académiciens-Associés*)³¹. Как писал сам Бартеlemi, другим претендентом на освобожденное место в Академии был очень сильный конкурент аббата историк Ле Бо

²³ Один из четырех призов для молодых художников, которые де Келюс учредил в 1754, 1761, 1763 и 1764 гг. в Академии живописи и скульптуры (Fumaroli 1995: 229, note 4).

²⁴ Этот пассаж из мемуаров Мармонтеля приводит почти все исследователи жизни и творчества де Келюса. Следует особо указать, что это неприятие Мармонтеля разделяли и некоторые другие именитые посетители салона мадам де Жоффрен. Позднее Дидро, например, отозвался о де Келюсе как о сварливом и грубом антикваре (*un antiquaire acariâtre et brusque*), а в обзорах французских салонов в связи с кончиной графа написал: «Зато смерть освободила нас от самого жестокого из любителей, от графа де Келюса» (Salon de 1765). Подробнее о взаимоотношениях де Келюса, Дидро, других философов, дискуссии о «знатоках» и «любителях» см.: (Jam 2000: 21–37; Perol 2000: 39–58; Masseau 2004: 45–57).

²⁵ Александр Рослен (Alexandre Roslin, 1718–1793) — шведский художник, портретист, мастер психологического портрета эпохи рококо. В 1776–1777 г. в Санкт-Петербурге написал, среди прочего, несколько портретов Екатерины II, а также портрет великого князя Павла Петровича.

²⁶ Жозеф-Мари Вьен (Joseph-Marie Vien, 1716–1809) — французский художник переходного периода от рококо к классицизму, главный художник Людовика XVI, сенатор и граф при Наполеоне.

²⁷ Луи-Клод Вассе (Louis-Claude Vassé, 1717–1772) — французский скульптор и рисовальщик, автор фигуративных надгробий, в том числе и для княгини Екатерины Голицыной, по заказу Ивана Бецкого (ныне утеряно).

²⁸ Эдме Бушардон (Edmé Bouchardon, 1698–1762), придворный скульптор Людовика XV. В 1732 г. Э. Бушардон прибыл из Рима в Париж с рекомендательным письмом от кардинала Полиньяка, тогда французского посла при папе римском, и вручил его графу де Келюсу, имевшему в те годы широкую известность в артистических кругах как покровителя молодых художников (Fumaroli 2016: 59–60).

²⁹ Гийом Кусту (старший) (Guillaume Coustout, 1677–1746) — французский скульптор барокко, отец младшего Гийома Кусту (Guillaume Coustout, 1716–1777) — скульптора, ректора парижской Академии художеств.

³⁰ Арман-Жером Биньон (Armand-Jérôme Bignon, 1743–1772) — директор Королевской библиотеки.

³¹ Согласно статусу Академии того времени, ее членами могли быть 40 академиков, имевших один из трех классов: 10 академиков — «Почетные» (*Honoraires*), 10 академиков — «Пансионеры» (*Pensionnaires*), 20 академиков — «Ассоциированные» (*Associés*). Об Академии и академиках в 1730–1793 гг.: Maury 1864; Raskolnikoff 1992: 221–262).

(«M. Le Beau, un concurrent très redoutable»), который в итоге отказался претендовать на пост академика (Barthélemy 1824: XXXIX)³².

Это избрание, безусловно, стало огромным событием в жизни Бартелеми. С другой стороны, как своеобразную иронию судьбы можно воспринимать первые строки из XXI тома Записок Академии за 1747–1748 гг., опубликованных в 1754 г., где было размещено краткое сообщение об избрании Бартелеми академиком (*académicien-associé*): «В течение 1747 и 1748 гг., которым посвящен настоящий том, Учреждение занималось только своей обычной работой. В этот период времени не произошло ни одного события, достойного занять место в истории Академии. Мы ограничимся лишь перечислением тех работ, за которые были вручены призы [Академии] за эти годы». Далее, после краткого сообщения об избрании Бартелеми («M. Burette, *Académicien-Pensionnaire, mourut: M. l'Abbé Barthélemy fut élu pour remplir cette place*») и некоторых других перестановках³³ в этом томе в ряду статей других ученых были опубликованы две первые научные работы новоиспеченного академика: статья на основе доклада, зачитанного в стенах Академии 8 августа 1747 г.³⁴, и выдержки из сообщения от 26 марта 1748 г.³⁵.

Эти статьи, скорее всего, остались не замеченными широкой публикой. Приведем хотя бы один пример. В год выхода в свет первых печатных работ Бартелеми известный в европейских столицах барон фон Гримм³⁶ так отозвался о деятельности Академии:

Париж. 15 ноября 1754 г. На второй и третий день после дня Св. Мартина Королевская академия надписей и изящной словесности и Королевская академия наук, по принятому распорядку, провели, соответственно, свои публичные заседания. Эти заседания были посвящены зачитыванию похвал ушедшим из жизни за прошедшие полгода академикам и слушанию каких-либо докладов, мало занимательных и часто мало поучительных. Там обычно царит скука. Поговаривают, что секретарь пишет эти похвалы, чтобы заработать на жизнь, и довольно редко какой-либо хороший доклад выводит нас из летаргического сна, в который нас постоянно погружают эти заседания. Но я воздержусь от долгих разговоров об этом из опасения, что всемогущий и хитрый бог скуки воцарится на этих страницах. Единственный доклад, который доставил удовольствие публике и достоин нашего особого внимания, — это доклад графа де Келюса³⁷ (Grimm 1813: I, 244–245).

³² Здесь важно указать на неточность, которая встречается у Г. Могра: «В 1747 г. Бартелеми, одержимый страстью к знаниям, опубликовал работы, настолько заметные, что был принят в Академию надписей» (Maugras 1903: 31, note 1). Последовательность событий была обратной. В мае 1747 г. умер академик П.-Ж. Бюрет. Освободившееся место было занято Бартелеми в течение июня-июля того же года. К этому времени у Бартелеми еще не было ни одной опубликованной работы (см. также: Dupont-Sommer 1971: 711). И напротив, его потенциальный конкурент на вакантный пост академика, историк Шарль Ле Бо (Charles Le Beau, 1701–1778), имел к тому времени публикации, признанные специалистами. Как полагал М. Бадоль, отказ Ле Бо, по сути, в пользу Бартелеми можно объяснить отнюдь не соображениями дружбы, а опасением историка проиграть на выборах (Badolle 1926: 18–19, note 1). Через год Ш. Ле Бо также был избран в состав Академии.

³³ Histoire de l'Académie royale des inscriptions et des belles-lettres. Tome XXI. Paris: Imprimerie Royale, 1754. P. 1–3.

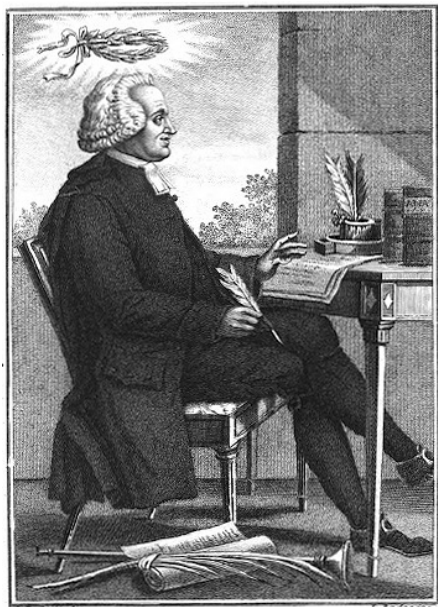
³⁴ «Réflexions sur médaille de Xerxès, roi d'Arsamosate» (Barthélemy 1754b: 404–420).

³⁵ «Recherche sur le Pactole» (Barthélemy 1754a: 19–25).

³⁶ Фридрих Мельхиор Гримм (Friedrich Melchior, Baron von Grimm, 1723–1807) — публицист, автор рукописной Литературной газеты, многолетний корреспондент Екатерины II.

³⁷ Этот доклад графа де Келюса был посвящен изобретению масла в живописи.

Gian Giacomo Barthelemy

Ил. 2. Ж.-Ж. Бартеlemi
(Из кн.: Rados 1818)

Несмотря на такую оценку работы Академии, можно уверенно полагать, что для Бартеlemi, находившегося на рабочем месте в Кабинете медалей ежедневно с девяти утра до восьми вечера, каждая встреча с академиками была как приятна, так и полезна, потому что молодой академик имел возможность не только слушать научные сообщения, скучные и малопонятные для непосвященных, как мы видели выше, но и общаться с именитыми коллегами, учиться у них, активно участвуя в дискуссиях, делиться своими идеями и наблюдениями, строить планы на будущее (Ил. 2).

Первый доклад аббата Бартеlemi от 8 августа 1747 г. был посвящен одной бронзовой монете с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΞΕΡΞΟΥ. Докладчик сумел опознать в изображении на монете не кого-либо из персидских царей династии Ахеменидов, носивших имя Ксеркс (Артаксеркс), а современника Антиоха III Великого, Ксеркса, правителя Софены и Коммагены. Примечательно, что к такому выводу аббат пришел, не только опираясь на сообщение Полибия³⁸ и других историков. Бартеlemi провел анализ качества ее чеканки, особенностей иконографии аверса и реверса, монограммы (Н)³⁹.

Бартеlemi, как кажется, здесь первым обратил внимание на то, что монеты Александра Македонского и ранней эллинистической эпохи отличались более высоким качеством чеканки в сравнении с предшествовавшими и последующими периодами времени.

Второй доклад Бартеlemi, от 26 мая 1748 г., был посвящен анализу сведений античных авторов о реке Пактол (греч. Πακτώλος, совр. Sart) — небольшой реке в Малой Азии, в исторической области Лидия. Согласно выводам аббата, эта легендарная золотоносная река, несмотря на некоторое содержание золота в ее воде, не могла быть сколько-нибудь значимым источником добычи этого ценного металла царем Лидии Крёмом (595–546 гг. до н.э.) и затем персидскими царями (Barthélemy 1754a: 19–25).

Примерно в это же время Бартеlemi сделал следующий доклад: «Заметки по поводу греческой надписи, найденной аббатом Фурмоном в храме Аполлона Амиклейского и содержащей список жриц этого бога», который был опубликован в 1756 г.⁴⁰

³⁸ Как писал сам Бартеlemi, этот фрагмент из «Всеобщей истории» Полибия (VIII, 25) был опубликован в Париже в 1634 г. Анри де Валуа на основе рукописи исторических компиляций Константина Багрянородного (*de virtutibus et vitiis*), которая ранее была приобретена на Кипре Н.-К. Фабри де Пейреском — *excerpta Peiresciana* (Barthélemy 1754b: 406).

³⁹ См. также исследования (Frölich 1754: 90–105, № IV; Babelon 1890: cxciv–cxcvii, Pl. XXIX, № 6–7; Bedoukian 1983: 76–77, 84; Sayles 1999: 29). Отметим еще, что Э. Фрелих, которого с монетой Ксеркса ознакомил К. де Боз, не упоминает ни Бартеlemi, ни его открытие.

⁴⁰ «Remarques sur une inscription grecque trouvée par M. l'abbé Fourmont dans le temple d'Apollon Amycléen et contenant une liste des prêtresses de ce dieu» (Barthélemy 1756: 394–421). День и месяц доклада в сборнике Академии надписей (Tome XXXIII) не указаны.

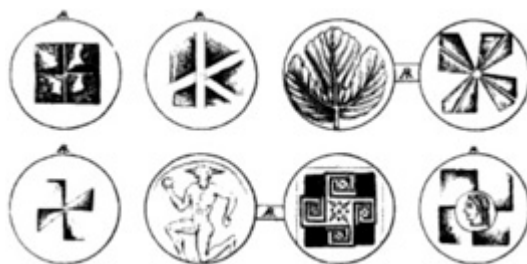
Еще менее чем через год, 21 марта 1749 г., Бартеlemi выступил в стенах Академии с сообщением «Рассуждения о двух самаритянских монетах Антигона, царя Иудеи». Первая часть его была посвящена монетам из Королевской коллекции с двуязычной греческо-еврейской легендой. Анализируя греческую надпись аверса монет — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΓΟΝΟΥ, духовный титул частично сохранившейся надписи самаритянским письмом реверса (*khn gdl*), датировочную формулу (*aleph-shin*) и опираясь на исторические источники (Иосиф Флавий, Страбон, Плутарх, Дион Кассий), Бартеlemi идентифицировал этого правителя Иудеи, а также дату — первый год правления правителя Иудеи Антигона II (40–37 гг. до н.э.), последнего из династии Хасмонеев, сына Аристобула II, иудейского царя и первосвященника (ум. в 49 г. до н.э.). Во второй части этого доклада Бартеlemi представил академиком две бронзовые монеты с еврейской легендой самаритянским письмом на аверсе, также из Королевской коллекции, относящиеся к периоду первосвященства Йонатана (*yntn hkhn hgdl w hbb yhr*). Сопоставляя монеты этого духовного лица, хранившиеся в Королевской коллекции, с похожими монетами из Кабинета Ф. Кари в Марселе, Бартеlemi обнаружил на реверсе одной из них едва сохранившуюся поверх двух рогов изобилия надпись ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Эта находка, с опорой на данные из Первой книги Маккавеев, позволила Бартеlemi сделать вывод, что все эти монеты были отчеканены в период правления Йонатана, участника Маккавейского восстания, младшего сына Маттафии из рода Хасмонеев, ставшего после смерти своего брата Иуды в 161 г. до н.э. правителем и первосвященником Иудеи при Александре I Баласе (ум. в 145 г. до н.э.), царе Сирии, правителе государства Селевкидов (с 150 г. до н.э.)⁴¹. Помимо этого, анализируя наличие в легендах монет иудейских правителей грекоязычных надписей и особенно языческих греческо-римских символов (рог изобилия, кадуцеи, лавровый венок), Бартеlemi высказал идею, что такое художественное оформление денежных знаков, вопреки существовавшей религиозной практике среди евреев, допускалось ввиду широкого распространения в Иудее того времени античной культуры и греческого языка как средства межнационального общения, международной торговли и местного делопроизводства (Barthélemy 1756a: 49–66)⁴².

20 января 1750 г. Бартеlemi зачитывает в стенах Академии надписей «Опыт нумизматической палеографии» (Barthélemy 1756b: 30–48). «Опыт» Бартеlemi стал первым исследованием, в котором автор поставил своей целью систематизировать и классифицировать многочисленные античные монеты, разные по времени изготовления, материалу сырья и качеству чеканки, художественному оформлению и легендам. Часть первая «Опыта» (глава I) была посвящена способам чеканки монет, их физическим характеристикам (форма, толщина, материал, выпуклость или вогнутость поверхности), эволюции качества в зависимости от исторической эпохи. Из всего многообразия античных монет Бартеlemi выделил прежде всего наиболее архаичные, имевшие на аверсе объемное изображение (черепаха, лист дерева, голова быка/чело-

⁴¹ Само наличие на монете двух рогов изобилия, по мнению Бартеlemi, служило символическим указанием на тесную дружескую связь, существовавшую между Йонатаном и Александром I, назначившим его правителем и первосвященником Иудеи (1-я Мак. 10:17–20; 11: 27, 57).

⁴² Этот доклад был опубликован спустя семь лет в Записках Французской академии надписей (Barthélemy 1756a: 49–65). Напомним, что именно с этой публикации начался многолетний конфликт Бартеlemi с Джоном Свинтоном, который утверждал, что вывод об идентификации царя Александра как Александра I, царя Сирии, а не Александра Македонского, принадлежал ему, а не аббату (Badolle 1926: 80–81; Юнусов 2019a; 2019b).

векобык и др.), а на реверсе вогнутые геометрические фигуры — *une aire en creux* (вдавленный квадрат, сложный пятиугольник, составленный из четырехугольников и треугольников неправильной формы, восьмиконечный крест и т.д.). Фигуры реверса прежде объяснялись как символические знаки городов-эмитентов, мифологическими сюжетами и пр. Бартеlemi высказал предположение, что при чеканке монет, на ранних этапах всегда односторонней, рабочая поверхность верхнего штампера (как правило, квадратного в сечении стержня) изначально не декорировалась, а имела абстрактный, разного рода сложности высокорельефный геометрический узор, который, проникая в металл и оставляя на нем следы, предотвращал выскальзывание монетной пластинки с поверхности нижнего штампера, закрепленного в тисках, при ударе по ней молотком и, соответственно, лучшей прочеканке аверса монеты на нижнем штампере. Содержание аверсного изображения, как полагал Бартеlemi, напротив, уникальное, несмотря на простоту рисунка, характерное только для конкретного отрезка времени или географического места чеканки, позволяет определить город-эмитент монеты и относительные хронологические рамки ее изготовления. Выбирая рисунок аверса, монетный двор/мастер каждого города исходил из практической необходимости указания места чеканки (например, путем изображения эндемического или тотемного растения или животного) и символического стоимостного выражения монеты как платежного средства. Хронологическим пределом такого вида односторонней чеканки Бартеlemi определил четвертое столетие до н.э. (Ил. 3).

Ил. 3. Архаические монеты с *aire en creux* на реверсе
(из кн.: Barthélemy 1756: 48)

Со временем техника чеканки значительно усовершенствовалась: поменялся монетный инструментарий, получило распространение железо для изготовления верхнего штампера, детализировались монетные типы, расширился репертуар аверсных и реверсных изображений. Последние нередко вписывались в геометрические фигуры архаического образца. Позднее монеты все больше приобретали функции пропагандистского характера: изображения правителей, богов, символов победы. Все чаще легенды монет стали содержать не только имена собственные и титулы, но и датировочные формулы. Наибольшего совершенства монетное дело получило, по мнению Бартеlemi, в эпоху Александра Македонского, ставшего примером для подражания в искусстве чеканки на многие столетия (Barthélemy 1756b: 30–48)⁴³.

⁴³ В 1760 г. Бартеlemi, упоминая надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ на одной из монет Йонатана, о которой речь шла выше, отнесет ее не к эпохе Александра Великого, а к позднему селевкидскому правителю Сирии Александру, кратко обосновывая свое мнение так: «Эта медаль так отличается от монет Александра Македонского по материалу, форме, мастерству чеканки и типу, что любой даже самый неподготовленный человек сможет увидеть эту разницу» (Barthélemy 1760: 503).

Нет сомнений, что новое для того времени решение наиболее сложной проблемы нумизматики — географической и хронологической атрибуции наиболее архаичных монет — изложенное в «Опыте нумизматической палеографии», было с большим интересом воспринято коллегами Бартеlemi. Что касается самого аббата, то через сорок лет он не без некоторой, как кажется, обиды напишет, что «они, [антиквары-нумизматы], до сих пор не подозревавшие о том, что я представил, были так поражены моим объяснением, что восприняли его как известный и уже давно признанный принцип» (Barthélemy 1809: 140). В любом случае, этот «Опыт» молодого академика, а также его первые доклады в стенах Академии показали, что к тому периоду Бартеlemi уже сложился как ученый-исследователь, способный к обобщению проверенных фактов, генерированию и проверке существующих гипотез, выдвижению и обоснованию новых научных принципов исследования в своей области⁴⁴.

Уже через полгода, 28 августа 1750 г. последовал следующий доклад Бартеlemi — «Заметки по поводу нескольких монет, представленных разными авторами» (Barthélemy 1759: 532–556). Эти заметки лишь отчасти можно считать развитием идей, заложенных в его «Опыте нумизматической палеографии». Работа над этим программным для нумизматической науки своего времени произведением была приостановлена более чем на тридцать лет. Известно, что в 1784 г. Бартеlemi выступил перед академиками с изложением начала второй части «Опыта нумизматической палеографии», заверив коллег, что продолжит работу над этой темой после публикации своего археологического романа «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции»⁴⁵. Однако, вопреки намерениям аббата, ему не удалось при жизни завершить эту работу, свести многочисленные фрагменты своих рассуждений по нумизматике в целостную картину метода, который, без сомнений, мог бы стать одним из самых выдающихся событий в этой отрасли исторической науки. И добавим, чего очень ждали его именитые коллеги и преданные друзья. Например, через три месяца после смерти Бартеlemi друг юности аббата Ф. де Сен-Венсан⁴⁶ с горечью писал:

Очень обидно, что наш друг отвлекся от работы, которую он начал над Нумизматической палеографией... В докладе, который он зачитал на эту тему в Академии в 1750 г., было заявлено, что будет продолжение, которого не последовало, и что мне всегда казалось крайне необходимым, потому что в области изучения монет нет более интересной темы. Я хотел бы, чтобы аббат де Курсэ⁴⁷ не лишал публику последней работы своего дяди... Доклад, сделанный в 1750 г., в сжатом виде содержит множество наблюдений и указаний, которые чрезвычайно полезны для тех, кто изучает царские монеты и монеты городов Греции. Я бы взял на себя смелость выступить против Анахарсиса, если бы

⁴⁴ Первые печатные отзывы на труд Бартеlemi появились лишь шесть лет спустя, когда текст его очерка был опубликован полностью в Записках Академии в 1756 г. См., например, отзыв на эту и другую статьи Бартеlemi в Журнале ученых: (Le Journal des Savants. Janvier, 1757. P. 790–796).

⁴⁵ На это есть указание редактора публикации второй части «Очерка» (Barthélemy 1809: 140–141, note b). Впрочем, есть также данные, что Бартеlemi выступал на эту тему в Академии еще дважды: в 1787 и 1789 гг. (Gerin 2009: 59).

⁴⁶ Жюль-Франсуа-Поль Фори де Сен-Венсан (Jules-François-Paul Fauris de Saint-Vincens/Vincent, 1718–1798) — председатель парламента Прованса, историк, нумизмат, библиофил.

⁴⁷ Аббат Андре Бартеlemi де Курсэ (André Barthélemy de Courçay, 1744–1799), племянник и наследник аббата Бартеlemi, нумизмат, ставший директором Кабинета медалей после смерти дяди. С 25 октября 1795 г. — директор Национальной библиотеки (Conservatoire).

оказалось, что планы по его четвертому переизданию помешали закончить работу над Палеографией. Вам такое отношение может показаться слишком личным, которое не делает чести ни моему вкусу, ни моему разуму...⁴⁸.

В этом же году, в первой биографии аббата «Очерк жизни Ж.-Ж. Бартелеми», Манчини-Нивернуа⁴⁹ заметил: «Он [Бартелеми] собирался опубликовать сборник всех своих статей с правками и дополнениями. Особо он ценил то, что им было написано о памятниках и языках Востока. Он был убежден, что иностранные ученые с интересом примут это собрание разрозненных статей. Второй по значимости для него была нумизматическая палеография. Его крайне интересовало продолжение работы над ней, чем он занимался до конца своих дней. Его племянник надеется, что сможет осуществить его планы в ближайшее время» (Mancini-Nivernois 1795: 69).

И действительно, наследник Бартелеми аббат де Курсэ предоставил для публикации материалы из рукописного архива дяди, которые были опубликованы в четырехтомном сборнике его Избранных сочинений⁵⁰ и в Записках Академии надписей в виде статьи «Опыт нумизматической палеографии. Часть вторая» (Barthélemy 1809: 140–206). В часть вторую «Опыта» вошли материалы по монетам первых известных македонских царей и древнейшим монетам греческих и италийских городов. Несмотря на обилие иллюстративного материала и последовательность его анализа, эта часть «Опыта» осталась незаконченной, как и в целом первоначальный замысел ученого. По планам самого Бартелеми эта работа должна была состоять из трех больших частей (пяти книг), которые бы освещали разнообразные аспекты нумизматики от материала и техники изготовления монет до их научно обоснованной атрибуции и систематизации. Значительным был хронологический и географический охват намечаемого труда: от наиболее архаичных монет до монет позднеримского периода, от Испании и Галлии до Ближнего Востока. Отдельную книгу Бартелеми хотел посвя-

⁴⁸ Из письма Ф. де Сен-Венсана барону де Сент-Круа от 13 августа 1795 г. (26 Thermidor An III). Фрагмент письма, но без упоминания аббата де Курсэ, приводится в кн.: (Badolle 1926: 27–28, note 1). У М. Бадолы указана дата — 13 октября 1795 г. Оригинал всего трехстраничного письма в Сети на сайте Gallica (BnF): NAF 501 (Л. 90–91/3). URL: <https://archivesetmanuscrs.bnf.fr/ark:/12148/cc40741t> (дата обращения: 03.10.2021). Гийом-Эммануэль-Жозеф де Сент-Круа (Guillaume-Emmanuel-Joseph de Sainte-Croix, 1746–1809) — историк, литератор, антиквар, близкий друг Бартелеми, автор хвалебного слова в его память.

⁴⁹ Луи-Жюль Манчини-Нивернуа (Louis-Jules Mancini-Nivernois/Nivernais, 1716–1798) — государственный министр, дипломат, поэт, драматург.

⁵⁰ Первое собрание Избранных сочинений Бартелеми под редакцией барона де Сент-Круа, включившего в издание философско-этические, художественные, публицистические произведения, путевые заметки, переписку и научные работы аббата, не вошедшие в разные годы, за небольшим исключением, в Записки Академии надписей и изящной словесности: *Œuvres diverses de J.J. Barthélemy*. Vol. I–IV. Paris: H.J. Jansen, l'An 6-ème (1798). Интересно замечание редактора в Предисловии этого издания, что выбор материалов для публикации в сборнике был сделан, по сути, самим Бартелеми: «Кроме того, он [Бартелеми] некоторым образом сам выбрал статьи, потому что незадолго до своей смерти сжег большое количество, очевидно, всех тех статей, которые не хотел, чтобы хоть как-то использовали после его смерти» (Préface de l'éditeur. P. VII). В третий том, помимо прочего, была включена «Книга третья о греческих монетах», состоящая из четырех глав, посвященных царским монетам греческих городов. Второе расширенное издание этих Избранных сочинений вышло после смерти барона де Сент-Круа: *Œuvres diverses de J.J. Barthélemy*. Nouvelle édition, augmentée de l'Essai sur la vie de J.J. Barthélemy, par Nivernais. Vol. I–II. Paris: Gueffier Jeune et Gueffier fils, 1823. (В библиографической литературе также указывается издание: *Œuvres diverses de J.J. Barthélemy*. Vol. I–II. Paris: H.J. Jansen, l'An 6-ème.)

тить фальшивомонетничеству и методам распознавания поддельных монет. Но на самом деле в рукописном наследии аббата остались лишь небольшие фрагменты записей на эти темы разных лет (Villeneuve 1821: XLVI–XLVII).

Менее чем за год до своей смерти Бартеlemi писал барону де Сент-Круа:

Вчера я и Брек⁵¹ говорили о ваших планах, если позволит здоровье, поселиться недалеко от Библиотеки и быть рядом с двумя вашими друзьями. Во всяком случае, находиться с ними по соседству. Мы давно уже обсуждали эту идею. Ведь, в конце концов: надо тешить себя иллюзиями. Для меня одна из них продолжить мою Палеографию. Это способ отвлечься от моих недугов и болей. Я уже давно набросал на бумаге некоторые общие рассуждения (*legères réflexions*) по поводу того, что сделал, но весьма поверхностно, потому что сразу понял, что не стою того, чтобы заниматься собою. Я даже не знаю, не сжег ли я это неудачное (*faible*) эссе⁵². Единственное, о чем я пожалею перед смертью, так это о том, что не закончу свои труды по древним монетам, потому что здесь громадное поле для работы и у немногих хватит терпения последовать за мною. Между тем я продолжаю работать, чтобы заполнить длинные и бесконечные дневные часы. Они мне казались очень короткими, когда я был молод и здоров. Сейчас они порою равны целому дню или столетию⁵³.

Мы еще вернемся к тому времени, когда часы Бартеlemi не были «равны целому дню или столетию». В тот период Бартеlemi, с одной стороны, как мы видели, начал работу над выдающимся для своего времени «Опытом нумизматической палеографии». Затем он сделает два замечательных открытия в области западносемитской филологии (дешифровка пальмирского и финикийского письма), немного приблизится к разгадке тайн древнеегипетских иероглифов, опубликует множество важных статей по частным вопросам античной и восточной истории и эпиграфики, попробует себя в беллетристике и поэзии.

С другой стороны, его ожидали многолетняя дружба с сильными мира сего, широко открытые двери лучших домов Парижа, шумный успех результата тридцатилетней

⁵¹ Луи-Жорж Брекини (Louis-Georges de Bréquigny, 1715–1795) — историк, палеограф, близкий друг Бартеlemi. Барон де Сент-Круа весьма трогательно написал о последних днях двух друзей: «Его старый друг Брекини был уже на закате своей жизни и очень страдал от недомоганий. Бартеlemi, сильно переживая за него, постоянно интересовался его здоровьем. Со своей стороны Брекини также беспокоился о самочувствии своего друга, хотя и не надеялся его пережить. Так взаимная забота поддерживала этих выдающихся старцев, сошедших в могилу почти одновременно» (Sainte-Croix 1798: XCVIII). Брекини ушел из жизни 3 июля 1795 г., через два месяца после смерти Бартеlemi 30 апреля.

⁵² Речь идет о Мемуарах-Автобиографии, которые вышли отдельным изданием, а также в качестве приложения к очередному переизданию книги «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции» в 1799 г. — «Mémoires sur la vie et quelques-uns des ouvrages de Jean-Jacq. Barthélemy, écrits par lui-même en 1792 et 1793. Paris: impr. de Didot jeune, an VII (1798–1799)».

⁵³ Отрывок из этого письма приводят барон де Сент-Круа (Sainte-Croix 1798: XCI) и М. Бадоль (Badolle 1926: 138). Письмо датировано: «26 prairial de l'an 2» — 14 июня 1794 г. (Бадоль неточно указывает дату письма: 26 Prairial An 1 — 14 июня 1793 г.). Оба автора начинают цитату из письма с «иллюзий», опуская планы самого барона перебраться жить поближе к Бартеlemi и Брекини. Автограф письма в Сети на сайте Gallica (BnF): NAF 501 (Л. 76). URL: <https://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc40741t> (дата обращения: 10.10.2021). Там же ответное письмо барона де Сент-Круа к Бартеlemi от «28 Messidor 2 de la R.» — 16 июля 1794 г. (Л. 63).

работы — археологического романа «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции», который сделал его автора одним из признанных законодателей «моды на античность» французского неоклассицизма.

Поменял бы Бартеlemi все эти «иллюзии» успеха на время для завершения Палеографии (и не только), будь у него возможность, в преклонном возрасте, начать свою жизнь с начала?

(Продолжение следует)

Литература

- Юнусов 2013 — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары // Письменные памятники Востока. 2013. № 2 (вып. 19). С. 100–125.
- Юнусов 2014 — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. II. Пальмирские тексты в Европе: Ж.-Ж. Скалигер // Письменные памятники Востока. 2014. № 2 (вып. 21). С. 125–152.
- Юнусов 2015 — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. III. Пальмирские тексты в Европе: С. Пети и Н.-К. де Пейреск // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (вып. 22). С. 75–97.
- Юнусов 2016 — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. IV. В поисках пальмирских текстов: первые английские путешественники в Тадморе // Письменные памятники Востока. 2016. Том 13. № 1 (вып. 24). С. 78–96.
- Юнусов 2019a — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. V. Дешифровка пальмирского алфавита: Дж. Свинтон и Ж.-Ж. Бартеlemi. Часть I // Письменные памятники Востока. 2019. Том 16. № 1 (вып. 36). С. 90–113. DOI: 10.78681/S1811806219010059.
- Юнусов 2019b — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. V. Дешифровка пальмирского алфавита: Дж. Свинтон и Ж.-Ж. Бартеlemi. Часть II // Письменные памятники Востока. 2019. Том 16. № 2 (вып. 37). С. 85–105. DOI: 10.78681/S1811806219010059.
- Юнусов 2020a — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. VI. Дешифровка финикийского алфавита: Ж.-Ж. Бартеlemi и Дж. Свинтон // Письменные памятники Востока. 2020. Том 17. № 1 (вып. 40). С. 21–45. DOI: 10.7876/S1811806220010021.
- Юнусов 2020b — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. VII. Бартеlemi-ориенталист: между наукой и «высшим светом». Часть I // Письменные памятники Востока. 2020. Том 17. № 2 (вып. 41). С. 18–40. DOI: 10.7876/S1811806220020028.
- Babelon 1890 — Babelon E. Les rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale. Paris: C. Rollin & Feuarent, 1890.
- Badolle 1926 — Badolle M. L'abbé Jean-Jacques Barthélemy (1716–1795) et l'hellénisme en France dans la seconde moitié du XVIIe siècle. Paris: Les presses universitaires de France, [1926].
- Barthélemy 1754a — Barthélemy J.-J. Recherches sur le Pactole // Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles lettres, avec les Mémoires de littérature tirés des Registres de cette Académie depuis l'année M. DCCXLVII jusques & y compris M. DCCXLVIII. Tome XXI. Paris: Imprimerie Royale, 1754. P. 19–25.
- Barthélemy 1754b — Barthélemy J.-J. Réflexions sur médaille de Xerxès, roi d'Arsamosate // Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, avec les Mémoires de littérature tirés des Registres de cette Académie depuis l'année M. DCCXLVII jusques & y compris M. DCCXLVIII. Tome XXI. Paris: Imprimerie Royale, 1754. P. 404–420.

- Barthélemy 1756 — *Barthélemy J.-J.* Remarques sur une inscription grecque trouvée par M. l'abbé Fourmont dans le temple d'Apollon Amycléen et contenant une liste des prêtresses de ce dieu // Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, avec les Mémoires de littérature tirés des Registres de cette Académie depuis l'année M. DCCXLIX jusque & y compris M. DCCLI. Tome XXIII. Paris: Imprimerie Royale, 1756. P. 394–421.
- Barthélemy 1756a — *Barthélemy J.-J.* Dissertation sur deux médailles samaritaines d'Antigonus roi de Judée // Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie royale des inscriptions et belles-lettres depuis l'année M. DCCXLVIII, jusque & compris l'année M. DCCLI. Tome XXIV. Paris: Académie des inscriptions et belles-lettres, 1756. P. 49–66.
- Barthélemy 1756b — *Barthélemy J.-J.* Essai d'une Paléographie Numismatique // Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie royale des inscriptions et belles-lettres depuis l'année M. DCCXLVIII, jusque & compris l'année M. DCCLI. Tome XXIV. Paris: Imprimerie Royale, 1756. P. 30–48.
- Barthélemy 1759 — *Barthélemy J.-J.* Remarques sur quelques médailles publiées par différents auteurs // Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie royale des inscriptions et belles-lettres depuis l'année M. DCCLII, jusque & compris l'année M. DCCLIV. Tome XXVI. Paris: Imprimerie Royale, 1759. P. 532–556.
- Barthélemy 1760 — *Barthélemy J.-J.* Lettre de M. l'Abbé Barthélemy, à Messieurs du Journal des Savants, sur quelques Médailles Phéniciennes // Journal des Savants. Aoust, 1760. P. 485–504.
- Barthélemy 1809 — *Barthélemy J.-J.* Essai d'une Paléographie Numismatique. II-ème partie // Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, avec les Mémoires de littérature tirés des Registres de cette Académie, depuis l'année M. DCCLXXXIV jusqu'au 8 août M. DCCXCIII. Tome XLVIII. Paris: Imprimerie Royale, 1809. P. 140–206.
- Barthélemy 1824 — *Barthélemy J.-J.* Mémoires sur la vie de l'abbé Barthélemy, écrits par lui-même en 1792 et 1793. Paris: Étienne Ledoux, 1824.
- Bedoukian 1983 — *Bedoukian P.Z.* Coinage of the Armenian Kingdoms of Sophene and Commagene // Museum Notes (American Numismatic Society). 1983. Vol. 28. P. 71–88.
- Callataÿ 2010 — *Callataÿ F. (de).* Le compte de Caylus et l'étude des monnaies antiques // Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions. 2010. III (juillet-octobre). P. 1329–1364.
- Chatelain 2003 — *Chatelain J.-M.* Une collection pour mémoire: le cabinet des livres de Châtre de Cangé // La Bibliothèque de l'honnête homme: Livres, lecture et collections en France à l'âge classique. Paris: Éditions de la Bibliothèque nationale de France, 2003. P. 161–197.
- Cochin 1890 — *Cochin C.-N.* Mémoires inédits de Charles-Nicolas Cochin sur le Comte de Caylus, Bouchardon, les Slodtz. Paris: Baur, 1880.
- Delatour, Sarmant 1994 — *Delatour J., Sarmant Th.* La charge de bibliothécaire du roi aux XVIIe et XVIIIe siècles // Bibliothèque de l'école des chartes, 1994. Tome 152, livraison 2. P. 465–502.
- Dupont-Sommer 1971 — *Dupont-Sommer A.* Jean-Jacques Barthélemy et l'ancienne Académie des inscriptions et belles-lettres // Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 115e année. 1971. No. 4. P. 707–725.
- Frölich 1754 — *Frölich E.* Dubia de Minnisari aliorumque Armeniæ regum numis et Arsacidarum epocha nuper vulgatis. Viennæ Austriæ: Typis Joannis Thomæ Trattner, 1754.
- Fumaroli 1995 — *Fumaroli M.* Le comte de Caylus et l'Académie des inscriptions // Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 139e année. 1995. No. 1. P. 225–250.
- Fumaroli 2016 — *Fumaroli M.* Le comte de Caylus et Edmé Bouchardon. Deux réformateurs du goût sous Louis XV. Paris: Musée de Louvre, Somogy éditions, 2016.
- Gerin 1999 — *Gerin D.* Jean-Jacques Barthélemy, Garde du Cabinet du roi ([1745–]1754–1795) et numismate // Commission internationale de numismatique. Compte rendu. 1999 (2000). Vol. 46. P. 54–63.
- Godenne 1969 — *Godenne R.* Agréable diversité des Œuvres badines du comte de Caylus // Dix-huitième siècle. 1969. No^o1. P. 251–266.

- Grimm 1813 — *Grimm F.M. (von)*. Correspondance littéraire, philosophique et critique, adressée à un souverain d'Allemagne, depuis 1753 jusqu'en 1769. Partie I. Tome I. Paris: Longchamps, F. Buisson, 1813.
- Jam 2000 — *Jam J.-L.* Caylus, l'amateur crépusculaire // J.-L. Jam (ed.). Les divertissements utiles: des amateurs au XVIIIe siècle. [Clermont-Ferrand]: Presses universitaires Blaise Pascal, 2000. P. 21–37.
- Low 1937 — *Low D.M.* Edward Gibbon 1737–1794. New York: Random House, 1937.
- Mancini-Nivernois 1795 — *Mancini-Nivernois L.-J.-B.* Essai sur la vie de J.J. Barthélemy. Paris: G. de Bure l'Ainé, 1795.
- Marmontel 1891 — *Mémoires de Marmontel*. Publiés avec préface, notes et tables par Maurice Tourneux. Tome II-ème. Paris: Librairie des bibliophiles, 1891.
- Masseau 2004 — *Masseau D.* Caylus, Diderot et les philosophes // Le comte de Caylus: les Arts et les Lettres. Actes du colloque international. Université d'Anvers (UFSIA) et Voltaire Foundation, Oxford, 26–27 mai 2000. N. Cronk, K. Peeters (eds.). Amsterdam; New York: Rodopi B.V., 2004. P. 45–57.
- Maugras 1903 — *Maugras G.* Le Duc et la Duchesse de Choiseul: leur vie intime, leurs amis et leur temps. 4-ème ed. Paris: Plon-Nourrite & Cie, 1903.
- Maury 1864 — *Maury A.L.-F.* L'Ancienne Académie des inscriptions et belles-lettres. Les Académies d'autrefois. II-ème édition. Paris: Didier et Cie, 1864.
- Merceriana 1893 — *Tourneux M. (ed.)*. Merceriana: ou Notes inédites de Mercier de Saint-Léger. Paris: Librairie Techener, 1893.
- Perol 2000 — *Perol L.* Diderot et l'art, un amateur qui n'aimait pas les amateurs // J.-L. Jam (ed.). Les divertissements utiles: des amateurs au XVIIIe siècle. [Clermont-Ferrand]: Presses universitaires Blaise Pascal, 2000. P. 39–58.
- Pons 1914 — *Pons A.A.* Introduction. Comte de Caylus. Voyage d'Italie, 1714–1715. I éd. du code autographe annotée et précédée d'un essai sur le comte de Caylus par Amilda A. Pons. Paris: Librairie Fischbacher, 1914.
- Rados 1818 — *Rados L.* Serie di vite e ritratti de Famosi Personaggi degli ultimi Tempi. Vol. II. Milano: edita da Bettalli e Fanfani, 1818.
- Raskolnikoff 1992 — *Raskolnikoff M.* Histoire romaine et critique historique dans l'Europe des Lumières. La naissance de l'hypercritique dans l'historiographie de la Rome antique. Publications de l'École Française de Rome, 163. Rome: École Française de Rome, 1992.
- Sainte-Croix 1798 — *Sainte-Croix G.-E.-J.* Éloge historique de J.J. Barthélemy // Œuvres diverses de J.J. Barthélemy. Vol. I. Paris: H.J. Jansen, l'An 6-me, 1798. P. XIII–C.
- Sarmant 1994 — *Sarmant Th.* Le Cabinet des médailles de la Bibliothèque nationale, 1661–1848. Paris: École des chartes, 1994.
- Sayles 1999 — *Sayles W.G.* Ancient Coin Collecting VI: Non-classical Cultures. Iola, Wis.: Krause Publications, 1999. P. 28–29.
- Villenave 1821 — *Villenave M.-G.-Th.* Notice sur la vie et les ouvrages de J.-J. Barthélemy // Œuvres complètes de J.-J. Barthélemy. Paris: Bossage père et fils, 1821. Tome I, 1-re partie. P. I–LX.

References

- Babelon, Ernest. *Les rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène*. Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale. Paris: C. Rollin & Feuwardent, 1890 (in French).
- Badolle, Maurice, l'Abbé. *Jean-Jacques Barthélemy (1716–1795) et l'héllenisme en France dans la seconde moitié du XVII le siècle*. Paris: Les presses universitaires de France, 1926 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Recherches sur le Pactole”. In: *Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles lettres, avec les Mémoires de littérature tirés des Registres de cette Académie depuis l'année M. DCCXLVII jusques & compris M. DCCXLVIII*. Tome XXI. Paris: Imprimerie Royale, 1754, pp. 19–25 (in French).

- Barthélemy, Jean-Jacques. “Réflexions sur médaille de Xerxès, roi d’Arsamosate”. In: *Histoire de l’Académie royale des inscriptions et belles lettres, avec les Mémoires de littérature tirés des Registres de cette Académie depuis l’année M. DCCXLVII jusques & compris M. DCCXLVIII*. Tome XXI. Paris: Imprimerie Royale, 1754, pp. 404–420 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Remarques sur une inscription grecque trouvée par M. l’abbé Fourmont dans le temple d’Apollon Amycléen et contenant une liste des prêtresses de ce dieu”. In: *Histoire de l’Académie royale des inscriptions et belles lettres, avec les Mémoires de littérature tirés des Registres de cette Académie depuis l’année M. DCCXLX jusques & compris M. DCCLI*. Tome XXIII. Paris: Imprimerie Royale, 1756, pp. 394–421 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Dissertation sur deux médailles samaritaines d’Antigonus roi de Judée”. In: *Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie royale des inscriptions et belles-lettres, Depuis l’année M. DCCXLVIII, jusques & compris l’année M. DCCLI*. Tome XXIV. Paris: Imprimerie Royale, 1756, pp. 49–66 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Essai d’une Paléographie Numismatique”. In: *Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie des inscriptions et belles-lettres, Depuis l’année M. DCCXLVIII, jusques & compris l’année M. DCCLI*. Tome XXIV. Paris: Imprimerie Royale, 1756, pp. 30–48 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Remarques sur quelques médailles publiées par différents auteurs”. In: *Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie royale des inscriptions et belles-lettres, Depuis l’année M. DCCLII, jusques & compris l’année M. DCCLIV*. Tome XXVI. Paris: Imprimerie Royale, 1759, pp. 532–556 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Lettre de M. l’Abbé Barthélemy, à Messieurs du Journal des sçavans, sur quelques Médailles Phéniciennes”. In: *Journal des Savants, Aoust, 1760*, pp. 485–504 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Essai d’une Paléographie Numismatique. II-ème partie”. In: *Histoire de l’Académie royale des inscriptions et belles lettres, avec les Mémoires de littérature tirés des Registres de cette Académie, depuis l’année M. DCCLXXXIV jusqu’au 8 août M. DCCXCIII*. Tome XLVIII. Paris: Imprimerie Royale, 1809, pp. 140–206 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. *Mémoires sur la vie de l’abbé Barthélemy, écrits par lui-même en 1792 et 1793*. Paris: Étienne Ledoux, 1824 (in French).
- Bedoukian, Paul Z. “Coinage of the Armenian kingdoms of Sophene and Commagene”. In: *Museum Notes (American Numismatic Society)*, 1983, vol. 28, pp. 71–88 (in English).
- Callataÿ, François de. “Le compte de Caylus et l’étude des monnaies antiques”. In: *Comptes-rendus de l’Académie des inscriptions* 2010, III (juillet-octobre), pp. 1329–1364 (in French).
- Chatelain, Jean-Marc. “Une collection pour mémoire: le cabinet des livres de Châtre de Cangé”. In: *La Bibliothèque de l’honnête homme: Livres, lecture et collections en France à l’âge classique*. Paris: Éditions de la Bibliothèque nationale de France, 2003, pp. 161–197 (in French).
- Cochin, Charles-Nicolas. *Mémoires inédits de Charles-Nicolas Cochin sur le Comte de Caylus, Bouchardon, les Slotz*. Paris: Baur, 1880 (in French).
- Delatour, Jérôme & Sarmant, Thierry. “La charge de bibliothécaire du roi aux XVIIe et XVIIIe siècles”. In: *Bibliothèque de l’école des chartes*. 1994, tome 152, livraison 2, pp. 465–502 (in French).
- Dupont-Sommer, André. “Jean-Jacques Barthélemy et l’ancienne Académie des inscriptions et belles-lettres”. In: *Comptes rendus des séances de l’Académie des inscriptions et belles-lettres*, 115e année, 1971, no. 4, pp. 707–725 (in French).
- Frölich, Erasmus. *Dubia de Minisari aliorumque Armeniæ regum numis et Arsacidarum epocha nuper vulgatis*. Viennæ Austriæ: Typis Joannis Thomæ Trattner, 1754 (in Latin).
- Fumaroli, Marc. “Le comte de Caylus et l’Académie des Inscriptions”. In: *Comptes rendus des séances de l’Académie des inscriptions et belles-lettres*, 139e année, 1995, no. 1, pp. 225–250 (in French).
- Fumaroli, Marc. *Le comte de Caylus et Edme Bouchardon. Deux réformateurs du goût sous Louis XV*. Paris: Musée de Louvre, Somogy éditions, 2016 (in French).

- Gerin, Dominique. "Jean-Jacques Barthélemy, Garde du Cabinet du roi ([1745–]1754–1795) et numismate". In: *Commission internationale de numismatique*. Compte rendu 46, 1999 (2000), pp. 54–63 (in French).
- Godenne, René. "Agréable diversité des Œuvres badines du comte de Caylus". In: *Dix-huitième Siècle*, 1969, no. 1, pp. 251–266 (in French).
- Grimm, Friedrich Melchior (von). *Correspondance littéraire, philosophique et critique, adressée à un souverain d'Allemagne, depuis 1753 jusqu'en 1769*. Partie 1. Tome I. Paris: Longchamps, F. Buisson, 1813 (in French).
- Jam, Jean-Louis. "Caylus, l'amateur crépusculaire". In: J.-L. Jam (ed.). *Les divertissements utiles: des amateurs au XVIIIe siècle*. [Clermont-Ferrand]: Presses universitaires Blaise Pascal, 2000, pp. 21–37 (in French).
- Low, David. *Morrice Edward Gibbon 1737–1794*. New York: Random House, 1937 (in English).
- Mancini-Nivernois, Louis-Jules-Barbon. *Essai sur la vie de J. J. Barthélemy*. Paris: G. de Bure l'Ainé, 1795 (in French).
- Marmontel, Jean-François. *Mémoires de Marmontel. Publiés avec préface, notes et tables par Maurice Tourneux*. Tome II-ème. Paris: Librairie des bibliophiles, 1891 (in French).
- Masseau, Didier. "Caylus, Diderot et les philosophes". In: *Le comte de Caylus: les Arts et les Lettres. Actes du colloque international*. Université d'Anvers (UFSIA) et Voltaire Foundation, Oxford, 26–27 mai 2000. Nicholas Cronk, Kris Peeters (eds.). Amsterdam–New York: Rodopi B.V., 2004, pp. 45–57 (in French).
- Maugras, Gaston. *Le Duc et la Duchesse de Choiseul: leur vie intime, leur amis et leur temps*. 4-ème ed. Paris: Plon-Nourrite & Cie, 1903 (in French).
- Maury, Alfred L.-F. *L'Ancienne Académie des inscriptions et belles-lettres*. Les Académies d'autrefois. II-ème édition. Paris: Didier et Cie, 1864 (in French).
- Merceriana Tourneux, Maurice (ed.). *Merceriana: ou, Notes inédites de Mercier de Saint-Léger*. Paris: Librairie Techener, 1893 (in French).
- Perol, Lucette. "Diderot et l'art, un amateur qui n'aimait pas les amateurs". In: J.-L. Jam (ed.). *Les divertissements utiles: des amateurs au XVIIIe siècle*. [Clermont-Ferrand]: Presses universitaires Blaise Pascal, 2000, pp. 39–58 (in French).
- Pons, Amilda A. *Introduction. Comte de Caylus. Voyage d'Italie, 1714–1715. I éd. du code autographe annotée et précédée d'un essai sur le comte de Caylus par Amilda A. Pons*. Paris: Librairie Fischbacher, 1914 (in French).
- Rados, Louigi. *Serie di vite e ritratti de Famosi Personaggi degli ultimi Tempi*. Vol. II. Milano: edita da Bettalli e Fanfani, 1818 (in Italian).
- Raskolnikoff, Mouza. *Histoire romaine et critique historique dans l'Europe des Lumières. La naissance de l'hypercritique dans l'historiographie de la Rome antique*. Publications de l'École française de Rome, 163. Rome: École Française de Rome, 1992, pp. 3–886 (in French).
- Sainte-Croix, Guillaume-Emmanuel-Joseph. "Éloge historique de J.J. Barthélemy". In: *Œuvres diverses de J.J. Barthélemy*, vol. I. Paris: H.J. Jansen, l'An 6-me, 1798, pp. XIII–C (in French).
- Sarmant, Thierry. *Le Cabinet des médailles de la Bibliothèque nationale, 1661–1848*. Paris: École des charts, 1994 (in French).
- Sayles, Wayne G. *Ancient coin collecting VI: non-classical cultures*. Iola, Wis.: Krause Publications, 1999 (in English).
- Villeneuve, Matthieu-Guillaume-Thérèse (de). "Notice sur la vie et les ouvrages de J.-J. Barthélemy". In: *Oeuvres complètes de J.-J. Barthélemy*. Paris: Bossage père et fils, 1821. Tome I, 1-re partie, pp. I–LX (in French).
- Yunusov, Marat M. "Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. I. Pal'mirskie teksty v Rime v XVI v.: kardinaly-metsenaty i uchenye-antikvary" [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 1. Palmyrene Texts in Rome in the 16th Century: The Cardinals-Patrons of the Arts and Scholars-Antiquarians]. *Pismennyye pamiatniki Vostoka*, 2013, no. 2 (iss. 19), pp. 100–125 (in Russian).

- Yunusov, Marat M. “Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. II. Pal'mirskie teksty v Evrope: Zh.-Zh. Scaliger” [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 2. Palmyrene Texts in Europe: J.J. Scaliger]. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2014, no. 2 (iss. 21), pp. 125–152 (in Russian).
- Yunusov, Marat M. “Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. III. Pal'mirskie teksty v Evrope: S. Peti i N.-K. de Peiresk” [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 3. Palmyrene Texts in Europe: S. Petit and N.-C. de Peiresc]. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2015, no. 1 (iss. 22), pp. 75–97 (in Russian).
- Yunusov, Marat M. “Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. IV. V poiskah pal'mirskikh tekstov: pervye angliiskie puteshestvenniki v Tadmore” [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 4. In Search of Palmyrene Texts: The First English Travellers in Tadmor]. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2016, vol. 13, no. 1 (iss. 24), pp. 78–96 (in Russian).
- Yunusov, Marat M. “Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. V. Deshifrovka palmirskogo alfavita: J. Svinton i J.-J. Bartelemi” [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 5. Decipherment of Palmyrene Alphabet: J. Swinton and J.-J. Barthélemy. Part 1]. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, no. 1 (iss. 36), pp. 90–113. DOI: 10.78681/S1811806219010059 (in Russian).
- Yunusov, Marat M. “Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. V. Deshifrovka palmirskogo alfavita: J. Svinton i J.-J. Bartelemi” [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 5. Decipherment of Palmyrene Alphabet: J. Swinton and J.-J. Barthélemy. Part 2]. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, no. 2 (iss. 37), pp. 85–105. DOI: 10.78681/S1811806219010059 (in Russian).
- Yunusov, Marat M. “Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. VI. Deshifrovka finikiiskogo alfavita: J. Svinton i J.-J. Bartelemi” [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 6. Decipherment of Palmyrene Alphabet: J. Swinton and J.-J. Barthélemy]. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2020, vol. 17, no. 1 (iss. 40), pp. 21–45. DOI: 10.7876/S1811806220010021 (in Russian).
- Yunusov, Marat M. “Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. VII. Bartelemiy-orientalist: mezhdou naukoj i ‘vysshym svetom’. Chast I” [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 7. Barthélemy the Orientalist: Between Scholarship and High Society. Part I]. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2020, vol. 17, no. 2 (iss. 41), pp. 18–40. DOI: 10.7876/S1811806220020028 (in Russian).

From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People.

7. Barthélemy the Orientalist: Between Scholarship and High Society.

Part II

Marat M. YUNUSOV

Institute of Oriental Manuscripts, RUS
St. Petersburg, Russian Federation.

Received 17.11.2021

Abstract: In June 1744, Abbot Barthélemy arrived in Paris with many letters of recommendation. One of these letters was given to Claude de Boze, curator of the royal Cabinet des Médailles. Soon

the young abbot was recruited as an assistant to de Boze and began active work in the field of numismatics. A few years later, with the help of patrons and friends, Barthélemy was elected as a member of the Académie des inscriptions et belles-lettres, where he made several presentations immediately recognized by the scholarly community. One of them was the first part of the *Essai d'une Paléographie Numismatique*, which proposed a new method for its time for attribution and systematization of the most archaic coins in the Mediterranean. However, Barthélemy did not pursue systematic work on the subject being for many years distracted, among other things, by writing his archaeological novel, *Voyage du jeune Anacharsis en Grèce*. This work brought the author worldwide fame and recognition of the general public. At the end of his life, he nevertheless continued to work on his *Paléographie* and was very sorry that he would not have time to finish it. The scholar's contemporaries and biographers noted that this delay cost Barthélemy the honorable place of the founder of modern numismatics.

Key words: Barthélemy, de Boze, de Caylus, numismatics, epigraphy.

For citation: Yunusov, Marat M. "From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 7. Barthélemy the Orientalist: Between Scholarship and High Society. Part II". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48), pp. 108–128 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO100091.

About the author: Marat M. YUNUSOV, Cand. Sci. (History), Researcher of the Department of Ancient Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ymm65@hotmail.com). ORCID: 0000-0003-1926-5044.

Обзор заседаний городской конференции «Актуальные проблемы буддологических исследований–10, 11» (Санкт-Петербург, 15 марта, 21 июня 2021 г.)

Т.В. ЕРМАКОВА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO100092

Статья поступила в редакцию 28.10.2021.

Ключевые слова: буддизм, буддологические исследования, Институт восточных рукописей РАН.

Для цитирования: *Ермакова Т.В.* Обзор заседаний городской конференции «Актуальные проблемы буддологических исследований–10, 11» (Санкт-Петербург, 15 марта, 21 июня 2021 г.) // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 129–135. DOI: 10.55512/WMO100092.

Об авторе: ЕРМАКОВА Татьяна Викторовна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (taersu@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5273-7870.

© Ермакова Т.В., 2022

Десятая городская конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований–10» проходила в Институте восточных рукописей РАН (ИВР РАН) 15 марта 2021 г.

А.А. Сизова (м.н.с. лаборатории Сериндика ИВР РАН) посвятила доклад «„Барабанный бой“ в „Сутре золотого блеска“: об одном тибетском фрагменте из Сериндийского фонда ИВР РАН» палеографическому и текстологическому анализу популярного неканонического произведения, дошедшего до нашего времени в 12 фрагментах, хранящихся в ИВР РАН и других древлехранилищах. Как установила А.А. Сизова, «Священный звук барабана золотого блеска» воспроизводит эпизод, вошедший в «Сутру золотого блеска»: бодхисаттва Ручиракету во сне слышит барабанный бой, после чего отправляется к Будде с покаянием. В докладе было показано, что в ходе распространения текста его структура обогащалась за счет добавления дхарани, отсутствующих в более ранней дуньхуанской версии.

О.В. Лундышева (м.н.с. лаборатории Сериндика ИВР РАН) в докладе «Фрагмент тохарского текста о законе взаимозависимого возникновения» представила результаты комплексного обследования фрагмента текста «Самьюктагамы». По сохранившимся письменным знакам была высказана гипотеза о том, что это перевод с санскрита раздела о взаимозависимом возникновении.

А.В. Зорин (к.ф.н., с.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН) в докладе «Тибетские тексты по культу Махакалы из Хара-Хото» представил промежуточные результаты работы по каталогизации и описанию тибетских текстов из Хара-Хото. По культу Махакалы было отождествлено 13 канонических и неканонических текстов, проведен анализ титулатур Махакалы (Вороноликий), отождествлены тексты «Садханы Шри Махакалы» Нагарджуны, неканонической дхарани Махакалы, наставлений по проведению ритуалов Махакалы. А.В. Зорин аргументировал вывод о смысловой связи культа Махакалы с ритуалами поддержания тангутского государства.

Ю.В. Болтач (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) выступила с докладом «Цели поклонения бодхисаттве Кшитигарбхе в древней Корее (по материалам „Самгук юса“»». В результате исследования Ю.В. Болтач установила, что в сюжетах «Самгук юса» цели поклонения Кшитигарбхе — это обеспечение благополучия государства и правителя, выражение благоговения перед явленным чудом, выяснение степени тяжести и характера своих кармических препятствий, очищение от прегрешений, чудесное обретение обетов, лицезрение бодхисаттвы. Докладчица сопоставила эту реконструкцию с двумя каноническими текстами — «Сутрами основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи» (базовый источник по культу данного бодхисаттвы) и «Сутрами проявления гаданием хорошего [и] плохого кармического воздаяния» (посвящены бодхисаттве Кшитигарбхе).

Е.А. Десницкая (к.филос.н., н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) представила доклад «„Буддийские“ решения проблемы референции в „Вакьяпади“ Бхартрихари». «Вакьяпади» Бхартрихари был охарактеризован как энциклопедический трактат, представляющий широкий спектр точек зрения, отсылающих к различным школам индийской философии. При рассмотрении проблемы референции, наряду с брахманистскими по духу воззрениями об универсалии как референте слова или о Брахмане как предельном референте всех слов, Бхартрихари транслирует и решения, тяготеющие к буддийской философии. Е.А. Десницкая обосновала, что к их числу можно отнести отрицание связи между словами и реальными объектами и выделение языка в сферу концептуального; постулирование особой метафорической реальности как пространства существования референтов; функциональное обоснование референции. В докладе были рассмотрены эти три решения и аргументирована их возможная связь с буддийскими философскими традициями.

Е.П. Островская (д.филос.н., гл.н.с., завсектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) выступила с докладом «Общие качества будд и их благородных учеников». На основе VII раздела («Учение о знании») «Энциклопедии Абхидхармы» Васубандху, комментаторской литературы и современных исследований было аргументированно уточнено содержание понятия «шраваки». Обычно этот термин переводится как «слушающие учение», но тогда это и «обучающиеся». Однако в учении Будды — это архаты. Общие с буддами качества — те, которые формируются благодаря слушанию учения, и статус «арья» (благородный) приобретает через соответствующие практики. Е.П. Островская охарактеризовала эти качества — уми-

ротворенность (способность гасить у других конфликтность); знание, порожденное страстью к познанию; решимость в совершенствовании знания.

Т.В. Ермакова (к.филос.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) в докладе «Переписка Дж. Туччи и Ю.Н. Рериха как источник по истории востоковедения» охарактеризовала научные связи Дж. Туччи и Ю.Н. Рериха на основе переписки ученых, длившейся с перерывами с 1930-х по 1950-е годы. Было реконструировано первоначальное содержание переписки — обмен книгами, обсуждение текущих научных занятий. В 1950-е годы это преимущественно активные поиски Ю. Рерихом носителя тибетского языка для работы с рукописной коллекцией и преподавания в Риме в ответ на просьбу Дж. Туччи.

В.Ю. Климов (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) в докладе «Еще раз о посланиях Рэннэ (1415–1499)» обобщил результаты своего исследования писем иерарха японского буддизма: по стилю и объему они были приспособлены к возможностям простого верующего воспринять доктринальные положения. Переписывание писем по обету и их почитание считалось религиозной заслугой. Анализ текста посланий Рэннэ, проведенный В.Ю. Климовым, показал, что они содержат значительное количество цитат из произведений буддийского канона.

Доклад В.П. Иванова (к.ф.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) «Критика воззрений Бхартрихари у Шантаракшиты и Камалашилы» был посвящен осмыслению буддийскими философами подхода грамматиста Бхартрихари к интерпретации базовых категорий индийской религиозно-философской мысли (брахман как слово и онтологический принцип), к соотношению обозначаемого и обозначающего. В.П. Иванов отметил, что эти дискуссии обширно представлены в комментаторской литературе.

Р.Н. Крапивина (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) выступила с докладом «Об изучении „Праджняпарамита хридая сутры“». В докладе была охарактеризована структура памятника, обозначены узловые пункты комментирования. Р.Н. Крапивина подчеркнула, что в ходе истории функционирования этого популярнейшего текста сложились комментаторские традиции. Для современного исследователя вошедшие в тибетский канонический корпус тексты комментариев представляют ценный источник для установления базовой терминологии.

С.Л. Бурмистров (д.филос.н., в.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) выступил с докладом «Основные темы первой главы Прасаннапада», в котором были рассмотрены воззрения школы мадхьямака-прасангика на сущность закона зависимо-го возникновения, аргументация прасангиков в дискуссиях по этому вопросу с представителями другой школы мадхьямаки — сватантрикой, проанализированы аргументы прасангиков в пользу учения о невозникновении реальных. С.Л. Бурмистров реконструировал содержательные аспекты этой аргументации в ходе обследования и перевода памятника.

Доклад С.Х. Шомахмадова (к.и.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) «Сюжет о созерцании ступы (*ступа-самдаршана*) в Лотосовой сутре и текстах Праджняпарамиты» был основан на сопоставительном анализе сюжетов 11-й главы Лотосовой сутры и «Шатасahasрики». В результате С.Х. Шомахмадов продемонстрировал смысловое единство практики визуализации ступы и рецитации Лотосовой сутры.

Е.Ю. Харькова (независимый исследователь) представила доклад «Типологии знания и идеал познания в древнеиндийской мысли», в котором на обширной источниково-

вой базе показала историческую эволюцию и содержательное наполнение фундаментальной категории «знание» в различных философских системах древней и средневековой Индии.

Одиннадцатое заседание конференции проходило 21 июня 2021 г. Незадолго до этого произошло печальное событие — ушла из жизни Маргарита Иосифовна Воробьева-Десятовская (28.01.1933–13.06.2021), палеограф, индолог-санскритолог, чья профессиональная деятельность была неразрывно связана с ИВР РАН. Поэтому заседание началось с мемориальной части. Е.П. Островская (д.филос.н., гл.н.с., завсектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) охарактеризовала научный вклад Воробьевой-Десятовской в исследование и публикацию рукописного наследия Индии и Центральной Азии, в публикацию рукописей из собрания ИВР РАН. Несмотря на то что в 2014 г. Маргарита Иосифовна вышла на заслуженный отдых, ее хорошо помнили коллеги по Институту. Собравшиеся поделились воспоминаниями о ней, об опыте совместной работы, примечательных эпизодах научного и личного общения. Далее заседание шло по программе.

Доклад А.А. Сизовой (м.н.с. лаборатории Сериндика ИВР РАН) «Первый перевод „Алмазной сутры“ на европейский язык (немецкий перевод И. Иерига)» был основан на изучении рукописи грамматики монгольского языка Иоганна Иерига (1747–1795) в процессе подготовки ее к изданию. В качестве приложения к грамматике И. Иериг включил в свою работу «упражнения для чтения»: небольшие монгольские тексты с переводом на немецкий язык. Одним из них является апокрифическое буддийское сочинение, основанное на «Алмазной сутре». А.А.Сизова рассмотрела переводческие техники И. Иерига, в частности, его подход к переводу буддийских терминов.

О.В. Лундышева (м.н.с. лаборатории Сериндика ИВР РАН) представила доклад «Принципы перевода буддийской терминологии на тохарский Б по материалам санскрито-тохарских билингв». На материале фрагментов рукописей из коллекции ИВР РАН было убедительно продемонстрировано, что пословные билингвы представляют собой ценный источник для реконструкции исходной санскритской терминологии, переводимой на тохарский Б. О.В. Лундышева также осветила жанры переводных буддийских текстов.

А.В. Зорин (к.ф.н., с.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН) в докладе «Текстологический анализ фрагментов тибетских рукописей „Двадцатипяти тысячной Праджняпарамиты“ из Семи палат» представил раздел работы по международному проекту «У истоков тибетологии: российско-французское сотрудничество в исследовании первых тибетских рукописей в Европе». А.В. Зорин рассказал об истории инвентаризации Тибетского фонда, в ходе которой 14 единиц хранения были надежно идентифицированы как рукописи из Семипалатинска, изложил результаты текстологического и почерковедческого анализа обследованных фрагментов.

Ю.В. Болтач (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) выступила с докладом «Цели поклонения Бодхисаттве Авалокитешваре в древней Корее по данным „Самгук юса“ в сравнении с характеристикой этого бодхисаттвы в „Садхармапундрика-сутре“». В докладе было показано, что «Самгук юса» отражает популярность Авалокитешвары в составе корейского буддийского пантеона. Свидетельством тому служит большое количество упоминаний его культа в этом важнейшем источнике XIII в. по ранней истории корейского буддизма. В исследованных сюжетах Ю.В. Болтач выявила следующие цели поклонения Авалокитешваре: освобождение из плена,

узилища, спасение от разбойников; ниспослание потомства, исцеление, устройство семейной жизни, лицезрение этого бодхисаттвы, благодарность за уже совершенное чудо, обретение благополучия. Сравнение этих целей с характеристикой чудесных способностей Авалокитешвары, приведенной в главе XXV «Саддхармапундарика-сутры», составляющей каноническую основу культа этого бодхисаттвы в дальневосточной буддийской традиции, показывает, что зафиксированные в «Самгук юса» цели поклонения Авалокитешваре за редким исключением соответствуют названным в «Саддхармапундарике».

А.Ю. Луценко (Ph.D., н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) в докладе «Отношение к буддизму в японском дидактическом комментарии XVII века к „Повести о доме Тайра“ (*Хэйкэ моногатари*)» проанализировал три отрывка из «Комментария с суждениями и тайными преданиями к Повести о доме Тайра» (*Хэйкэ моногатари хё:бан хидэнсё*., 1650), дидактического комментария к известному средневековому произведению «Повесть о доме Тайра» (*Хэйкэ моногатари*, XIII в.). Этот комментарий, предназначенный для воинского сословия периода Токугава (XVII–XIX вв.), сильно контрастирует с преимущественно буддийской «Повестью о доме Тайра», в которой подчеркиваются описания смуты, идеи непостоянства и сочувствия к пострадавшим. В комментарии упор сделан на анализе причин событий, выявлении ошибок и важности своевременного предотвращения проблем. А.Ю. Луценко убедительно продемонстрировал ценность изучаемого им источника для исторической реконструкции отношения к буддизму в новой политической идеологии раннего периода Токугава.

Е.П. Островская (д.филол.н., гл.н.с., завсектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) представила доклад «Концепция ситуативного освобождения в „Энциклопедии Абхидхармы“ Васубандху». На основе санскритского оригинала памятника докладчица уточнила и истолковала принципиально значимые термины «архат», «победитель аффектов», «плод подвижничества». Ситуативное освобождение в понимании Васубандху, как было продемонстрировано в докладе, является способностью тех типов архатов, которые «наслаждаются состоянием архатства». Их обладание плодом подвижничества не окончательное и зависит от обстоятельств. Практика эффективной трансформации сознания осуществляется в благоприятном месте, без изнурительных постов. Обретение ими состояния освобождения еще не окончательно, но ситуативно обусловлено.

Т.В. Ермакова (к.филол.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) в докладе «Факторы взаимовосприятия индийцев и англичан в Британской Индии (по наблюдениям И.П. Минаева)» на основе очерков И.П. Минаева установила, что колониальные чиновники были вынуждены учитывать исключительно сильное влияние духовных основ и кастовой структуры традиционного индийского общества как регуляторов социального взаимодействия. Индийцы, в свою очередь, воспринимали англичан как изначально чуждых им в существенных аспектах поведенческой нормы. Т.В.Ермакова привела наиболее демонстративные примеры того, что И.П. Минаев называл искусственной культурой Британской Индии: удаленность жилищ англичан от местного населения, обустройство повседневной жизни по образцам метрополии.

В.Ю. Климов (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) выступил с докладом «Пятая тетрадь посланий Рэннэ (1415–1499) верующим», в котором охарактеризовал содержание пятой тетради, роль содержащихся в ней посланий в реализации

замысла патриарха влиятельной школы японского буддизма организовать приходскую систему. Также были обрисованы социальные условия проповеди буддизма в период активной деятельности Рэннё.

Доклад В.П. Иванова (к.ф.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) «Ранджана-липи в записках Д.Г. Мессершмидта» был посвящен исследованию рукописных материалов XVIII в. из коллекции ИВР РАН и СПбФ АРАН — рабочих записей ученого немецкого происхождения Д.Г. Мессершмидта и составленного им адреса императрице Анне Иоанновне, содержащего перевод на мультани христианской молитвы «Отче наш» и записанного письмом ранджана. Эти материалы содержат уникальный лексический материал — образцы мультани начала XVIII в. — диалекта, на котором в то время разговаривали индийские купцы в Астрахани. Как установил докладчик, пальма первенства в исследованиях этого диалекта по праву может быть отдана именно Мессершмидту. В.П. Иванов также высказал предположение, что появление адреса Анне Иоанновне с христианской молитвой на мультани связано с участием ученого в интриге с получением наследства умершего в Астрахани индийского купца новокрещенным индийцем (информантом немецкого исследователя), который находился в то время в Санкт-Петербурге.

Р.Н. Крапивина (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) в докладе «Вирупа (заметки о жизни тантрика)» на широком круге тибетских исторических и агиографических источников восстановила этапы биографии Вирупы (букв. «Безобразный») — деятеля школы тибетского буддизма Сакья. По выводу Р.Н. Крапивиной, источники зафиксировали два этапа его духовного пути — вначале он тантрик, а затем подвижник-сиддха.

Ю.И. Елихина (к.и.н., в.н.с. Отдела Востока Государственного Эрмитажа) выступила с докладом «Образы Авалокитешвары из пещерных монастырей Дуньхуана и Юйлинь». На основе коллекции буддийского искусства Государственного Эрмитажа и музеев Франции были установлены иконографические типы изображений популярного божества и их региональные варианты.

Независимый исследователь Е.Ю. Харькова (к.и.н.) в докладе «Монастырь Мурге Таши Кхорло в Восточном Тибете. По личным впечатлениям» охарактеризовала историю и современное состояние монастыря, связанного с жизнью видного деятеля тибетского буддизма XX в. Мурге Самтэна Гьяцо. Особое внимание было уделено сохранившимся реликвиям.

С.Х. Шомахмадов (к.и.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) представил доклад «Фрагмент санскритской „Уданаварги“ из Сериндийского фонда ИВР РАН». Были сформулированы результаты палеографического и текстологического обследования фрагмента памятника, предложен вариант транслитерации текста.

Таким образом, в докладах на регулярной конференции «Актуальные проблемы буддологических исследований», организуемой ИВР РАН, было продемонстрировано тематическое разнообразие проблематики палеографического обследования, перевода и исследования письменных памятников буддизма, восстановления истории российского востоковедения.

The “Current Topics of the Buddhist Studies–10, 11” Conference (St. Petersburg, March 15, June 21, 2021)

Tatiana V. ERMAKOVA

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 28.10.2021.

Key words: Buddhism, Buddhist Studies, Institute of Oriental Manuscripts, RAS.

For citation: Ermakova, Tatiana V. “The ‘Current Topics of the Buddhist Studies–10, 11’ Conference (St. Petersburg, March 15, June 21, 2021)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48), pp. 129–135 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO100092.

About the author: Tatiana V. ERMAKOVA, Cand. Sci. (Philosophy), Leading Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (taersu@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5273-7870.

**Ежегодная научная сессия ИВР РАН
«Письменное наследие Востока как основа
классического востоковедения»**

(Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2021 г.)

Т.А. ПАН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

Е.В. ТАНОНОВА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO100093

Статья поступила в редакцию 21.12.2021.

Ключевые слова: ИВР РАН, классическое востоковедение, письменное наследие, рукописи, восточные языки.

Для цитирования: *Пан Т.А., Танонова Е.В.* Ежегодная научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения» (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2021 г.) // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 136–145. DOI: 10.55512/WMO100093.

Об авторах: ПАН Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом Дальнего Востока, заместитель директора по научной работе ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ptatiana@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-2597-2530.

ТАНОНОВА Елена Викторовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, ученый секретарь ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (etanona@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-9012-790X.

© Пан Т.А., 2022
© Танонова Е.В., 2022

сделавшая акцент на уникальности научных направлений ИВР РАН по изучению коллекций восточных рукописей и архивных документов, хранящихся в Институте. В первый и последний дни работы сессии состоялись пленарные заседания. На первом пленарном заседании под председательством чл.-кор. И.Ф. Поповой выступила зам. директора по науке, к.и.н., в.н.с. Т.А. Пан с докладом «Частные книгопечатни маньчжурских книг при династии Цин», основанном на информации из колофонов, предисловий и печатей на маньчжурских ксилографах из коллекции ИВР РАН. В них указываются не только названия книжных фирм, но и конкретные адреса, которые удалось локализовать на карте Пекина. Сведения из колофонов также рассказывают о процессе использования ксилографических досок различными фирмами. Доклад д.и.н., советника ИВР РАН А.И. Колесникова «Письмо иранских зороастрийцев к единоверцам в Индии» по техническим причинам был перенесен на заседание Отдела Ближнего и Среднего Востока.

По уже сложившейся традиции проведения Ежегодной сессии заседания проходили по отделам. Отдел Ближнего и Среднего Востока работал под председательством д.и.н., гл.н.с. С.А. Французова, и было заслушано 19 докладов, в том числе два онлайн. Помимо действующих и бывших сотрудников и аспирантов ИВР РАН с сообщениями выступили четыре сотрудника сторонних организаций. Почти вся средне-восточная тематика (главным образом, иранская) пришлась на понедельник, а ближневосточная — на среду. На первом дневном заседании 13 декабря 2021 г. 10 докладчиков (из них один онлайн) познакомили 14 присутствовавших (из них трое онлайн) с результатами своих исследований. Как обычно, приоритет был отдан изучению рукописного фонда Института: советник ИВР РАН, д.и.н. А.И. Колесников, представил анализ письма иранских зороастрийцев к единоверцам в Индии (в арабской графике). В.н.с., д.ф.н. О.М. Чунакова дала характеристику согдийским фрагментам Дуньхуанского фонда, а в.н.с., к.ф.н. Ю.А. Иоаннесян подробно остановился на двух рукописных трактатах основоположника шейхизма Саййида Казима Рашти.

На работу с архивными документами опирались в своих сообщениях доцент СПб университета промышленных технологий и дизайна, к.и.н. И.К. Павлова, рассказавшая о малоизвестных аспектах творческой деятельности выдающегося ленинградского ираниста профессора А.Н. Болдырева; сотрудник ВФ СПбГУ Н.Е. Васильева, которая ввела в научный оборот новые материалы к биографии историка-востоковеда К.А. Иностранцева, и библиотекарь отделения БАН при ИИМК РАН Е.Ю. Янушкевич, показавшая, что в правление Николая I на армян, участвовавших в русско-персидской торговле, распространялся режим протекционизма. Живое обсуждение вызвал зачитанный Ю.А. Иоаннесяном доклад отсутствовавшей по состоянию здоровья советника ИВР РАН, д.ф.н. З.А. Юсуповой, который был посвящен научному наследию курдского ученого и политического деятеля Мухаммада Мукри и был приурочен к его столетнему юбилею.

Пожалуй, наибольшей глубиной и тщательностью разработки материала отличалось выступление в.н.с., к.и.н. А.А. Хисматулина, в котором он подверг нелицеприятной, но обоснованной критике переводы средневековых персидских сочинений на русский, выполненные классиками отечественной иранистики, и вскрыл причины устаревания переводов. Гость годичной сессии из Сыктывкара, с.н.с. ИЯЛИ Коми НЦ Уральского отделения РАН, к.ф.н. В.В. Понарядов, выступавший онлайн, поделился с присутствовавшими проблемами перевода и интерпретации средневековой мусульманской военно-технической терминологии. С.н.с., к.и.н. А.Г. Грушевой, показал, как

при создании школ Православного Палестинского общества сталкивались интересы России, Османской империи и Иерусалимского патриархата.

На утреннем заседании 15 декабря девять докладов были заслушаны 15 присутствовавшими. Следует особо отметить выступление гостя из Киева, доцента филологического факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, к.полит.н. В.М. Мельника, осветившего историю европейской коптологии в аспекте пополнения и изучения собрания коптских рукописей Ватиканской Апостольской библиотеки. Ведущий отечественный коптолог, гл.н.с., д.и.н. А.Л. Хосроев обратился к реконструкции представлений раннего христианства, связанных с крещением, на примере сюжета апокрифических евангелий об Иисусе-красильщике. Два доклада были посвящены гебраистической тематике: гл.н.с., д.и.н. С.М. Якерсон представил колофоны еврейских инкунабулов как произведения изящной словесности на иврите, а его аспирантка Е.М. Белкина осуществила подробный разбор палеографии средневековых еврейских рукописей из Ирана, Афганистана и Средней Азии. В своем сообщении гл.н.с., зав. Отделом Ближнего и Среднего Востока С.А. Французов рассказал о попытке ученых датировать концом V в. н.э. греко-арабскую Псалтирь, по его мнению, относящуюся приблизительно к XI в. н.э., и сделал вывод о том, что речь идет о добросовестном заблуждении представителей традиционной учености. Его аспирантка Е.В. Трепналова показала вариант прочтения фрагментарного текста на папирусе XI–XIII вв. н.э. (письма, адресованного *кади*, по поводу наследства) из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москва). Словам и выражениям на амхарском языке, обнаруженным в хрониках начального этапа феодальной раздробленности в Эфиопии (конца XVIII в.), посвятила доклад н.с., к.и.н. Е.В. Гусарова. Такое явление, как «братство по кораблю», т.е. установление тесных межличностных связей между невольниками, перевозившимися на одном судне в Вост-Индии и в бассейне Индийского океана, проанализировал в своем сообщении профессор, д.и.н. В.А. Попов. С новыми данными, извлеченными из архива военного востоковеда, специалиста по Афганистану А.Е. Снесарева (1865–1937), познакомила собравшихся с.н.с., к.и.н. О.А. Воднева.

В Отделе Дальнего Востока прошло четыре заседания и было прослушано 15 докладов. В первый день на первом заседании под председательством к.и.н. В.В. Щепкина выступила магистрантка института востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена Д.С. Анофриева с докладом «Перевод ономастопозитических слов с корейского языка на русский язык», рассказав об особенностях использования ономастопозитических слов в корейском языке. Корейская тема была продолжена в докладе к.и.н., с.н.с. Ю.В. Болтач «Во сне и наяву: повествования „Самгук юса“ о явлении людям Будд и бодхисаттв» на основе одного из двух базовых источников по истории Кореи с древнейших времен до конца XIII в. В докладе рассматривались сюжеты, связанные с явлениями людям Будд и бодхисаттв, и была сделана попытка ответить на вопрос, почему в некоторых случаях эти явления представлены как происходящие наяву, а в других случаях — как происходящие во сне. В докладе н.с. В.П. Зайцева «Предварительное сообщение о рукописи Г.Ф. Миллера “Vera interpretatio folii Tangutici Fourmontiani”» были даны результаты предварительных разысканий по поводу неопубликованной рукописи Г.Ф. Миллера (1705–1783) «Истинный перевод тангутского листа Фурмонов». Рукопись является отрывком из «обсерваций исторических» 1736 г. и посвящена знаменитому листу тибетской рукописи из Аблай-хита, текст которого был переведен для Петра I в Париже в 1722–1723 гг. двумя французскими учеными —

братьями Этьеном и Мишелем Фурмон. К.и.н., в.н.с. Р.Н. Крапивина в докладе «О стратегии текстов махаяны» говорила о мыслительном диапазоне в отношении объекта (все живые существа) и субъекта (познавательные акты и состояния ума) и о так называемых «четырёх безмерных» — равенстве, сострадании, любви и радости. Вывод докладчика состоит в том, что общая стратегия текстов махаяны, обращенная к человеку с его уникальным «программным обеспечением» в виде тела и ума, направлена на то, чтобы, проживая человеческую жизнь, и изменять в лучшую сторону качество жизни за счет развития мышления, поведения и тела с помощью буддийских «технологий».

На втором заседании под председательством к.и.н. Ю.В. Болтач было заслушано четыре доклада, посвященных Японии и Вьетнаму. Н.с., к.ф.н. А.Ю. Луценко в докладе «Сведения об авторе комментария XVII века „Хэйкэ моногатари хё:бан“ в произведении „Бо:эндзацуруку“» рассмотрел отрывки из анонимного «Бо:эндзацуруку» («Заметки о смотреии вдаль»), указывающие на монаха Какудзэна как автора (или соавтора) комментария. Эти сведения опровергают бытовавшее с периода Токугава (1603–1868) мнение, что автором был Юи Сё:сэцу, известный попыткой мятежа против бакуфу в 1651 г. Доклад гостя из Москвы с.н.с. ИВ РАН, к.и.н. С.А. Полхова «Непростительные прегрешения опального вассала: порицания Ода Нобунага для Сакума Нобумори и Нобухидэ» был посвящен обвинительному документу, который знаменитый японский военачальник второй половины XVI в. Ода Нобунага составил в адрес своего многолетнего вассала Сакума Нобумори и его сына Нобухидэ, после того как последние не смогли достичь успеха в войне с монастырем Исияма Хонгандзи. С.н.с., к.и.н. В.В. Щепкин в докладе «Об этнониме „сантан“ в японских сочинениях XVIII в.» рассмотрел случаи употребления слова «сантан» в качестве этнонима и топонима. Было высказано предположение, что японские авторы того времени еще не знали об этническом разнообразии северной части Сахалина и района устья реки Амур и воспринимали этот регион как единое целое, отличное лишь от знакомых японцам районов проживания айнов. Лишь после экспедиций в этот регион в конце 1800-х годов японцами были подробно описаны несколько сахалинских и приамурских народов, после чего слово «сантан» практически вышло из употребления. Доклад «Аналоги предметов вьетнамского вооружения XVII в. из коллекции адмирала Корнелиса Тромпа в письменных и изобразительных источниках XVII–XX вв.» к.и.н., н.с. В.А. Ветюкова был посвящен проблеме поиска в письменных и изобразительных источниках сведений, подтверждающих вьетнамское происхождение предметов вооружения из коллекции голландского адмирала Корнелиса Тромпа (ныне в собрании Национального Музея Нидерландов). Докладчик основывался на выдержках из корреспонденции голландской Ост-Индской компании — письмах императора Ле Тхан Тонга (1619–1643 / 1649–1662) и военного правителя княжества Дангнгоай Чинь Чанга (1623–1657), а также «Истории королевства Тонкин» миссионера Александра де Рода (1591–1660), «Записях о военном деле» вьетнамского ученого-конфуцианца Фан Хюи Чу (1782–1840). В доказательство своей версии докладчик представил малоизвестные изобразительные источники — портрет военного деятеля Ву Конг Чана (1618–1699), вертикальный свиток «Чествование военного чиновника» 1784 г. из собрания Национального Музея искусств г. Ханой, фотографии, сделанные в день интронизации последнего вьетнамского императора — Бао Дая (1925–1945), примеры изображения аналогичных предметов восточного вооружения в голландской живописи XVII в.

Второй день работы Отдела Дальнего Востока был посвящен китаеведной тематике. На первом заседании под председательством Т.А. Пан было прослушано четыре доклада. К.и.н., н.с. ИВ РАН Т.А. Сафин сделал доклад по древнекитайскому языку «Была ли полифония в древнекитайской письменности?». Доклад н.с., к.и.н. А.Э. Терехова «О чем не говорил Ло Ми: династия Юй в легендарной истории Китая» был посвящен представлениям о династии Юй, якобы правившей Китаем до образования государства Ся. Достаточно популярные в доимперский период, в последующие эпохи эти взгляды постепенно отмирали и в результате полностью выпали из сферы внимания китайских ученых. Свидетельством этого является отсутствие упоминаний о династии Юй в труде «Грандиозная история» («Лу ши») южносунского историка Ло Ми (1131–1189/1203), ставшем самой крупной компиляцией традиционной информации о легендарной истории Китая. В докладе были рассмотрены сохранившиеся в древнекитайских памятниках упоминания об этой эпохе, а также причины ее последующего забвения. М.н.с., к.и.н. О.А. Бонч-Осмоловская анализировала причины критического отношения танского историка Лю Чжи-цзи к конфуцианским текстам в его трактате «Постижение истории». До него канонические тексты пользовались незыблемым авторитетом не только в экзегетическом дискурсе, но и в историографической традиции, поэтому вопрос об «исторической» достоверности их происхождения, авторстве или избирательности содержания фактически не ставился. В докладе были представлены методы Лю Чжи-цзи в работе с текстом и «историографические принципы», которым, по его мнению, должны были соответствовать каноны. О проблемах работы с Тангутским фондом поделился н.с. К.М. Богданов, выступив с докладом «Новый каталог Тангутского фонда: трудности, перспективы, целесообразность». По его мнению, в настоящее время нет необходимости составления нового каталога, несмотря на то что эта задача несколько раз ставилась перед автором и его коллегами.

На втором заседании под председательством к.и.н. А.Э. Терехова были заслушаны три доклада молодых китаистов. Аспирант К.К. Петров рассказал о текстологических различиях двух изданий сборника сочинений художника эпохи Мин Дун Цичана «Хуа чань ши суй би» 1720 и 1911 гг. из фонда китайских ксилографов ИВР РАН. Как показал докладчик, ранняя редакция представляется более свободной от вмешательств в текст, более поздняя имеет конкретные следы идеологической редакции, поскольку памятник насыщен фактами о политической и культурной жизни эпохи Мин, об общественных и эстетических взглядах Дун Цичана, официальное отношение к которым менялось в более поздний период. Магистрантка ВФ СПбГУ Т.В. Клементьева выступила с докладом «Взгляд Ин Шао (145–206 гг.) на взаимоотношения человека со сверхъестественными явлениями в трактате „Фэн су тун и“ („Проникновение в смысл поветрий и обычаев“)), в нем был проведен анализ особенностей критики религиозных суеверий в главе трактата под названием «Чудища и божества» («Гуай шэнь»). Был сделан вывод о том, что высокие моральные качества, по мнению Ин Шао, помогают человеку без потерь для себя перенести встречу с проявлениями сверхъестественного, а строгие политические меры в виде уголовных наказаний позволяют свести на нет распространение ложных суеверий и вредных культов. Магистрантка ВУФ СПбГУ Л.И. Черевко посвятила свой доклад «Исследование обстоятельств рождения Сунь Укуна на материале первой главы романа У Чэньэня „Путешествие на Запад“» попытке выяснения появления одного из пяти главных героев романа, Царя Обезьян. Докладчик соотнесла обстоятельства чудесного рождения,

представленные в буддийско-даосской парадигме мировосприятия, с мотивом чудесного рождения (и удивительной внешности) у совершенных мудрецов в апокрифической традиции. По мнению исследовательницы, истоки образа Царя Обезьян связаны и с Хануманом в индийском эпосе, и с обезьянами китайских народных легенд.

В рамках ежегодной научной сессии ИВР РАН на заседании сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии было заслушано и обсуждено девять докладов. Заседание проводилось в ZOOM, два доклада были онлайн. Три доклада были посвящены исследованию проблем буддийской философии на основе санскритских оригиналов трактатов-шаштр. В.н.с., д.филос.н. С.Л. Бурмистров сопоставил буддийскую и индуистскую трактовку категории «время» в докладе «Онтология времени в мадхьямаке и адвайта-веданте». Н.с., к.филос.н. Е.А. Десницкая проанализировала комментаторские подходы к анализу вступительных строф философских трактатов в докладе «„Мангалавада“ Варахарья: лингвистические особенности и текстуальные параллели» на основе рукописи из собрания ИВР РАН. Завсектором Южной Азии, д.филос.н. Е.П. Островская представила доклад «О происхождении и истоках морали в трактатах постканонической абхидхармы», в котором рассмотрела процесс зарождения и развития буддийской этической теории. Смысловая связь доктрины и практик рецитации в буддизме была проанализирована с.н.с., к.и.н. С.Х. Шомахмадовым в докладе «Перечисление имен бодхисаттв в аспекте Восьмеричного благородного пути». С.н.с., к.ф.н. Т.И. Оранская выступила с докладом «Об этнониме парья: многозначность термина» и рассказала об этнической группе среднеазиатских цыган. В.н.с., к.филос.н. Т.В. Ермакова на основе материалов из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН охарактеризовала содержание научных связей буддологов в 1930-х годах в докладе «Источники по изучению научных связей Дж. Гуччи с учеными отечественной буддологической школы». Наряду с сотрудниками сектора доклады представили приглашенные участники. Ассистент О. Кницлер (Саксонская академия наук, Лейпциг) рассказала о проекте исследования буддийской настенной росписи пещерных храмов Кучи, особое внимание уделив проблеме восстановления изначального вида росписей, частично снятых в процессе раскопок. На заседании были продемонстрированы результаты реставрации рукописей, проведенной молодым специалистом В.В. Коростелевой. Аспирант ИВР РАН А.В. Мешезников сообщил о своей работе над неопубликованными фрагментами Лотосовой сутры из коллекции ИВР РАН.

На заседаниях сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии было заслушано девять докладов. На первом заседании под председательством д.ф.н. И.В. Кулганек было прочитано три доклада. В совместном докладе м.н.с. М.А. Козинцева и проф., зав. кафедрой теории и истории права и государства НИУ ВШЭ, д.и.н. Р.Ю. Почекаева «„Заметки туриста“ Ш.М. Ибрагимова как источник по исторической географии Туркестанского края» рассматривались заметки чиновника Ш.М. Ибрагимова (1841–1891) о поездке по населенным пунктам Туркестанского края. Была представлена биография самого Ш.М. Ибрагимова и показана важность данного текста для изучения исторической географии, а также истории и этнографии местного населения. Характеристика архива Н.П. Шастиной, одного из ведущих монголоведов XX в., работавшей в Ленинграде и Москве (откуда и поступил ее архив в ИВР РАН в начале 1980-х годов), была дана в докладе м.н.с. С.С. Сабруковой «Предварительные результаты описания коллекции архивных материалов Н.П. Шас-

тиной». В настоящее время С.С. Сабрукова занимается описанием архива, который будет введен в научный оборот в 2023 г. и станет доступен исследователям. Д.и.н. Т.Д. Скрынникова в докладе «Жанр плача в монгольских летописях» проанализировала пять отрывков из монгольских летописей, относящихся к рассматриваемому жанру. Докладчик впервые предложила трактовать тексты как плачи, приписываемые автором «Тайной истории монголов» постоянному конкуренту Чингис-хана в борьбе за власть — Чжамухе и Толую — младшему сыну Чингис-хана, и обозначить их как «плач по самому себе».

Второе заседание сектора под председательством Т.Д. Скрынниковой прошло в онлайн формате, и на нем было заслушано шесть докладов. Совместный доклад м.н.с. М.А. Козинцева и м.н.с., к.ф.н. А.А. Туранской «Эстампажи рунической надписи Тоньюкука в фонде Центральной Азии и Сибири ИВР РАН: история поступления материалов» был основан на результатах инвентаризации фонда Центральной Азии и Сибири, где были выявлены 101 эстампаж с эпиграфических памятников древнетюркской рунической письменности «Надпись Тоньюкука». Один из наиболее крупных и известных был обнаружен недалеко от Урги в 1897 г. и опубликован два года спустя В.В. Радловым. В 1899 г. в «Атласе древностей Монголии» были изданы 17 эстампажей надписи на двух стелах. Именно фотокопии этих эстампажей памятника получили наибольшую известность и использовались тюркологами на протяжении XX в. Оттиски до сих пор хранятся в коллекции Института восточных рукописей РАН. Доклад был посвящен истории происхождения изготовленных на рубеже XIX–XX вв. копий на ткани и бумаге. Д.ф.н. И.В. Кульганек посвятила доклад генезису монгольских триад. В докладе были отражены результаты мультидисциплинарного исследования, которое автор проводил в рамках плановой темы. Используя выводы современных работ по философии, психологии, физиологии, докладчик впервые обосновала самостоятельность жанра монгольских триад и время их появления как более раннее, чем время создания монгольских загадок, поскольку триады построены по принципу *рядоположения*, относимого современными психологами к архаическому типу мышления. Загадки же возникли, когда вызрел новый тип мышления — метафорическое мышление параллелизмами. Автор на большом фактическом материале монгольских триад и загадок показала обоснованность своих выводов. Архивным материалам был посвящен доклад н.с., к.ф.н. Д.А. Носова «Монгольские рукописи, поступившие от В.А. Казакевича: подорожные, удостоверения, письма, стенгазеты». Докладчик дал краткую характеристику первой группе монгольских рукописей, поступивших от В.А. Казакевича в 1927 г., а также интересного позднего памятника советской агитационной литературы на старомонгольском языке — стенгазетам 1932 г. из Восточной Бурятии, хранящимся в фонде исследователя в Архиве востоковедов. В докладе «Д.Г. Мессершмидт и первые монгольские тексты в Библиотеке Академии наук» м.н.с. А.А. Сизовой был дан обзор сведений о возможных источниках поступления монгольских текстов в первой половине XVIII в., а также представлены шесть единиц хранения с печатью Библиотеки Академии наук, которые до настоящего момента не исследовались и не были вписаны в историю формирования монгольского фонда. С.н.с., Ph.D Н.В. Ямпольская в докладе «С монгольского на тибетский и обратно: о любопытном способе формирования ойратских версий одного ритуального текста» дала текстологический анализ ритуального текста, связанного с культом Белого Старца. Работа с текстами на ойратском, монгольском и тибетском языках позволила установить, что исследуемый текст — «Санг Белого Старца» —

в процессе своего распространения был сначала переведен с монгольского (или ойратского) языка на тибетский, а позднее — обратно с тибетского на ойратский язык. Бытование текста не выходит за рамки монгольского культурного ареала, и переводы в обоих случаях осуществлялись монголами или ойратами, владевшими тибетским языком. Столь необычный эпизод в истории распространения ритуального сочинения интересен с точки зрения связи письменных текстов и обрядовых практик. Сравнению языка ойратского перевода «Сутры Золотого блеска» с тибетским текстом и монгольским переводом был посвящен доклад к.ф.н., с.н.с. Н.С. Яхонтовой «Финитные формы глагола в ойратских переводах с тибетского». Было показано, что ойратский переводчик Зая-пандита следовал своей системе перевода — точной передачи тибетского оригинала. Однако в главах нарративного характера система соблюдалась менее строго. Кроме того, было выявлено употребление в ойратском переводе двух аналитических глагольных форм настоящего времени, которые более точно передают тибетский текст, отсутствуют в монгольском переводе и не отмечены в грамматиках.

На заседании Отдела Древнего Востока под председательством д.и.н. И.Н. Медведской было прослушано пять докладов. В докладе И.Н. Медведской «Некоторые черты материальной культуры Маннейского царства» были рассмотрены отдельные образцы элитной керамики, которые свидетельствуют о культурных связях между Ассирийским и Маннейским царствами в VIII–VII вв. до н.э. На территории Древнего Ирана только маннейские мастера, заимствовав у ассирийцев технику производства глазури, использовали ее для изготовления элитной керамики и настенных кирпичей. Н.с., к.и.н. М.М. Юнусов сделал сообщение об архаических монетах Средиземноморья. На большом иллюстративном материале он рассказал о европейских коллекционерах монет и ученых XVIII в., которые заложили основы нынешней нумизматики как одной из отраслей исторической науки. Доклад с.н.с., к.и.н. И.В. Богданова «Два фрагмента рельефов из раскопок Селима Хасана в Саккара — на рынке древностей» был посвящен атрибуции памятников из гробниц, открытых в 1937–1938 гг. в Саккара, в некрополе к западу от ступенчатой пирамиды, и опубликованных в 1975 г. Заки Искандером. Этими памятниками являются: 1) кусок притолоки из гробницы Чемезу, который выставлялся на двух французских аукционах в 1993–1994 гг.; 2) фрагмент рельефа из гробницы Чефу, по состоянию на 2021 г. находившийся в одном антикварном магазине в Токио. Обе гробницы датируются концом правления Унуса, их владельцы происходили из семьи Птаххотепа I, визиря царя Джедкара Исси. Был дан краткий комментарий к именам и титулам персонажей, изображенных на памятниках. В сообщении м.н.с. М.В. Фионина «„Фисташковый нард“: к вопросу об экзегетике *Ин* 12.1–11» было рассмотрено сложное для перевода сочетание слов *λίτραν μίρον ἄρδου πιστικῆς* «литр мира нардового настоящего» из *Ин* 12.3. На основе раннего сирийского перевода V в., представленного в рукописи *Syr*^S, можно предположить, что автор евангелия имел в виду «фисташковый нард» — благовонную мазь, приготавливаемую из фисташкового ореха, известную в античности, как *myrobalanum*. Тогда *πιστικῆς* — транслитерация арамейского *ܦܢܫܬܐܩܐ* (*pistaqa*) «фисташковый орех», и его греческое написание предположительно выглядело бы так: *πιστακῆς*. Аналогичный вариант лексемы на сирийском языке как раз и представлен в соответствующем месте Синайско-сирийской рукописи *Syr*^S (V в.). Доклад н.с. А.И. Янковского-Дьяконова «Итоги работы Российско-Иракской комплексной экспедиции за 2021 год» был посвящен работе на Телле Дехайла-1. В результате

археологических работ был открыт сравнительно недолго существовавший город старовавилонской традиции, основанный, по-видимому, не ранее XX в. до н.э., а возможно и позже, вплоть до XVIII в. до н.э. Центральная часть города пережила три периода, из которых первый, основной, городской, относится к старовавилонской традиции, а два других — к негородским поселениям, образованным на руинах прежнего города. Докладчик также ознакомился с частной коллекцией рукописей семьи Баш-Айан, возникшей еще в конце аббасидского периода (в XII–XIII вв.) и когда-то насчитывавшей около 4000 арабских, персоязычных и тюркоязычных рукописей, из которых до нашего времени дошло 1500. Каталог этих рукописей, составленный Али Аль-Хакани в 1945 г., требует значительных уточнений; многие рукописи пострадали от сырости и нуждаются в реставрации. Собрание находится в частных руках, что создает проблемы для его спасения в рамках государственных программ. Региональное управление древностей и наследия и семья Баш-Айан надеются на сотрудничество с ИВР РАН.

В последний день работы конференции на пленарном заседании под председательством Т.А. Пан было заслушано два доклада. В докладе «Тибето-монгольские штудии акад. Г.З. Байера» с.н.с., к.ф.н. А.В. Зорин остановился на одном из основных направлений научной деятельности первого востоковеда в составе Российской академии наук — Т.З. Байера (1694–1738). В 1720-е годы вышло две предварительные публикации Байера по теме тибетской и монгольской письменности, одна из них содержала первый в истории европейской науки перевод сочинения, относящегося к ритуальной практике тибето-монгольского буддизма. После переезда в Россию Байер получил в свое распоряжение материалы, привезенные из Сибири Д.Г. Мессершмидтом (1685–1735). В частности, он сумел опубликовать полный набор букв и лигатур индийского письма ранджана (ланьца), тибетского и монгольского алфавитов. Уже после смерти ученого была издана и ойратская азбука, приобретенная для него в Москве Х.Ф. Гроссом (1696–1742). Доклад с.н.с., к.и.н. В.Ю. Климова «Тюремные записки Рихарда Зорге. К 80-летию завершения деятельности резидентуры „Рамзай“ в Японии» был основан на японском переводе с немецкого языка «Тюремных записок» Рихарда Зорге, написанных им в тюрьме Сугамо, а также материалах допросов «Дзоругэ дзикэн», проведенных тайной полицией министерства внутренних дел Японии. Докладчик показал, что «Записки» являются ценным источником при изучении деятельности Зорге, работы советской резидентуры в Японии и исторической обстановки в стране.

В конце пленарного заседания руководители всех секций дали оценку работы их подразделений и кратко охарактеризовали заслушанные доклады. На сессии выступили не только сотрудники Института, но и гости из других научных центров Санкт-Петербурга, Москвы и других городов. В целом тематика докладов охватывала проблемы источниковедения, историографии, восточной филологии, истории востоковедения, палеографии и реставрации. Работа заседаний прошла плодотворно и успешно, все доклады вызвали заинтересованное обсуждение, и было высказано пожелание опубликовать все доклады в качестве статей в научных журналах.

**The Annual “Written Heritage of the Orient
as the Basis for Classical Tradition in Oriental Studies”
Session at the IOM, RAS
(St. Petersburg, December 10–12, 2021)**

Tatiana A. PANG

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Elena V. TANONOVA

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 21.12.2021.

Key words: IOM RAS, classical Oriental Studies, written heritage, manuscripts, Oriental languages.

For citation: Pang, Tatiana A., Tanonova, Elena V. “The Annual ‘Written Heritage of the Orient as the Basis for Classical Tradition in Oriental Studies’ Session at the IOM, RAS (St. Petersburg, December 10–12, 2021)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48), pp. 136–145 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO100093.

About the authors: Tatiana A. PANG, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Far Eastern Studies, Deputy-director for Science, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ptatiana@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-2597-2530.

Elena V. Tanonova, Cand. Sci. (Philology), Research Fellow, Scientific Secretary of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (etanona@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-9012-790X.

Рецензия на книгу:

Тибетология в Санкт-Петербурге. Выпуск 2 / Отв. ред. А.В. Зорин. —

СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. — 356 с. + 16 ил. — ISBN 978-5-85803-572-5

Н.В. ЦЫРЕМПИЛОВ

Департамент истории, философии и религиоведения Назарбаев Университета
Нур-Султан, Казахстан

DOI: 10.55512/WMO83789

Рецензия поступила в редакцию 28.10.2021.

Ключевые слова: Россия, Тибет, Казахстан, востоковедение, история науки, буддизм.

Для цитирования: *Цыремпилов Н.В.* Рецензия на книгу: Тибетология в Санкт-Петербурге. Выпуск 2 / Отв. ред. А.В. Зорин. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. — 356 с. + 16 ил. // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 1 (вып. 48). С. 146–150. DOI: 10.55512/WMO83789.

Об авторе: ЦЫРЕМПИЛОВ Николай Владимирович, доктор исторических наук, ассоциированный профессор Департамента истории, философии и религиоведения Назарбаев Университета (Нур-Султан, Казахстан) (nikolay.tsyrempilov@nu.edu.kz).

© Цыремпилов Н.В., 2022

Сборник научных трудов «Тибетология в Санкт-Петербурге. Выпуск 2» (Санкт-Петербург, 2021) подготовлен авторами, объединенных в научно-исследовательский коллектив, работавший по проекту РФФИ «У истоков тибетологии: российско-французское сотрудничество в исследовании первых тибетских рукописей в Европе». Большинство статей сборника представляют результаты проведенного под руководством к.ф.н. А.В. Зорина исследования. Он же выступает в качестве редактора сборника. Материалы сборника затрагивают широкий спектр научных проблем. Его главной темой является история первых тибетологических исследований в Европе, которая теснейшим образом связана с фрагментами тибетских и монгольских буддийских сочинений из ойратских монастырей Прииртышья Семи Палат и Аблай-кита.

Сборник открывается редакторским предисловием на русском и английском языках (с. 7–9), в котором А.В. Зорин дает предысторию книги и кратко характеризует ее

содержание. Сборник состоит из двух частей, первая из них посвящена истории ранних европейских исследований тибето-монгольских манускриптов, а вторая включает диссертационное исследование безвременно ушедшего тибетолога В.С. Толочкова. Завершают книгу краткие биографические сведения об авторах статей, вошедших в данный сборник. Структура книги представляется мне логичной и ясной. Так, статья А.В. Зорина «Тибетские рукописи из Семи Палат в собрании ИВР РАН» создает необходимый содержательный и полемический контекст, позволяющий глубже понять общую проблематику этой части книги и проследить научную дискуссию, продолжающуюся в последующих статьях. Этот внутренний диалог между главами первой части делает ее чтение содержательным и увлекательным. Вторая часть книги слабо связана с первой, но она также выдержана по тематике.

Статья А.В. Зорина «Тибетские рукописи из Семи Палат в собрании ИВР РАН» (с. 14–27) содержит описание фрагментов тибетоязычной «Панчавимшатисахасрика-сутры», которые поступили в фонды ИВР РАН, по мнению автора, из ойратского монастыря Семь Палат, а также обоснование версии автора об ошибочности причисления их к корпусу рукописей из Аблай-кита. Статья предназначена вниманию профессиональных тибетологов и монголоведов, специализирующихся в тибето-монгольской письменной культуре, и, кроме того, специалистов по истории российского и, шире, европейского востоковедения. Статья содержит ссылки на предыдущие труды автора и может быть полноценно понята только после их прочтения. Несомненно, данная работа вносит важный вклад в систематизацию знаний об истории формирования фондов ИВР РАН и истоках научного востоковедения в России. Статья имеет также ценность в связи с публикацией каталога списков сохранившихся рукописей из монастыря Семи Палат, цветных изображений сохранившихся фрагментов и транслитерации их текстов (с. 28–74). К сожалению, низкое полиграфическое качество изображений, сопровождающих статью, препятствует их полноценному восприятию и использованию. Однако в середине книги во врезке между с. 232–233 имеются великолепные по качеству воспроизведения копии некоторых манускриптов, упоминаемых в статье, а также важный иллюстративный материал к другим статьям сборника.

Большой интерес вызывает публикация В.П. Зайцева «Перевод с тибетского языка братьев Фурмон (1723 г.)» (с. 75–125). В отличие от предыдущей статьи, которая доступна в основном узким специалистам в области тибетологии, эта часть книги, несомненно, будет интересна более широкому кругу читателей, несмотря на малоинформативное и блеклое название. Она содержит в себе основательное и в то же время доступно написанное изложение истории изучения листов одной из рукописей, найденных в ойратском монастыре Аблай-кит. Автор ставит целью систематизировать доступные на сегодняшний день знания по данному предмету и блестяще справляется с этой задачей. При этом статья написана в полемическом стиле и находится в активном диалоге как с работами, представленными в данном томе, так и с трудами по рассматриваемой теме, вышедшими ранее, особенно в последние годы. Публикация сопровождается очень подробными сносками, материал которых едва ли не превышает объем самой статьи. В глазах вдумчивого исследователя, однако, материал этих сносок только повышает ценность работы. Столь насыщенная фактологией и сложная в плане аргументации статья имеет существенный недостаток: она, к сожалению, не содержит достойного заключения, резюмирующего изложенный материал, зато дополнена ценным приложением, содержащим факсимиле и транскрипцию письма Ж.-П. Биньона Петру I (с. 126–134).

Статья А.А. Сизовой «О первой попытке перевода в истории тибетологии: метод братьев Фурмон» (с. 135–155) продолжает основную тему данной части книги и перекликается с предыдущей статьей. Она заполняет важную лауну в истории зарождения европейской тибетологии, проясняя суть подхода европейских исследователей, впервые пытавшихся перевести тибетско-санскритские фрагменты буддийской «Махавайрочана-сутры» из Аблай-кита на латынь. В работе весьма доходчиво показаны логические основания, на которые опирается интерпретация братьев Фурмон, и причины, по которым они не могли на том уровне европейских знаний о грамматике и лексике тибетского языка, а также философии буддизма Махаяны предложить адекватный перевод фрагментов сутры. Ценность данной работы усиливается и публикацией перевода на русский фрагмента из книги Г. Байера по данному вопросу с подробным разбором перевода Фурмонов и статьи Г.Ф. Миллера с монгольским переводом тех же фрагментов. Все эти сведения очень важны для понимания развития европейских знаний и переводческих навыков в тибетологии (с. 156–194).

Первую часть книги продолжает статья В.Б. Бородаева, связанная с ее главной темой — историей обнаружения и исследования рукописей из ойратских буддийских монастырей Восточного Казахстана (с. 195–245). Бородаев фокусируется на трех листах монгольского «золотого Ганджура», обнаруженного в библиотеке г. Линчёпинг (Швеция). Основываясь на собственной интерпретации кириллической надписи, найденной на маргиналиях одного из листов, автор делает некоторые выводы, которые, впрочем, по существу лишь подтверждают дату нанесения этой надписи — 1720 г. На мой взгляд, наиболее важной частью статьи является упорядочивание хронологии открытия и доставления в Россию и Европу рукописей из заброшенных ойратских буддийских монастырей. Эта хронология имеет большое значение как в деле упорядочивания сведений о коллекциях, принадлежавших библиотекам различных ойратских монастырей, так и в вопросах изучения этих рукописей европейскими исследователями. Статья, безусловно, вносит важный вклад в изучение этих вопросов.

Статья А.А. Туранской (с. 246–266) содержит анализ четырех фрагментов монгольских рукописей, некогда хранившихся в Аблай-ките и во второй половине XVIII в. попавших в Национальную библиотеку Франции. Представленный анализ показывает принадлежность фрагментов к определенным разделам канона и конкретным каноническим сочинениям. Автор главы делает осторожные предположения о возможном южномонгольском происхождении списков, которые, скорее всего, датируются XVII в. Подобный анализ возможен благодаря большой работе по сличению различных редакций монгольского канона, которую проводит группа монголоведов под руководством К.В. Алексеева уже много лет. Материал и выводы статьи, несомненно, имеют особое значение в контексте этой работы и углубляют наши знания об истории становления европейского востоковедения.

Данная часть книги заканчивается совместной статьей ведущих российских монголоведов В.Л. Успенского и Н.С. Яхонтовой «Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в библиотеке СПбГУ» (с. 267–292). Представленный в статье материал уникален. Документы были скопированы, переведены на русский язык и переданы в библиотеку известным исследователем калмыцкой литературы на «ясном письме» Г.С. Лыткиным и датируются 1708 г. Статья вводит в научный оборот 35 документов (в переводах на русский язык), которые, несомненно, заполняют лакуны в нашем понимании российско-калмыцких отношений начала XVIII в. В письмах калмыцкого хана Аюки и различных калмыцких князей российским чиновникам в Астрахани об-

суждаются вопросы, касающиеся миссии А. Бековича-Черкасского в Хиву, российской экспансии в казахскую степь и долину Сырдарьи, эпизодам Шведской войны и пр. Статья дополнена цифровыми копиями документов, научной транслитерацией ойратских текстов, переводами в современной языковой стилистике и историко-филологическими комментариями авторов. Статья выполнена на высоком научном уровне и, без сомнений, является важной частью сборника.

Вторая часть книги посвящена безвременно ушедшему тибетологу В.С. Толокнову и открывается воспоминаниями известного российского этнографа Н.Л. Жуковской (с. 294–296), осуществлявшей руководство его диссертационным исследованием. Далее в книге представлены автобиография (с. 302–304) и фрагменты из незаконченной диссертации В.С. Толокнова (с. 305–353). Эти материалы предваряются редакторским введением А.В. Зорина (с. 297–301), в котором он делится с читателями собственными воспоминаниями о Толокнове и дает краткий обзор его диссертационного исследования. На мой взгляд, исследование В.С. Толокнова, если бы оно было завершено, могло стать настоящим событием в отечественной тибетологии. Феномен тибетской диаспоры в Индии, к сожалению, не получает должного внимания со стороны исследователей, что видно из опубликованного в книге библиографического очерка Толокнова. Исследование Толокнова базировалось на анализе материалов на английском и тибетском языках, а также анкетировании тибетских студентов из Дхарамсалы. Остается только выразить горькое сожаление, что данное исследование так и не нашло своего завершения, и выразить большую благодарность редактору книги за публикацию материалов. Уверен, что они вдохновят будущих исследователей на научные изыскания в этой сфере. Имя же В.С. Толокнова останется в анналах отечественной тибетологии, чему в немалой степени способствует данная книга.

Завершая рецензию, должен отметить высокий научный уровень рассматриваемого сборника. Представленные исследования делают важный вклад в изучение тибето-монгольской письменной традиции, истории формирования буддийской канонической литературы на данных языках, истории монастырского буддизма в казахстанском Прииртышье, этнокультурной истории ойратов, а также истории европейского и российского востоковедения от его истоков до наших дней.

Review of the book:

Tibetan Studies in St. Petersburg. Collected papers. Issue 2.

Ed. by A.V. Zorin.

St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2021.

356 p. + 16 il. ISBN 978-5-85803-572-5

Nikolay V. TSYREMPILOV

Department of History, Philosophy and Religious Studies Nazarbayev University
Nur-Sultan, Kazakhstan

Received 28.10.2021.

Key words: Russia, Tibet, Kazakhstan, Oriental Studies, History of Science, Buddhism.

For citation: Tsyrempilov, Nikolay V. "Review of the book: Tibetan Studies in St. Petersburg. Collected papers. Issue 2. Ed. by A.V. Zorin. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2021. 356 pp. + 16 il." *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 1 (iss. 48), pp. 146–150 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO83789.

About the author: Nikolay V. TSYREMPILOV, Dr. Sci. (History), Associate Professor, The Department of History, Philosophy and Religious Studies, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan) (nikolay.tsyrempilov@nu.edu.kz).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» издается четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51>

Письменные памятники Востока

Научный журнал

Учреждитель

Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей)

Адрес учредителя: Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Главный редактор: член-корр. РАН Ирина Федоровна Попова

Над номером работали:

Т.А. Аникеева, А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, М.П. Горшенкова, А.Е. Танчарова,
И.И. Чернышева, Н.Н. Щигорева

**К сведению читателей журнала
«Письменные памятники Востока»**

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

---

Сдано в набор 10.02. 2022. Подписано к печати 14.03.2022. Дата выхода 11.04. 2022. Формат 70×100¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. п. л. 12,3. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 500 экз. Зак. № Цена свободная.

Адрес редакции и издательства: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес типографии: ООО "Литография Принт". 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14. www.litobook.ru e-mail: info@litobook.ru. Тел. +7 (812) 712-02-08